Генералъ Денисовъ

ЗАПИСКИ.

...«Я не пишу о томъ, что хорошо известно, или о тѣхъ событіяхъ, освѣщеніе которыхъ остается безъ измѣненія. Такихъ событій я касаюсь только для того, что-бы лишь связать ихъ въ одно цѣлое, въ общую цѣпь фактовъ трехлѣтней борьбы.

Я пишу и подробно останавливаюсь лишь на томъ, что или совершенно ново для читателя, либо вноситъ совершенно новое освѣщеніе на вопросы, событія и факты, хотя и достаточно знакомые, но изложенные не правдиво» (стр. 1).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГѢ РОССІИ
1918—1920 г.г.

(Въ семи книгахъ, съ приложеніемъ 70 картъ-схемъ, исполненныхъ въ цвѣтныхъ краскахъ).

Книга 1-я. Январь—май 1918 г.

(Съ приложеніемъ восьми картъ-схемъ).

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
1921.

Генералъ Денисовъ

ЗАПИСКИ.

...«Я не пишу о томъ, что хорошо извѣстно, или о тѣхъ событіяхъ, освѣщеніе которыхъ остается безъ измѣненія. Такихъ событій я касаюсь только для того, что-бы лишь связать ихъ въ одно цѣлое, въ общую цѣпь фактовъ трехлѣтней борьбы.

Я пишу и подробно останавливаюсь лишь на томъ, что или совершенно ново для читателя, либо вноситъ совершенно новое освѣщеніе на вопросы, событія и факты, хотя и достаточно знакомые, но изложенные не правдиво» (стр. 1).

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГѢ РОССІИ 1918—1920 г.г.

(Въ семи книгахъ, съ приложеніемъ 70 картъ-схемъ, исполненныхъ въ цвѣтныхъ краскахъ).

Книга 1-я. Январь–май 1918 г.

(Съ приложеніемъ восьми картъ-схемъ).

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
1921.

Константинополь.

Типографія «ПРЕССА».

Асмали-Месджидъ 35.

„ЗАПИСКИ"

генерала С. В. Денисова

Гражданская война на Югѣ Россіи

1918—1920 г.г.

(Въ семи книгахъ съ 70 картами и схемами, исполненными въ цвѣтныхъ краскахъ).

Книга 1-я. Декабрь 1917 г.—май 1918 г.

(*Вышла изъ печати*).

Содержаніе:—Глава I-ая. Состояніе казака на фронтѣ въ 1917 г. и положеніе на Дону къ концу этого г.—Глава II-ая. Начало гражданской войны на Дону. Зарожденіе Добровольческой Арміи.—Глава III-ья. Послѣдніе дни Атамана Каледина. Роковой выстрѣлъ.—Глава IV. Красный Донъ.—Глава V-ая. Заря вспыхнула. Донскіе казаки пробуждаются.—Главая VI. Возстаніе низовыхъ станицъ Дона. Заплавское сидѣніе. Зарожденіе Донской Арміи. Жуткіе дни.—Глава VII-ая. Заплавское сидѣніе. Одинокіе.—Главая VIII. Заплавское сидѣніе. Возвращеніе Походнаго Атамана.—Глава IX. Желанное свершилось.—Глава X. Тревога и покой.—Заключеніе.

Книга II-ая. Май—сентябрь 1918 г.

(*Печатается*).

Содержаніе:—Глава I-ая. Возстановленіе законной власти и порядка на Дону. Донской Атаманъ генералъ Красновъ.—Глава II-ая. Военная власть на Дону и Донскія арміи.—Главая III-ья. Вторженіе нѣмцевъ изъ Украины на Донъ.—Глава IV-ая. Вооружен-

ныя силы юга Россіи.—Главая V-ая. Политика государственныхъ образованій (Донъ, Кубань, Украина, Крымъ) и военныхъ организацій (Добровольческая армія) юга Россіи и ихъ взаимоотношенія.—Глава VI-ая. Донская государственность.—Глава VII. Враги и друзья Дона. Глава VIII. Большой Войсковой Кругъ, его агенты и шпіоны.—Глава IX. Торжество Донского оружія и печаль враговъ. Глава X-ая. Интриги Екатеринодара.—Заключеніе.

Книга III-ая. Октябрь 1918 г.—январь 1919 г.

(*Подготовлена къ печати*).

Содержаніе:—Глава I-ая. Уходъ нѣмцевъ съ Дона и изъ предѣловъ Русскаго Государства.—Глава II-ая. Новая политическая обстановка на Югѣ Россіи и первыя ласточки Запада.—Глава III-ья. Оффиціальные представители союзниковъ на югѣ Россіи.—Глава IV-ая. Интриги Русской власти. Большой Войсковой Кругъ. Кубанская Рада.—Глава V-ая. Заграница и вопросы русской власти.—Глава VI-ая. Погоня за властью на югѣ Россіи.—Глава VII. Единое Командованіе.—Глава VIII. Разложеніе Донского фронта. Причины и слѣдствія.—Глава IX-ая. Смѣна военной власти на Дону и отказъ отъ власти Донского Атамана.—Глава X-ая. Новые спасители, покровители и правители Дона.—Заключеніе.

Книга IV-ая. Февраль—октябрь 1919 года.

(*Подготовлена къ печати*).

Содержаніе:—Глава I-ая. Герои и шуты.—Глава II-ая. Донъ и красныя знамена.—Глава III-ая. Грезы и печальная дѣйствительность. Глава IV-ая. Новые «люди»—новые лозунги.—Глава V. Пиръ во время чумы. Генеральское веселье. Упоеніе властью. Царскіе поѣзда.—Глава VI-ая. Успѣхи общаго оружія.—Глава VII-ая. Вторичное освобожденіе Донской земли отъ большевиковъ.—Глава VIII. Погоня за Москвою, борьба за первенство и власть.—Глава IX. Герои г. Орла и преступники тыла.—Глава X-ая. Развалъ, бѣгство ар-

міи, спасеніе награбленнаго добра, потеря добраго имени и воинской чести.—Заключеніе.

Книга V-ая. Ноябрь—февраль 1920 года.

(*Подготовлена къ печати*).

Содержаніе: Глава I-ая. Туманъ и новые горизонты. — Глава II-ая. Парламенты и говорильни. — Глава III-ья. Казачья политика.—Глава IV-ая. Верховный Кругъ—заколдованный кругъ.—Глава V-ая. Единое правительство Юга. — Глава VII-ая. Сдача родныхъ земель и скитаніе по чужимъ угламъ. — Глава VIII-ая. Новороссійская трагедія.—Глава IX-ая. Свои и чужіе. Брошенные и забытые. — Глава X-ая. У разбитаго корыта.—Заключеніе.

Книга VI-ая. Февраль—августъ 1920 года.

(*Подготовляется къ печати*).

Содержаніе: Глава I-ая. Эвакуація, распыленіе и истребленіе русскихъ гражданъ и русскаго достоянія. Помощь союзниковъ. — Глава II-ая. Турція — первый этапъ бѣженцевъ.—Глава III-ая. Крымъ—новая база.—Глава IV-ая. Новая власть.—Глава V-ая. Фронтъ и тылъ.—Глава VI-ая. Война въ Крыму.—Глава VII-ая. Казачьи представительства, правительства и министры.—Заключеніе.

Книга VII-ая. Сентябрь 1920 г.—мартъ 1921 г.

(*Подготовляется къ печати*).

Содержаніе: Глава I-ая. Грабители фронта—язвы тыла.—Глубокій тылъ и органы русской власти въ Константинополѣ. — Глава III-ья. Бѣженцы подъ солнцемъ юга. — Глава IV-ая. Общественныя и иныя организаціи Россіи.—Глава V-ая. Казачьи атаманы, ихъ правительства и казна въ Константинополѣ.—Глава VI-ая. Крымская катастрофа.—Глава VII-ая. Великая Россія на чужбинѣ. — Глава VIII-ая. Русская армія заграницей. — Глава IX-ая. Грозные признаки. — Глава X-ая. Старое повторилось.—Заключеніе.

Оглавленіе I-й книги.

ОТЪ АВТОРА[1].

Наступили уже тѣ дни, когда три года тому назадъ начали свершаться событія и подвиги Русскими людьми въ степяхъ казачьихъ у береговъ Тихаго Дона, Вольной Кубани, Бурнаго Терека.

Три года ратной жизни отдѣляютъ насъ, воиновъ и гражданъ Великой Россіи,—нынѣ бѣженцевъ, отъ этихъ дней, которые должны быть вѣчно въ памяти послѣдующихъ поколѣній.

---

[1] Авторъ этихъ записокъ Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Святославъ Варламовичъ Денисовъ. Началъ борьбу съ совѣтской властью 4 апрѣля 1918 г. когда былъ назначенъ начальникомъ Донской арміи еще не существующей и имѣюшей формироваться. 12 апрѣля былъ назначенъ Командующимъ Южной группой Донской арміи. 5 мая того же года, Новой Донской властью, онъ былъ поставленъ во главѣ Военнаго Управленія и вооруженныхъ силъ на Дону, получивъ назначеніе на должность Командующаго Донскими казачьими арміями и флотомъ и Управляющимъ Военнымъ и Морскимъ отдѣлами Всевеликаго Войска Донского, въ каковыхъ должностяхъ состоялъ до 2 февраля 1919 г. Подъ его командованіемъ Донская армія не видала пораженій, а военное управленіе не вѣдало «разрухи». 2 фев. 1919 г., въ силу грязныхъ интригъ со стороны Русской власти и политическихъ партій, оставилъ службу и ушелъ въ отставку. Донской Атаманъ генералъ Красновъ, принимая его отставку, не призналъ возможнымъ и для себя оставаться далѣе у власти, не имѣя единомышленниковъ и вѣрныхъ хранителей тайнъ его мудрой политики—также подалъ въ отставку и ушелъ съ высокаго поста Донского Атамана. 2 фев. 1919 года. Въ силу «особыхъ условій», о которыхъ читатель узнаетъ въ свое время (въ послѣдующихъ книгахъ), автору пришлось знать, исполнять и хранить такіе документы, которые не могли быть довѣрены, послѣ нѣкоторыхъ случаевъ, лицамъ весьма высшаго положенія, вѣдающихъ этими вопросами.

Найдутся злые люди и скажутъ: «Все кончилось, все полезное и красивое, содѣянное героями тѣхъ дней, исчезло яко дымъ, ибо затмилось, смѣнившими побѣду, —пораженіями, позорами, грязью, интригами, грѣхами и преступленіями тѣхъ лицъ, которыхъ такъ долго считали чистыми, честными, непорочными героями! Въ дѣйствительности, скажутъ они, таковыми ушли со сцены не многіе»...

— «Нѣтъ! Имъ надо отвѣтить.—«Не погибло, а лишь замерло все начатое и сдѣланное три года тому назадъ честными работниками.

Здоровое зерно ихъ посѣвовъ ожидаетъ лишь яркаго солнца и скоро всходы взойдутъ и здоровые побѣги ихъ перерастутъ всѣ плевелы.

На плодородной нивѣ степей и горъ Казачьихъ, обогренныхъ и утучненныхъ благородной кровью вѣрныхъ сыновъ Родины, взовьется вновь русскій флагъ, возгорится снова война и возродятся новые герои».

— «Спите тихимъ, покойнымъ сномъ великіе сыны Родины—Калединъ, Алексѣевъ, Корниловъ, Назаровъ, Марковъ, Дроздовскій и другіе, имя имъ легіонъ, сподвижники безсмертныхъ дѣлъ большихъ людей, первыми вступившихъ въ борьбу со тьмою и положившіе за Родину свои души.

Каждый изъ васъ совершилъ свое дѣло; красота и польза дѣлъ вашихъ не умрутъ въ памяти Русскаго народа.

Живите, убереженные Богомъ, большіе и малые Русскіе люди, боровшіеся и борящіеся за Родину и знайте, что Родина наша еще призоветъ на работу всѣхъ честныхъ людей и по праву потребуетъ отъ нихъ жертвъ, а быть можетъ и жизни».

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ сознаніи полной отвѣтственности передъ Родиной и ея исторіей за каждое сказанное мной слово, я приступаю къ изданію моихъ «Записокъ», обнимающихъ годы Русскаго Лихолѣтія въ жизни Юга Россіи съ 1918 года по 1921 годъ [1].

Если до настоящаго времени и появлялись книги и брошюры, то всѣ онѣ, главнымъ образомъ, охватывали событія послѣдняго времени, Крымскаго періода, дней недавно прошедшихъ и достаточно свѣжо сохранившихся въ памяти русскаго обывателя.

Многомилліонное кореное населеніе Крыма и бѣженцы, тамъ пріютившіеся, были невольными свидѣтелями недавней политики Правительства Юга Россіи, военной доблести Русской Арміи и мужества ея вождей—выполнявшихъ единую волю единаго Руководителя.

---

[1] Я не пишу о томъ, что хорошо извѣстно или о тѣхъ событіяхъ, освѣщеніе которыхъ остается безъ измѣненія. Такихъ событій я касаюсь только для того, чтобы лишь связать ихъ въ одно цѣлое, въ общую цѣпь фактовъ трехлѣтней борьбы.

Я пишу и подробно останавливаюсь лишь на томъ, что или совершенно ново для читателя, либо вноситъ совершенно новое освѣщеніе на вопросы, событія и факты, хотя и достаточно знакомые, но изложенные не правдиво.

Въ Крыму было одно Государство и только одна, единая Армія.

Почти тоже можно сказать и о продолжительномъ, болѣе года, періодѣ предшествующемъ Крымской оборонѣ, когда Вооруженныя силы Юга Россіи подчинялись одному лицу, которому сперва, какъ замѣстителю Правителя Россіи, а затѣмъ, какъ Правителю, подчинялись и всѣ аппараты гражданской власти всѣхъ государственныхъ образованій и организацій юга Россіи.

Помимо оффиціальныхъ отчетовъ и сводокъ, размножаемыхъ «Освагомъ», литературой дней этого продолжительнаго періода являлась уже обширная пресса на широкомъ пространствѣ освобожденнаго Юга, руководимая талантливыми литераторами.

Кромѣ того, корреспонденты всѣхъ оттѣнковъ и достоинствъ щедро допускались въ кабинеты «большихъ людей» и обильно печатали свои «интервью».

Каждый крупный начальникъ того времени былъ зараженъ болѣзнью имѣть около себя любимаго и вѣрнаго корреспондента, фотографа. а иногда и цѣлую группу таковыхъ.

Отъ нихъ и узнавалъ читатель много интереснаго и правдиваго и даже книги съ явно тенденціознымъ характеромъ, какъ напримѣръ, «Въ Станѣ Бѣлыхъ» все же давали возможность узнать послѣдовательность и хронологію событій, а иногда и распознать, то или иное явленіе, ихъ сопровождающее.

Наконецъ, живые свидѣтели, въ лицѣ многомилліоннаго населенія губерній и областей, въ періодъ побѣднаго шествія Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи до Орла, много видѣли собственными глазами, знали и передавали выдающіяся событія войны и политики того времени.

Словомъ этотъ періодъ (съ февраля 1919 года по апрѣль 1920 года) болѣе или менѣе знакомъ широкой публикѣ.

Но совершенно иное приходится сказать о первомъ годѣ гражданской войны — годъ 1918. Только начальный періодъ этого года (съ января по апрѣль) имѣетъ литературу, но и таковую, однако, надо признать однобокою, ибо она не подкрѣплена точными подлинными документами и не имѣетъ офиціальныхъ отчетовъ. Событія тѣхъ дней описывались со словъ и по памяти.

Тогда было время—время разговоровъ.

Документовъ не собирали. Ихъ многіе боялись, какъ доказательствъ праздныхъ занятій. Имѣвшіеся документы были заботливо уничтожаемы властью передъ оставленіемъ городовъ большевикамъ, либо самими невѣжественными большевиками, какъ принадлежность стараго режима.

Такимъ образомъ, если литература, относящаяся къ тому времени и сохранилась[1] въ достаточномъ количествѣ, то все же она требуетъ осторожнаго, весьма вдумчиваго и критическаго къ себѣ отношенія, ибо извѣстны случаи, когда писались статьи и книги по спеціальному заказу, или когда въ только что издаваемой книгѣ имѣются уже и письма — отзывы тѣхъ лицъ, съ вѣдома которыхъ и для которыхъ онѣ писались.

Послѣдующій періодъ этого года (съ апрѣля мѣсяца), т. е. когда, въ совершенно новой обстановкѣ на Югѣ Россіи появились государственныя образованія

[1] «Походъ Корнилова»—Суворина. «Донъ и Добровольческая Армія»—В. Волина. Произведенія (не помню заголовка)—В. Иловайскаго. Статьи журнала—«Донская Волна».

и военныя организаціи, надо считать періодомъ исключительно интереснымъ для обывателя и вотъ почему:

Вооруженная борьба въ эти дни на югѣ Россіи велась арміями совершенно самостоятельными, не связанными общимъ планомъ войны.

Не существовало и общей, т. е. единой политики. Каждое государственное образованіе (Донъ, Кубань, Украина, Крымъ) и военная организація (Добровольческая Армія) держалась той политики, которая позволяла ей жить и помогала вести борьбу съ врагомъ, ее окружающимъ,—политики, которая вытекала изъ законовъ и права существованія и бытія каждаго организма, образованія, организаціи.

Словомъ, такого рода организмы, надо разсматривать, какъ элементы, непригодные еще въ то время для химическаго соединенія, а лишь для механической смѣси.

Этотъ періодъ, въ противоположность предшествующему, уже «былъ» [1] достаточно богатъ подлин-

---

[1] Слово «былъ» я позволяю себѣ привести потому, что доподлинно извѣстно нескрываемое желаніе Донской власти, воцарившейся на Дону со 2 февраля 1919 г., потерять все то, что краснорѣчиво свидѣтельствовало о выдающемся по мудрости, красотѣ и дѣятельности, періодѣ ихъ предшественниковъ, создавшихъ на Дону государственность и армію, т. е. то, что они такъ старательно губили и не съумѣли даже погубить за послѣдующіе годы своей власти. Вотъ факты: 1) Въ среднихъ числахъ февраля мѣсяца 1919 года исчезаетъ изъ штаба цѣлое объемистое дѣло съ документами, относящимися къ тому прошлому періоду, когда представители новой власти себя замарали. 2) Исчезаетъ изъ кабинета бывшаго Командующаго арміей огромный сшивъ подлинныхъ аттестацій на лицъ командного состава и только потому, что форма этого сшива не позволяла вырвать желаемые листы. А между тѣмъ этотъ «документъ» огромной исторической важности: это аттеста-

ными документами оффиціальнаго порядка, отчетами военнаго и гражданскаго начальства, со схемами, діаграммами и пр. матеріалами для военнаго изслѣдователя и политическаго историка, но широкая публика съ событіями и политическими оттѣнками этого періода ознакомлена весьма слабо.

Ей извѣстны дрязги, ссоры, споръ, оріентаціи, интриги, какъ факты, но объясненій она не знаетъ и потому многихъ явленій того времени не понимаетъ, оставаясь въ заблужденіи и по сей день.

Тотъ, кто жилъ на Дону мало зналъ объ Украинѣ, плохо былъ освѣдомленъ и о томъ, что дѣлалось на Кубани, въ Крыму, что творилось въ Добровольческой Арміи. И на оборотъ. Сообщенія и сношенія между этими районами были не легкія.

Газетное дѣло въ то время начинало только становиться на ноги. Ни бумаги, ни станковъ, ни красокъ

ціи были приготовлены для «аттестаціоннаго совѣщанія». Копіи этого интереснаго документа сохранены. 3) Одинъ изъ генераловъ, приближенныхъ, не по заслугамъ, къ новому Донскому Атаману, забываетъ во дворцѣ Донского Атамана, передъ оставленіемъ Новочеркасска (въ концѣ декабря 1919 г.), ящикъ (размѣръ ручного чемодана), съ драгоцѣнными документами—(собственноручныя рукописи и подлинная переписка) огромнаго политическаго интереса. Небольшая часть этихъ документовъ сохранена въ копіяхъ. 4) На мѣстахъ всѣ документы войны брошены. 5) Въ Новочеркасскѣ оставленъ весь архивъ штаба, такъ какъ въ сохранившейся части Донского музея (находящейся нынѣ въ Буюкъ-Дере — лѣтней резиденціи Русскаго посла въ Константинополѣ)—имѣются лишь матеріалы общаго характера и кой-какіе отчеты. Очевидно, если этого и не хотѣли, то во всякомъ случаѣ гибели всего этого богатства не сопротивлялись, а предпочитали и успѣли эвакуировать въ Константинополь, на казенныхъ пароходахъ, казенное добро (шерсть, сало, масло, вино и др.) въ адресъ бывшихъ людей. Словомъ міръ больше не увидитъ этихъ документовъ, свидѣтелей истинной правды.

въ потребномъ количествѣ не было. Корреспонденты этого, скромнаго по площади, района талантами не блистали.

Никакихъ аудіенцій у начальства, особенно на Дону, они не могли получить, ибо начальству не было времени заниматься болтовней, когда шла жестокая война и огромное строительство. Поэтому, «писаки» писали не «интервью», а лишь самыя пошлыя сплетни.

Къ счастью для дѣла не существовало въ тѣ времена и знаменитаго «Освага».

Тѣ-же, кто дѣйствительно владѣлъ документами всѣхъ событій и зналъ полностью подлинную обстановку войны и политики, не имѣли времени писать. Они почитали своимъ долгомъ обогащать пока исторію матеріалами, фотографіями, по которымъ всегда и всякій могъ бы правдиво изобразить дѣйствительность, не бродить въ догадкахъ и не тонуть въ лжи личныхъ ощущеній и переживаній.

Этимъ лицамъ не хватало времени на войну съ врагомъ внѣшнимъ, имъ не было досуга воевать съ врагами внутренними, которыхъ, увы, было въ тѣ дни слишкомъ и слишкомъ много, а тѣмъ болѣе у нихъ не было времени для «писаній». Эти лица понимали. что не обо всемъ еще тогда можно было говорить, чтобы не вскружить кому-либо голову, чтобы не прекратить работы какой-либо пружины молодого организма, чтобы не помѣшать общему дѣлу войны. Они считали за благо хранить пока эти документы подъ вѣрнымъ замкомъ и передать ихъ исторіи тогда, когда это будетъ, по ихъ мнѣнію, возможно.

Нынѣ совершается трехлѣтняя годовщина тѣхъ памятныхъ дней, когда Русскіе люди и казаки открыто вступили на борьбу съ оружіемъ въ рукахъ про-

тивъ Совѣтской власти, въ сознанiи долга передъ Родиной и правоты своего дѣла.

Теперь является своевременнымъ и вполнѣ возможнымъ приподнять забрало и взглянуть на событiя тѣхъ дней и на людей ихъ совершавшихъ.

Пусть участники тяжелыхъ походовъ и великихъ подвиговъ вспомнятъ свои дѣла и найдутъ свои мѣста, или среди честныхъ и чистыхъ героевъ, или среди грязныхъ шутовъ, творившихъ и творящихъ свое «Каиново дѣло».

Пусть мирный россiянинъ, которому судьба не предоставила великаго счастья сражаться съ оружiемъ въ рукахъ противъ Совѣтской власти,—самъ отыщетъ Минина, Сусанина, найдетъ кн. Пожарскаго и укажетъ на Мазепу, на Пугачева и на друзей Ленина и Троцкаго.

Пусть самъ читатель усмотритъ ту «подлинную орiентацiю»—какую надо было въ тѣ дни взять и каковую надлежало до настоящаго времени твердо держать тѣмъ, кто брался за великое дѣло строительства окраинъ и цѣлаго организма Россiи на развалинахъ и пеплѣ великой нашей Родины, повергнутой во прахъ и разграбленiе большевиками уже въ то время.

Читатель пойметъ по чьей винѣ и ради чьихъ и какихъ именно интересовъ, шла жестокая война на Югѣ Россiи въ продолженiи трехъ лѣтъ, догадается кому необходимо было, чтобы умная часть населенiя Великой Россiи истреблялась на родинѣ и гибла заграницей,—чтобы вожди и воины нашего отечества перестали быть страшными мiру и унесли въ свои глубокiя, безвѣстныя могилы съ собою силы и средства, необходимыя для созданiя могучей армiи и для возстановленiя «Единой, Великой, Недѣлимой Россiи».

Читатель узнаетъ людей и цѣлыя группы лицъ, которыя долго стоя у власти ограждали лишь свои личныя мелкіе интересы подъ флагомъ общаго дѣла, либо скрытно творили грязныя дѣла той партіи, которая ихъ выдвинула къ власти.

Передъ читателемъ встанутъ во весь ростъ фигуры великихъ русскихъ людей, которые въ 1918 г. ничего не возвѣщали, но творили свое пока маленькое дѣло, и твердо держали руль корабля, имъ порученнаго, вынося его все время на поверхность и за предѣлы «морей внутреннаго плаванія», т. е. за предѣлы границъ Родной Области, въ «открытый бурный океанъ» —на территорію сосѣднихъ губерній и областей Великой Россіи.

Если все это свершится, т. е. читатель найдетъ отвѣты на вопросы его мучившіе, авторъ этихъ записокъ получитъ полное удовлетвореніе.

Глава I.

Состояніе казака на фронтѣ въ 1917 году и положеніе на Дону къ концу этого года. [1]

Свершилась «Великая Россійская Революція».

Съ экстренными поѣздами, въ салонъ вагонахъ, помчались на фронтъ арміи безграмотные агитаторы, будущіе комиссары...

По радіо: «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ» былъ возвѣщенъ знаменитый приказъ № 1 съ соотвѣтствующимъ предисловіемъ и послѣсловіемъ.

Временное Правительство, поддавшееся и продавшееся Петроградскому Совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ обозначало «твердую власть».

Армія Великой Россіи стояла еще на позиціяхъ и управлялась «пока» генералами.

Въ памяти и передъ глазами казачій бивакъ...

При торжественной обстановкѣ, въ присутствіи начальника дивизіи читались манифесты...

---

[1] Въ книгѣ, только что вышедшей въ свѣтъ: «Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи. Участіе въ борьбѣ Донского Казачества. Февраль 1917---мартъ 1920 г.».---Ген. Шт. полк. Добрынина,—ошибочно изложено состояніе Донскихъ казаковъ на фронтѣ въ 1917 году и не вполнѣ точно представлено положеніе казаковъ въ тылу у себя дома на Дону. Подробное объясненіе мной сказаннаго излагается въ концѣ книги. Прилож. No 1.

Спокойно, съ грустью и тоской о красивомъ прошломъ, безъ надежды на скорое хорошее будущее, внимали сыны Тихаго Дона, потомки, тѣхъ донскихъ казаковъ, которые триста слишкомъ лѣтъ складывали, вмѣстѣ съ русскими людьми, величественное зданіе Русской Государственности. Это тѣ самые донскіе казаки, которые клали въ это зданіе самые большіе и сасамые драгоцѣнные камни, какъ мѣтко и образно выразился мудрый Донской Атаманъ въ своей рѣчи на 1-мъ засѣданіи Большого Войскового Круга 16 августа 1918 года.

Это тѣ донскіе казаки, которые выдѣлили младшихъ братьевъ, для заселенія гребней Кавказскихъ горъ, береговъ Урала, степей Оренбургскихъ, Туркестанскихъ, Великой необъятной Сибири, вплоть до таинственной Уссури и Амура и тѣмъ дали право говорить, что «граница Государства Россійскаго лежитъ на арчакѣ казачьяго сѣдла»...

Безъ сожалѣнія о прошломъ и безъ надежды на будущее слушали манифесты сыны Вольной Кубани... Съ подъемомъ и восточнымъ задоромъ внимали сыны бурнаго Терека... Безразлично, безучастно смотрѣли на прошлое, настоящее и будущее холодныхъ степей—Оренбурцы...

Зато восторгомъ дышали, тревожно переживали и надеждами жили въ эти великіе минуты Россіи,—ея солдаты-пластуны и всевозможные спеціалисты, (автомобилисты, мотоциклисты, телеграфисты и пр.) составлявшіе одно цѣлое этой «2 сводной казачьей дивизіи».

Такова была рѣзкая грань въ пониманіи событій у казаковъ и у солдатъ Великой Россіи.

У многихъ офицеровъ и у болѣе развитыхъ и домовитыхъ казаковъ, порой выступали слезы: ихъ чис-

тому, честному сердцу и чуткой казачьей душѣ, грезились грозныя, и на долгое время, событія.

Большинство казаковъ понимали, что свалившаяся съ неба свобода была не для русскаго безграмотнаго солдата, тѣмъ болѣе,—не во время войны.

Высшая военная власть[1] (командующіе фронтами, арміями, корпусами и пр.) за весьма немногимъ исключеніемъ[2],—кто сразу, кто постепенно, уклонились влѣво, припечатали быстро къ своимъ должностямъ опошленное слово «товарищъ», стали жать грязную руку солдата, сопровождать привѣтствіе поклономъ и даже снятіемъ головного убора. Солдатъ злорадствовалъ и говорилъ: «Генералъ растерялся и сталъ сразу прапорщикомъ изъ учителей»[3].

---

[1] Пусть русскій человѣкъ знаетъ, что съ вѣдома и разрѣшенія Главнокомандуюшаго сѣв.-зап. фронтомъ генералъ-адъютанта Рузскаго—его начальникъ штаба генералъ Бончъ-Бруевичъ отлучался въ Петроградъ, гдѣ съ января мѣсяца 1917 г. засѣдалъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, начавшій уже свою подпольную и разрушительную работу. Творцы революціи были удивлены, какимъ образомъ имъ удалось быстро и легко побѣдить и Командующихъ фронтами Западнымъ и Юго-западнымъ—генералъ-адъютантовъ Его Величества. Чему-же удивляться, что среди начальства послѣдующихъ степеней они встрѣтили не только пассивныхъ, но и активныхъ своихъ сотрудниковъ.

[2] Примѣръ удивительнаго мужества показалъ намъ и міру Великій Солдатъ, пріявшій мученическую кончину, ген.-лейтенантъ графъ Келлеръ (Командиръ III коннаго корпуса). Онъ не признавалъ и не призналъ власть Временнаго Правительства и лицъ, имъ поставленныхъ.

[3] Авторъ собственными глазами видѣлъ и былъ живымъ свидѣтелемъ того, какъ одинъ образованный начальникъ кавалерійской дивизіи, принимая дивизію и впервые объѣзжая полки, скакалъ по рядамъ съ обнаженной головой. Только къ Донскому казачьему полку онъ подъѣхалъ «по старому» и по прежнему получилъ на привѣтствіе знакомый и красивый отвѣтъ: «здравіе желаемъ Ваше Превосходительство». Это было въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Между тѣмъ, тѣ же крупные начальники спѣшили задержать или получить въ свое распоряженіе казачій полкъ, дабы имѣя его подъ рукой, можно было бы и радоваться, глядя на «великую революцію и дарованную ей свободу», но можно было и бы драть за чубъ разгулявшагося солдата.

Казаки это поняли сразу по той перемѣнѣ, которая произошла мгновенно во взглядахъ начальства, по той невѣданной казаками ласки со стороны тѣхъ, кто всего нѣсколько дней назадъ открыто исповѣдывалъ, что казакъ есть разбойникъ и оттождествлялъ слова «казакъ» и «мородеръ».

Какъ ни больно было все это понимать и сознавать, однако казакъ оставался послушнымъ законной власти, которой повиноваться его научили съ ранняго дѣтства—семья, станица, полкъ, батарея и красивая «Исторія прошлаго».

И несмотря на дарованную свободу казакъ своею плетью укрощалъ «свободнаго» солдата, «самой свободной арміи», того солдата, который забывъ стыдъ, совѣсть, долгъ, бросилъ окопы и сталъ бродить по тыламъ, грабить мирныхъ жителей, жечь усадьбы и громить ж. д. станціи и сооруженія [1].

Вотъ что дѣлали казаки, если имъ не мѣшали генералы.

---

[1] Какъ примѣръ— 11 Дон. каз. полкъ въ августѣ мѣсяцѣ наводилъ порядокъ въ тылу VIII арміи, усмирялъ 9 и 31 пѣх. див. съ примѣненіемъ вооруженной силы. Тотъ же полкъ въ іюлѣ на боевыхъ позиціяхъ усмирилъ и привелъ въ полное повиновеніе пѣхотныя части XVI арм. корпуса, при чемъ для усмиренія пѣхотнаго полка посылалась всего одна сотня и два пулемета. Очевидно, читатель знаетъ, какъ себя устойчиво вели казачьи части III кон. корпуса, включительно до «Керенскаго побѣга».

И казаки бы спасли, если не всю Россію, то югъ ея, отъ большевиковъ, если-бы имъ не мѣшали бы и во время-бы предоставили-бы возможность скорѣе достигнуть родныхъ земель, а не дышать долго воздухомъ, уже зараженнымъ ядомъ.

Къ началу мая мѣсяца около 24 казачьихъ полковъ (главнымъ образомъ Донскихъ) занимались ловлей дезертировъ по тыламъ армейскихъ раіоновъ и обратились въ ж. д. стражу на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, покрывъ весь тылъ «казачьими комендантами». Къ іюлю мѣсяцу это выполняли только казаки, т. к. уже и кавалерія была съ красными тряпками, и на эту работу было отвлечено 39 казачьихъ полковъ.

Здѣсь показалъ себя во весь ростъ, тотъ скромный типъ казачьяго офицера, котораго всегда считали «сѣрымъ» и «необразованнымъ».

Здѣсь сказалась и та духовная связь подчиненнаго и начальника, о которой лишь можетъ мечтать неказачья часть.

Полковые комитеты существовали лишь для того, чтобы не навлекать подозрѣніе и гнѣвъ со стороны сильныхъ уже Армейскихъ комитетовъ и чтобы не обострятъ отношеній между этими послѣдними и «Казачьими Союзами», возникшими какъ сдерживающее начало. Полковые комитеты въ казачьихъ полкахъ заполнялись недоученными офицерами, прапорщиками изъ народныхъ учителей, докторами, людьми любившими разговаривать и болтаться по тыламъ, т. е. лишними и вредными для войны людьми [1].

Командиры казачьихъ частей и офицеры держа-

[1] Напр. въ 7 полку—прап. Назаровъ, въ 11 п. прап. Ежовъ, Сухаревъ и др.

ли, за малымъ исключеніемъ[1], прежній порядокъ, хотя это было трудно потому, что казаковъ буквально «мотали» по позиціямъ и тыламъ.

Казаки только однимъ ухомъ прислушивались къ пѣснѣ свободы на фронтѣ, но за то чутко, двумя ушами, слушали то, что творилось въ родныхъ станицахъ, а главное то, что дѣлалось въ древнѣйшемъ и самомъ большомъ—Великомъ Войскѣ Донскомъ, въ его столицѣ, гдѣ уже съ мая засѣдалъ Большой Войсковой Кругъ и гдѣ выдвигался уже герой Луцкаго прорыва, Донской казакъ, генералъ отъ кавалеріи А. М. Калединъ.

Ген. Калединъ 8 мая сдалъ должность командующаго 8-й армій и отбылъ изъ гор. Черновицы, какъ больной.

Не болѣзнь, а интриги штаба вынудили этого крупнаго человѣка оставить армію.

— «Кривыя души и гнилыя сердца погубятъ раньше времени Армію и Россію, а людей, крѣпкихъ духомъ выдадутъ палачамъ. Мои помощники и сотрудники меня не понимаютъ[2]. Надо ѣхать на Донъ, тамъ можно еще работать».—Такъ говорилъ ген. Калединъ 7-го мая командиру 11 Донского каз. полка бывшему у него, какъ Донской казакъ у Донского казака.

Донъ радостно принялъ ген. Каледина и 17 іюня избралъ его своимъ Атаманомъ.

По праву первородства,--Атамана Донского Войска, и по достоинству исключительныхъ военныхъ дарованій,—Ген. Калединъ, дѣлается фигурой, во кругъ ко-

---

[1] Такихъ полковъ, какъ 33 Донской казачій полкъ, отказывающихся отъ защиты порядка, къ счастью для Дона, было мало.

[2] Начальникомъ штаба 8 арміи былъ тогда ген. Романовскій —бывшій затѣмъ нач. штаба Добровольческой арміи.

торой объединяются Атаманы Кубанскаго и Терскаго Войскъ. Затѣмъ генералу Каледину по праву и достоинству выпадаетъ честь быть представителемъ Казачества на Московскомъ Совѣщаніи.

Хорошо говорилъ свою рѣчь въ защиту арміи ген. Алексѣевъ, также бывшій на Московскомъ Совѣщаніи.

Еще выпуклѣе и тверже сказалъ Калединъ.

И тогда враги порядка и силы арміи,—Керенскій и его приспѣшники, ясно поняли, что имъ не страшны талантливые, съ именами, но безъ народа, генералы, нѣтъ,—имъ страшенъ и для нихъ опасенъ Атаманъ Калединъ, за которымъ идетъ Донъ, Кубань, Терекъ.

Калединъ сталъ предметомъ травли.

Его объявляютъ мятежникомъ тогда, когда онъ честно выполняетъ, свой долгъ, объѣзжаетъ станицы своего Войска.

Обвиненія разсѣялись... Арестъ не состоялся... Провокація Керенскаго сорвалась... Но Донъ грозный Керенскому, сталъ грозенъ и большевикамъ. На Донъ устремили все свое вниманіе и Ленинъ съ Троцкимъ.

При такихъ условіяхъ трудно было спокойно работать. Казаки были еще на фронтѣ, а въ области казачьей вооруженной силы было весьма мало.

Столица Дона была во власти «солдатскаго гарнизона», который умышленно Вр. Правительство, а затѣмъ и Ленинъ, держали на Дону.

Помощники Атамана—правители уклонялись влѣво, не помогали, а мѣшали Атаману.

Прибывшіе на Донъ три Донскихъ каз. дивизіи (изъ полковъ 2 и 3 очереди), для дальнѣйшаго слѣдованія въ Персію, не могли явиться достойнымъ оплотомъ Атаманской власти.

При такихъ условіяхъ Атаманъ Калединъ не могъ осуществить тѣ мудрые совѣты, которые ему подавали еще въ маѣ, люди государственнаго разума, военнаго таланта и казачьей мудрости, состоявшіе въ томъ, что необходимо собрать и изолировать всѣ очередныя, накопившіяся съ октября 16 года, смѣнныя команды и изъ нихъ сформировать части.

Между тѣмъ время шло...

Чистая молодежь оставалась въ станицахъ и дышала уже зараженной атмосферой. Корни крѣпкаго порядка на Дону стали подгнивать и скоро рухнули.

Вотъ въ какомъ положеніи очутился Донъ къ концу 1917 года.

Лукавая политика Временнаго Правительства и робкая работа Казачьей Власти въ тылу, повергли и казаковъ Великой Россіи въ омутъ разврата, въ объятія «краснаго пламени» и подъ сѣнь «красныхъ знаменъ».

Глава II.

Начало Гражданской войны на Дону.—Зарожденіе Добровольческой Арміи[1].

Зародившаяся на Тихомъ Дону, въ его стольномъ городѣ Новочеркасскѣ, въ концѣ ноября 1921 года, по мысли генерала Алексѣева, военная организація существовала нелегально, скромно, негласно почти около мѣсяца.

27 декабря организація эта стала именоваться Добровольческой Арміей и рядомъ декларацій заявила о своихъ задачахъ и цѣляхъ.

Къ этому времени въ ея спискахъ числилось около 4000 человѣкъ, а въ боевыхъ рядахъ врядъ ли была половина этого числа. Въ началѣ января Штабъ и ея руководители вынуждены были по многимъ причинамъ [переѣхать въ гор. Ростовъ. Донское Правительство, подыгрываясь подъ настроеніе разлагающихся казаковъ настаивало на переѣздѣ въ Ростовъ, считая это за терпимое пока явленіе, но дальнѣйшее прибываніе этой организаціи въ Новочеркасскѣ не признавалось возможнымъ. Съ душевной грустью вынужденъ былъ согласиться на это и Атаманъ Войска Донского генералъ Калединъ.

---

[1] См. схему No 1.

Кто-же и какимъ образомъ пополнялъ ряды этой героической арміи?

Какъ только загорѣлся огонекъ свѣта въ Новочеркасскѣ, измученнное офицерство потянулось нескончаемой и тайной вереницей со всѣхъ городовъ и мѣстъ Россіи, охваченной уже большевизмомъ.

Всѣ въ свое время читали и знали, что сказалъ Атаманъ Калединъ въ августѣ того же года на Московскомъ Совѣщаніи... Многіе припоминали и то, что говорилъ Донской Кругъ въ маѣ: о вѣрности союзникамъ, о единой недѣлимой Россіи съ автономными, но преданными ей и любящими ее окраинами...

Донъ, дѣйствительно въ тѣ дни, являлся единственнымъ мѣстомъ на Святой Руси, гдѣ еще былъ порядокъ и гдѣ власть была въ рукахъ русскаго человѣка всѣмъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго героя войны—Атамана генерала Каледина.

Доносились слухи и о томъ, что тамъ, на Дону—Алексѣевъ, Корниловъ. И тяга на теплый, свѣтлый югъ Россіи, Тихій Донъ, обозначалась уже яснѣе, но и въ болѣе опасной обстановкѣ: большевики успѣли разставить рогатки, перехвативъ всѣ ж. д. линіи и лишь пѣшкомъ по глухимъ непроѣзжимъ, дорогамъ, темными ночами пробирались мученики—офицеры къ этимъ яркимъ звѣздамъ, немеркнущій свѣтъ которыхъ манилъ къ себѣ не только офицеровъ, но и всѣхъ русскихъ людей, любящихъ свою родину. Много, много погибло въ пути отъ рукъ палачей, для которыхъ присутствіе «креста» на груди было достаточнымъ признакомъ, что это «кадетъ».

Изъ городовъ сѣвера, гдѣ братъ возсталъ на брата, гдѣ разрастались и ширились къ югу пожарища, —бѣжалъ кто могъ и какъ могъ на Донъ, гдѣ «нѣтъ выдачи».

Всѣмъ этимъ русскихъ людямъ широко открыли двери и гостепріимно встрѣтили ихъ вожди и представители Добровольческой Арміи. Вспомнилась старая Запорожская Сѣчь.

Только лишь творцы «Великой безкровной революціи», или тайные сотрудники Ленина—типа Керенскаго[1], и ему подобные—не могли разсчитывать на право быть въ рядахъ этой зародившейся арміи—символа чистой, единой, великой, недѣлимой Россіи.

Самъ Корниловъ не скрывалъ, что въ рядахъ этой организаціи имѣются и «обломки политическаго хлама». Это пока не вредило арміи, которая, невзирая на свой смѣшанный составъ въ политическомъ отношеніи, была единой по своему горячему чувству къ Родинѣ и по своей цѣли, считая таковой—спасеніе поруганныхъ и заплеванныхъ Россіи и ея побѣдоносной арміи, лучшей арміи міра.

Въ первыхъ числахъ января мѣсяца Добровольческая Армія уже проливала кровь въ бояхъ къ сѣверу отъ Таганрога, не получая однако помощи отъ казаковъ, землю которыхъ они защищали.

Другую ж. д. магистраль изъ Москвы на Донъ, защищалъ безсмертный донской партизанъ есаулъ Чернецовъ съ горстью храбрецовъ, главнымъ образомъ учащейся молодежи, отбиваясь отъ измѣнниковъ донскихъ казаковъ въ раіонѣ ст. Каменская—ж. д. ст. Лихая.

Казаки въ это время, одурманенные угаромъ большевизма, утомленные военной службой и войной на

---

[1] Свидѣтели тѣхъ дней утверждаютъ, что якобы Керенскій дѣйствительно былъ около дворца того атамана, котораго онъ въ августѣ объявилъ мятежникомъ. Чего хотѣлъ онъ можно легко догадываться.

протяженіи, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, семи лѣтъ, были въ состояніи паралича. Въ лучшемъ случаѣ, обезоруженные еще на границѣ области (при возвращеніи съ фронта) большевицкими отрядами—расходились по домамъ въ сознаніи, что безъ винтовки не война, а бойня,—въ худшемъ случаѣ,—видя, что есть случай поживиться и вознаградить себя за годы лишенія военной жизни и войны,—бросались на разбой вмѣстѣ съ совѣтскими комиссарами.

Глава III.

Послѣдніе дни атамана Каледина. Роковой выстрѣлъ [1].

Уже къ 26 января, политическая и военная обстановка ясно указывала и Войсковому Атаману и руководителямъ Добровольческой Арміи, что наступаютъ дни, когда надо подумать о новыхъ планахъ и немедленно ихъ приводитъ въ исполненіе.

Приводимое ниже, послѣднеее по времени, воззваніе Атамана ген. Каледина къ казакамъ, съ исчерпывающей полнотой рисуетъ ту безотрадную картину, которая раскрылась и передъ властью и передъ обывателемъ въ среднихъ числахъ января мѣсяца.

«Граждане казаки! Среди постигшей Донъ разрухи, грозящей гибелью казачеству Я, вашъ Войсковой Атаманъ, обращаюсь къ вамъ съ призывомъ, быть можетъ послѣднимъ.

Вамъ должно быть извѣстно, что на Донъ идутъ войска изъ красноармейцевъ, наемныхъ солдатъ, латышей и плѣнныхъ нѣмцевъ, направляемыя правительствомъ Ленина и Троцкаго. Войска ихъ подвигаются къ Таганрогу, гдѣ подняли мятежъ рабочіе, руково-

[1] См. схему No 1.

димые большевиками. Такія же части противника угрожаютъ станицѣ Каменской и станціямъ Зверево и Лихой. Желѣзная дорога отъ Глубокой до Чертково въ рукахъ большевиковъ.

Наши казачьи полки, расположенные въ Донецкомъ округѣ, подняли мятежъ и, въ союзѣ съ вторгнувшимися въ Донецкій округъ бандами красной гвардіи и солдатами, сдѣлали нападеніе на отрядъ полковника Чернецова, направленный противъ красноармейцевъ и частью его уничтожили, послѣ чего большинство полковъ—участниковъ этого гнуснаго и подлаго дѣла—разсѣялись по хуторамъ, бросивъ свою артиллерію и разграбивъ полковыя денежныя суммы, лошадей и имущество.

Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ, вернувшіеся съ фронта полки, въ союзѣ съ бандой красноармейцевъ изъ Царицына, произвели полный разгромъ на линіи желѣзной дороги Царицынъ-Себряково, прекративъ всякую возможность снабженія хлѣбомъ и продовольствіемъ Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ.

Въ слободѣ Михайловкѣ, при станціи Себряково, произвели избіеніе офицеровъ и администраціи, причемъ погибло, по слухамъ, до 80 однихъ офицеровъ. Развалъ строевыхъ частей достигъ послѣдняго предѣла и напримѣръ, въ нѣкоторыхъ полкахъ Донецкаго округа удостовѣрены факты продажи казаками своихъ офицеровъ большевикамъ за денежное вознагражденіе. Большинство изъ остатковъ уцѣлѣвшихъ полевыхъ частей отказываются выполнять боевые приказы по защитѣ Донского Края.

Въ такихъ обстоятельствахъ, до завершенія начатаго переформированія полковъ, съ уменьшеніемъ ихъ числа и оставленіемъ на службѣ только четырехъ

младшихъ возрастовъ, Войсковое Правительство, въ силу необходимости, выполняя свой долгъ передъ Роднымъ Краемъ, принуждено было прибѣгнуть къ формированію добровольческихъ казачьихъ частей и, кромѣ того, принять предложеніе и другихъ частей нашей Области, главнымъ образомъ учащейся молодежи, для образованія партизанскихъ отрядовъ.

Усиліями этихъ послѣднихъ частей и, главнымъ образомъ, доблестной молодежи, беззавѣтно отдающей свою жизнь въ борьбѣ съ анархіей и бандами большевиковъ, и поддерживается въ настоящее время защита Дона, а также порядокъ въ городахъ и на желѣзныхъ дорогахъ части Области. Ростовъ прикрывается частями особой Добровольческой организаціи.

Поставленная себѣ Войсковымъ Правительствомъ задача, довести управленіе областью до созыва и работы ближайшаго (4 февраля) Войскового Круга и Съѣзда неказачьяго населенія, — выполняется указанными силами, но ихъ незначительное число и положеніе станетъ чрезвычайно опаснымъ, если казаки не прійдутъ немедленно въ составъ добровольческихъ частей, формируемыхъ Войсковымъ Правительствомъ.

Время не ждетъ, опасность близка, и если вамъ, казакамъ, дорога самостоятельность вашего управленія и устройства, если вы не желаете видѣть Новочеркасска въ рукахъ пришлыхъ бандъ большевиковъ и ихъ казачьихъ приспѣшниковъ—измѣнниковъ долгу передъ Дономъ, то спѣшите на поддержку Войсковому Правительству, посылайте казаковъ—добровольцевъ въ отряды.

Въ этомъ призывѣ у меня нѣтъ личныхъ цѣлей, ибо для меня атаманство—тяжкій долгъ. Я остаюсь на посту по глубокому убѣжденію въ необходимости

сдать постъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, только передъ Кругомъ.

Войсковой Атаманъ Калединъ.

28 января 1918 года.

Нѣтъ нужды пояснять и дополнять это послѣднее слово правды, сказанное кроткимъ Атаманомъ своимъ казакамъ, потерявшимъ стыдъ и совѣсть.

Непогожая, темная ночь спускалась на Донскую землю.

Къ утру 29 января ген. Корниловъ сообщилъ ген. Каледину о томъ, что Добровольческая Армія, не получая обѣщанной помощи, истекаетъ кровью и вынуждена будетъ покинуть Донскую область.

Донская власть, обсудивъ это извѣстіе, съ грустью убѣдилась, что дать Добровольческой Арміи обѣщанную помощь, она дѣйствительно не можетъ, т. к. казаки на всѣ воззванія Атамана остаются спокойными и не спѣшатъ брать оружіе на защиту родного края.

Забилось тревогой сердце спокойнаго и мужественнаго Атамана.

Нескончаемая болтовня безотвѣтственныхъ членовъ Донского Правительства, подсказывала Атаману безысходность положенія и надвигающійся позоръ на Донское казачество.

Вопреки своему завѣренію, возвѣщенному въ приведенномъ только что воззваніи, Атаманъ Калединъ 29-го января слагаетъ свои полномочія и въ 2½ часа дня роковымъ выстрѣломъ кончаетъ расчеты съ земной жизнью.

Съ вѣрой въ лучшее будущее для родного Войска, Атаманъ Калединъ навѣки закрылъ, полныя

скорби, свои глаза, не пожелавъ быть свидѣтелемъ, хотя бы и временнаго, позора Дона.

Плакалъ хмурый день...

Свинцовыя тучи медленно надвигались надъ столицей Дона, будто предсказывая грозные дни, горе, муки, рѣки крови и слезъ и разгромъ казачьяго достоянія.

Печально загудѣлъ огромный колоколъ величаваго Донского Собора по душѣ только что почившаго атамана, разнося эту печальную вѣсть по Дону, рыдая по казачьей вольности. Душевная скорбь о хорошемъ прошломъ и недобрыя предчувствія терзали совѣсть честныхъ старыхъ казаковъ.

Только темная развращенная казачья молодежь, да поддонки иногородняго населенія нескрывали своей радости.

,,Боже! Прости имъ грѣшнымъ и неразумнымъ малымъ, ибо они не вѣдаютъ что творятъ и чему хотятъ поклоняться'',—такъ говорилъ настоящій донской казакъ, глядя на начинующуюся свистопляску... а въ его воображеніи медленно и величаво уносился отъ грѣшной земли, въ лучшій невѣдомый міръ, скромный образъ почившаго, Великаго Атамана.

Молчаливо, но быстро разбѣжалось льстивое и враждебно относившееся къ Атаману Правительство.

Разошлись по карманамъ и деньги казачьи и достояніе добрыхъ людей, средствами своими помогавшихъ честному Атаману.

Чтобы по достоинству оцѣнить Донское Правительство того времени достаточно указать факты:

1. Конструкція Правительства была изумительная: выборный Атаманъ царствовалъ, но не управлялъ; выборный помощникъ его и не царствовалъ и не управлялъ; четырнадцать выборныхъ правителей разбирали

портфели послѣ того, когда были уже выбраны, не зная для какой именно роли и работы они выбирались. Правители выбирались отъ округовъ, независимо отъ того, имѣлъ-ли округъ достойнаго человѣка и, конечно съ подобающими случайностями. Въ этакой компаніи Атаманъ только предсѣдательствовалъ. Помощникъ его блисталъ краснорѣчіемъ. Дѣла должны были рѣшаться міромъ, а значитъ стояли безъ движенія. Личной отвѣтственности ни у кого не было. Органовъ исполнительной власти не существовало. Пѣлъ пѣсню Донской Баянъ, а правители устраивали изъ засѣданія митинги. Жизнь въ области шла независимо отъ разговоровъ и резолюцій Правительства, направляясь на мѣстахъ случайными дѣятелями, о которыхъ правительство даже „не знало" и „знать не желало".

2. Это мудрое Правительство 10-го января опубликовало широкую амнистію большевикамъ, т. е. въ то время, когда съ большевиками шла уже открытая борьба и когда Добровольческая Армія и донская молодежь проливали свою кровь въ борьбѣ съ этой нечистью.

3. Еще позже, это-же Правительство 27-го января требовало снятія военнаго положенія въ Ростовѣ.

4. Въ составѣ этого Правительства находились члены (въ числѣ семи) изъ того знаменитаго крестьянскаго съѣзда, который требовалъ разоруженія Добровольческой Арміи и партизанскихъ отрядовъ послѣ имѣвшаго мѣсто возстанія большевиковъ, кончившагося усмиреніемъ Ростова,—изъ того съѣзда, который осуждалъ давно Донскую власть за то, что Новочеркасскъ сдѣлали центромъ буржуазіи и контръреволюціонеровъ, бѣлопогонниковъ.

5. Въ составѣ этого Правительства находились нѣкоторые изъ тѣхъ членовъ, которые доказывали, еще въ ноябрѣ 1917 г., что Каледину нельзя оставаться Атаманомъ, ибо его имя «одеозно», и уходъ его спасетъ создавшееся на Дону положеніе.

6. Наконецъ это тѣ правители, которые рады были случаю выдать Каледина и требовали ареста его по повелѣнію Керенскаго, обвинявшаго Атамана въ измѣнѣ завоеваніямъ великой революціи.

Даже и этихъ фактовъ достаточно, чтобы отъ души пожалѣть и Атамана Каледина и Донъ, у котораго было, въ столь тяжелое время, такое мудрое Правительство.

29-го января на должность Атамана былъ избранъ Новочеркасской станицей генералъ Назаровъ, до сего бывшій Походнымъ Атаманомъ.

4 февраля Кругъ утвердилъ его Атаманомъ. Генералъ Назаровъ принялъ власть, но потребовалъ мобилизаціи.

— «Я исполняю свой долгъ передъ казачествомъ, но и вы должны выполнить свой долгъ—предоставить Атаману реальныя силы для выполненія долга по защитѣ Дона»,—сказалъ ген. Назаровъ въ отвѣтъ Кругу на его настойчивыя, пятикратныя требованія принять Атаманскую власть.

Однако, послѣ бѣгства Правительства, неоформленнаго даже письменнымъ актомъ, аппарата власти и какихъ бы то ни было исполнительныхъ органовъ не существовало. Атаманъ былъ одинокъ. Обстановка складывалась жутко, а въ особенности, когда послѣдняя надежда Атамана рухнула, это когда и 6 Дон. каз. полкъ, только что прибывшій съ фронта (8 февраля) походомъ, въ полномъ порядкѣ и съ оружіемъ—разошелся по домамъ.

Обстановка подсказывала скорую сдачу Новочеркасска, ибо фронта уже не существовало и старшіе начальники прибыли, чтобы доложить о тревожныхъ, печальныхъ дняхъ на фронтѣ. Добровольческая Армія покунула Ростовъ 9 февраля [1]. 12 февраля Новечеркасскъ былъ оставленъ Донскими казаками.

Подъ начальствомъ Походнаго Атамана ген. Попова, группа вооруженныхъ донскихъ офицеровъ, партизановъ и бѣженцевъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей въ общемъ количествѣ около 1500 чел. при 5 орудіяхъ и 40 пулеметахъ, спѣшно покинула гор. Новочеркасскъ и направилась на станицу Старочеркасскую, а затѣмъ въ Задонскія степи, безъ опредѣленнаго плана, задачи, базы, съ единственной и ясной цѣлью спастись въ привольныхъ, широкихъ степяхъ Задонья отъ надвигающейся опасности. Послѣдующее двухмѣсячное скитаніе—именуется «Степнымъ походомъ». Военный историкъ дастъ ему и вождямъ его должную цѣну, ибо это не входитъ въ мою задачу [2].

Факты постепеннаго затѣмъ распыленія отряда Походнаго Атамана, а затѣмъ и приказъ о распыленіи 1-го апрѣля, уже показываетъ въ какую обстановку завели отрядъ руководители, и что могли принести сохранившіеся участники, возвратившись на Донъ.

---

[1] Самый выходъ и тяжелый Ледяной Походъ этой армін имѣетъ достаточно историковъ изъ числа почтенныхъ участниковъ, почему говорить объ этомъ, чтобы только повторять уже извѣстное,--нѣтъ необходимости.

[2] Иторикъ пояснитъ намъ непостижимое для военнаго: раздвоеніе силъ, боровшихся съ большевики, а также и причину раздѣленія донскихъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть отправилась съ Добровольческой Арміей.

Напрасно статьями по заказу въ журналѣ спеціальнаго лагеря «Донская Волна», въ свое время воспѣвали этотъ быть можетъ и тяжкій походъ, но во всякомъ случаѣ не «героическій походъ группы донскихъ патріотовъ», какъ его иминуютъ въ очеркѣ Политической Исторіи Всевеликаго Войска Донского [1].

Весьма знаменательно то, что оставленіе Новочеркасска 12 февраля произошло настолько внезапно, что видные штабные работники Войскового штаба и штаба Походнаго только утромъ 13-го, прійдя на очередныя занятія въ штабы, увидѣли пустыя комнаты, груды сожженнаго мусора и вороха бумагъ, которыя имъ пришлось-же дожигать.

Между тѣмъ еще 12-го февраля отрядъ партизанъ подъ Персіяновкой, дѣлалъ свое святое дѣло, защищалъ столицу и узналъ объ оставленіи Новочеркасска лишь тогда, когда ему пришлось боемъ пробивать себѣ дорогу въ столицу, занятую уже противникомъ—Голубовымъ.

Около 3000 честныхъ генераловъ, офицеровъ, знавшихъ о предстоящемъ выходѣ партизанъ изъ Новочеркасска ожидали приказа объ этомъ, но таковаго не получили и брошены были въ столицѣ на произволъ судьбы на поруганіе и смерть [2].

---

[1] Въ томъ очеркѣ, который принадлежитъ перу таго-же лагеря и очеркѣ, который издавался въ тѣ именно дни, когда военная власть на Дону перешла въ руки бывшихъ руководителей этого „Степного похода“.

[2] За время съ 13 февраля по 1-е апрѣля разстрѣляно болѣе 500 офицеровъ (14 генераловъ, 23 полковника, 292 кадровыхъ офицера). Принимая во вниманіе, что до объявленія мобилизаціи въ августѣ 1914 года, Донъ имѣлъ около 850 офицеровъ, читателю станетъ ясно, какую и благодаря кому понесъ Донъ потерю.

Золотой денежный запасъ, въ силу довольно темныхъ обстоятельствъ, считался оставленнымъ въ Новочеркасскѣ, очевидно для обогощенія врага.

Наконецъ, если бы совершался обдуманный и организованный походъ, а не бѣгство, то быть можетъ и Войсковой Атаманъ призналъ бы возможнымъ тоже выступить, а не оставаться въ Новочеркасскѣ безъ вооруженной силы, среди враговъ на явную и скорую гибель.

Всѣ эти догадки откроетъ передъ нами безпристрастный военный историкъ, который будетъ имѣть въ своихъ рукахъ непреложные документы.

Но печальный фактъ совершился: столица края брошена, не имѣя для защиты оставшейся власти вооруженной силы. Войсковой Атаманъ въ «Степной походъ» пойти не пожелалъ.

Глава IV.

Красный Донъ [1].

Потянулись скорбные, позорные дни Дона.

12 февраля въ 4 часа дня Войсковой Кругъ, послѣ горячей молитвы въ Соборѣ о ниспосланіи спасенія граду и казачеству отъ надвигающейся опасности, возвратился въ залъ засѣданій для продолженія безплодныхъ разговоровъ.

Около 6 час. веч. въ залъ засѣданій Круга ворвался Голубовъ со своей «ватагой» и дерзкимъ окрикомъ поднялъ на ноги весь кругъ.

Неописуемая и безстыдная картина представилась мужественному Атаману ген. Назарову и стойкимъ членамъ Круга, не убоявшимся дикой расправы и обидъ. На ихъ глазахъ малодушные представители Круга, быстро, пользуясь суматохой, скрылись изъ зала, переодѣлись и растворились въ пьяной толпѣ черни, сопровождающей современнаго «Пугачева».

Но кто былъ Голубовъ и что совершилъ онъ?

Донской казакъ, бывшій питомецъ Донского кадетскаго корпуса и Михайловскаго Артиллерійскаго училища, онъ молодымъ офицеромъ Донской артилле-

---

[1] См. схему No 1.

ріи рано бросилъ военную службу и возвратился на таковую лишь въ дни войны.

Авантюристъ въ чистомъ видѣ, храбрый даже отчаянный, пьяный, разнузданный, совершенно безпринципный, душевно неопрятный,—онъ прикоснулся къ яду соціальныхъ ученій въ періодъ своего дополнительнаго образованія въ зрѣломъ возрастѣ въ училищѣ шкиперовъ. Дальше мы видимъ Голубова студентомъ Томскаго университета, но во главѣ студентовъ не «революціоннаго крыла«. Это тотъ самый Голубовъ, который избилъ въ тѣ дни редактора мѣстной томской газеты за неодобрительное отношеніе къ дѣламъ, гдѣ былъ замѣшанъ и Голубовъ.

Мятежная его душа не знала покоя. Ординарный разумъ его не смогъ разобраться въ плохомъ и хорошемъ, не смогъ все это совмѣстить, и Голубовъ давно уже началъ жить не разумомъ, а только мятежнымъ сердцемъ.

Дослужившись, въ конечномъ результатѣ, до штабъ-офицерскаго чина, онъ съ первыхъ же дней «Великой безкровной Россійской революціи», опредѣлилъ себя въ Атаманы Войска Донского и съ этой мыслью уже не разставался.

Гнусное поведеніе Голубова въ 1917 году, вынудило даже Атамана Каледина арестовать его въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дабы положить предѣлъ его пагубной дѣятельности, но штатскіе помощники и правители Атамана выпустили этого безчестнаго господина на честное слово офицера, не признавъ необходимымъ ограничить ему хотя бы свободу передвиженія.

Между тѣмъ Голубовъ понималъ, что путь къ трону въ годину лихолѣтья, прокладываетъ только вооруженная сила и потому онъ приступилъ къ набо-

ру вѣрной себѣ дивизіи изъ 2, 10, 27, 44 Донскихъ казачьихъ полковъ.

Правительство знало объ этомъ, но продолжало смотрѣть какъ и на все—добрыми, ласковыми глазами.

Замѣчательно то, что Голубовъ правильно учелъ, какіе-именно ему надо было взять кадры, дабы, безъ промаха, осуществить свои гнусныя цѣли. Онъ взялъ звено 10 Дон. каз. полка и вотъ почему: по бытовымъ условіямъ мѣстной жизни станицы, пополнявшія этотъ полкъ (Гундоровская, Луганская, Митякинская, Калитвенская, Усть-Бѣлокалитвенская и др.) окружены крестьянскимъ населеніемъ Дона и рабочимъ элементомъ Донецкая района, находящагося въ непосредственной связи съ серьезнымъ старымъ революціоннымъ гнѣздомъ рабочихъ Луганска. Казакамъ этихъ станицъ хорошо, съ ранняго ихъ дѣтства, знакомы вожделенія рабочихъ, но казакамъ была не по сердцу и не мила жизнь шахтера и мастерового и они, живя среди этого чуждаго имъ люда, не поддавались все же ихъ вліянію и сохранили твердо и полностью типъ донскаго казака—воина.

10 Донскому каз. полку повезло еще въ томъ отношеніи, что на протяженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ во главѣ его стояли командиры полковъ съ истинной казачьей душой [1], и большинство изъ нихъ, по справедливости, имѣли репутацію выдающихся строе-

[1] Фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ хронологической послѣдовательности: Денисовъ, Грековъ, Луизовъ, Упорниковъ, Грековъ, и наконецъ Красновъ—выдающійся и извѣстный командиръ полка, въ мирное время и на войнѣ начальникъ 2 каз. св. дивизіи на войнѣ и Донской Атаманъ, возродившій Донъ и возвеличившій его въ 1918 году.

выхъ начальниковъ и знатоковъ инструкторскаго дѣла.

Само собой разумѣется, что казаки, проведшіе въ такихъ условіяхъ мирную жизнь, прошедшіе—дѣдъ, отецъ и сынъ серьезную однообразную военную школу подъ руководствомъ выдающихся командировъ, составили изъ себя нѣчто, единое, монолитное, не дробящееся на куски даже и тогда, когда налѣтаетъ шквалъ.

И дѣйствительно 10 полкъ и полки его звена (27 и 44) съ первыхъ дней войны завоевали себѣ особую славу среди прочихъ полковъ Донского Войска. Въ дни революціи полки эти не знали партійности и у нихъ не имѣло мѣсто отдѣльныхъ отложеній среди офицеровъ и казаковъ[1]. Всѣ думали и дѣлали одинаково. Полки эти были крѣпки до послѣдняго дня и перешли на сторону совѣтскаго режима вмѣстѣ со своими офицерами въ полномъ своемъ составѣ.

Все это учелъ Голубовъ,—и не ошибся.

Къ моменту полной растерянности Войсковой власти и за день до исчезновенія отряда Походнаго Атамана изъ гор. Новочеркасска, т. е. 11 февраля, Голубовъ со своей дивизіей находился уже въ трехъ верстахъ отъ Новочеркасска, въ станицѣ Кривянской, ожидая возможности добраться до сладкаго пирога, каковымъ считалъ онъ власть и добычу въ столицѣ Дона.

Въ это же время, въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ Новочеркасска грохотали пушки: то честные партизаны отбивались, какъ я уже сказалъ выше, отъ измѣн-

---

[1] 10 Д. К. полкъ до послѣдняго дня охранялъ власть Керенскаго, который, увы, бѣжалъ передъ тымъ.

никовъ Донскихъ казаковъ, и ихъ вдохновителей большевиковъ (Александровскъ-Грушевскаго и Сулинскаго раіоновъ) у Персіяновки.

Въ 5 часовъ веч. 12 февраля столица Дона была во власти Голубова.

Въ 6 часовъ веч. онъ ворвался въ сопровожденіи полсотни казаковъ, въ помщеніе, гдѣ засѣдалъ Кругъ [1].

— «Что за собраніе?—властнымъ голосомъ закричалъ Голубовъ.

— «Въ странѣ творится соціальная революція, а тутъ собралась кучка людей. Кто Вамъ позволилъ?»

— «Встать!» Закричалъ Голубовъ на сидѣвшихъ членовъ Круга.

Всѣ встали, только Войсковой Атаманъ продолжалъ задумчиво сидѣть, подперевъ голову обѣими руками.

— «Встать, закричалъ на него Голубовъ, дѣлая повелительный жестъ рукою, и съ угрожающимъ видомъ быстрыми шагами направился со своими казаками къ столу президіума, гдѣ сидѣлъ попрежнему спокойно Атаманъ.

— «Встать! кричалъ еще злобнѣе Голубовъ, приближаясь къ Атаману и съ яростью стуча о полъ ногами.

— «Кто ты такой?» крикнулъ Голубовъ.

— «Я, выборный Атаманъ,- отвѣчалъ спокойно ген. Назаровъ.

— «А, вы кто такой?» спросилъ онъ Голубова.

— «Я, революціонный Атаманъ, товарищъ Голубовъ».

Встать! Закричалъ Голубовъ и схватилъ Атамана за руку, а затѣмъ сорвалъ одинъ погонъ у Атамана.

---

[1] Статья А. Павлова, помѣщенная въ No 8 „Донская Волна“.

Другой погонъ сорвали казаки и отвели его вмѣсѣ съ предсѣдателемъ Круга на гауптвахту.

Кругъ былъ разогнанъ.

Голубовъ торжествовалъ и его счастью вторило «ура» пьяной черни, которая уже хозяйничала въ городѣ.

Обыски, разстрѣлы, доносы, предательства, пьянство, аресты, разгулъ, разбой, грабежи, пожары и пр. прелести большевистскаго рая были наградой «осиному гнѣзду», какъ давно называли Новочеркасскъ Керенскій, Ленинъ и послушные ихъ агенты.

Госпиталя и больницы спѣшно и заботливо разгружались путемъ гнуснаго убійства раненыхъ и больныхъ офицеровъ и партизанъ [1].

Въ церквахъ происходили пьяныя оргіи съ дѣвицами изъ красноармейскихъ гаремовъ.

Въ алтари Храмовъ Божьихъ вносили дохлыхъ животныхъ и на трупахъ устанавливали иконы и др. святыни.

Жизнь въ столицѣ замерла.

Все уходило глубже и глубже въ свои норы, и даже животныя чувствовали какую-то тревогу.

Чернь бушевала... Прислуга водила по домамъ палачей, которые расправлялись съ жертвой просто и скоро.

Въ ночь съ 17 на 18 обманнымъ пріемомъ, подъ предлогомъ перевода въ тюрьму, а на самомъ дѣлѣ, согласно состоявшемуся приговору, вывели ген. Назарова и съ нимъ еще шесть видныхъ и заслуженныхъ ветерановъ (ген. Усачевъ, ген. Исаевъ и др.) и не доведя до тюрьмы разстрѣляли. И здѣсь во весь ростъ

---

[1] Въ лазаретахъ и госпиталяхъ истреблено около 120 офицеровъ и 200 партизанъ.

сказалась недюжинная натура Атамана Назарова, мужественно пріявшаго смерть за свою честную службу родному войску.

Подлые убійцы передъ разстрѣломъ приказали Атаману Назарову повернуться спиной къ нимъ.

— «Солдатъ встрѣчаетъ смерть не спиной а лицомъ»—отвѣтилъ спокойно Атоманъ и перекрестившись, сложилъ руки и скомандовалъ:

— «Слушай команду: разъ, два, три!»

Такъ достойио умеръ второй Атаманъ Донского Войска, но отъ руки Донского казака, оставивъ по себѣ свѣтлую и вѣчную память въ сердцахъ послѣдующихъ поколѣній.

Административная, безотвѣтственная власть въ городѣ была въ рукахъ каторжанина и убійцы Медвѣдева, опирающагося на «совдепъ» въ составъ коего входили истинно русскіе люди—Френкели, Зисерманы.

На правахъ Командующаго войсками былъ лейбъказакъ, вахмистръ, а впослѣдствіи хорунжій Смирновъ.

Вскорѣ всесильнымъ сталъ урядникъ л. гв. 6 Донской батареи Подтелковъ, давно и упорно подбиравшійся къ власти еще съ лѣта 1917 года. Онъ очутился во главѣ Областного военно-революціоннаго комитета Донской Совѣтской республики Федеративной Соціалистической Россіи.

Углубляя энергично революцію, эти лица возбудили ревность со стороны Голубова, роль котораго стушевалась.

Тогда онъ замышляетъ новый планъ.

Онъ предлагаетъ свои услуги для поимки бывшаго помощника Атамана М. П. Богаевскаго, направившагося въ Задонскія степи поднимать яко-бы контръреволюцію.

Эти планы были одобрены. Голубову это было на руку, т. к. онъ могъ и дѣло сдѣлать—себѣ проложить дорогу и разнюхавъ истинное настроеніе казаковъ, набрать себѣ новую «ватагу».

Въ концѣ марта Голубовъ поймалъ Богаевскаго и доставилъ его въ Новочеркасскъ [1].

Въ зданіи Кадетскаго Корпуса Богаевскій сказалъ свою «лебединую пѣсню».

Здѣсь и Голубевъ пѣлъ уже другую пѣсню, какъ результатъ того впечатлѣнія, которое онъ вынесъ, побывавъ въ медвѣжьихъ углахъ Области.

Игра Голубова не понравилась Ростовскимъ совѣтскимъ представителямъ. Ихъ пугало также все усиливающееся вліяніе Подтелкова и Смирнова и они стали опасаться «казачьей оріентаціи».

Областной съѣздъ совѣтовъ, съѣхавшійся въ эти дни въ Ростовѣ рѣшилъ ослабить терроромъ эти опасные для нихъ факторы, въ особенности послѣ того, когда эти лица не пожелали явиться передъ ихъ очи, для доклада о положеніи вещей.

27 марта изъ Ростова былъ направленъ карательный отрядъ во главѣ съ Донскимъ казакомъ Антоновымъ—донскимъ главковерхомъ.

Вновь картины совѣтскаго режима повторились для Новочеркасска и жизнь еще больше была сдавлена во всѣхъ ея проявленіяхъ.

---

[1] М. П. Богаевскій погибъ 28 марта отъ руки палача—Главверха Антонова, который лично застрѣлилъ его въ Балабановской Рощѣ, вблизи гор. Нахичевани.

Голубовъ былъ 1 или 2 апрѣля убитъ казакомъ, опознавшимъ его, у станичнаго правленія Бессереневской станицы и пріялъ достойную смерть. Трупъ его былъ обезображенъ и брошенъ въ навозный муссоръ. Адъютанъ его былъ убитъ въ ст. Богаевской 31 марта послѣ допроса, опознанія и отобранія всѣхъ документовъ.

Не веселые слухи доходили объ ушедшихъ Донскихъ казакахъ съ походнымъ Атаманомъ за Донъ.

Жуткія свѣдѣнія печатались и о Добровольческой арміи.

Вотъ какъ информировала обывателя мѣстная газета въ Новочеркасскѣ[1] (Извѣстія Новочеркасск. Сов. рабоч. и казач. депутатовъ) отъ 28 марта, т. е. когда фактически ген. Корниловъ еще былъ живъ и находился подъ Екатеринодаромъ.

«ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ»

«Белый генерал, котораго знает вся Россия с августовской авантюры в данный момент с кучкой безсознательных проходимцев находится где то за Кубанью, в глухой деревушке, куда его загнали после взятия Екатеринодара Советския войска.

По сведениям газет и по сообщениям прибывших с Кавказа, можно судить, что падение авантюры Корнилова не за горами, что окруженный со всех сторон он вынужден будет или сдаться, или погибнуть вместе с наемниками буржуазии.

Отступая последний раз из Екатеринодара, корниловский отряд, насчитывающий в своих рядах совершенно ничтожное число бойцов, по пути бросал обоз с продовольствием, фуражем, снарядами и патронами; он, обезсиленный и въ конец измученный, уже не мог брать с собой награбленных запасов и отступал с тем, что могли унести остатки его банды. И этого понятно не могло хватить на долго, сидя в осажденной горной кавказской деревушке.

Такие обстоятельства и еще то, что некем пополнить сильно поредевшие ряды контр-революцион-

---

[1] Я нарочно съ «орфографіей» привожу это сообщеніе полностью.

ных отрядов, повидимому и приблизили конецъ корниловской авантюре и если еще не приблизили на столько, чтобы можно было эту авантюру считать ликвидированной, то во всяком случае конец ея близокъ. И в этом не может быть никакого сомнения»...

Вотъ что слышалъ и читалъ несчастный обыватель...

Но заря занялась...

Глава V.

Заря вспыхнула.—Донскіе казаки пробуждаются [1].

Всеобщая зараза большевизма, которымъ стремительно была охвачена Россія уже къ концу октября мѣсяца 1917 года,—долго стучалась въ двери Донской Земли и наконецъ въ среднихъ числахъ февраля мѣсяца 1918 года, черезъ трупы Великихъ Атамановъ ген. Каледина и ген. Назарова,—ворвалась бурнымъ потокомъ въ гор. Новочеркасскъ—столицу старѣйшаго казачества и разлилась по хуторамъ и станицамъ Тихаго Дона, править которымъ съ яростью и жестокостью начали «Совдепы» и «Наркомы».

Но недолго пришлось большевикамъ хозяйничать на Дону. Порядки комиссаровъ скоро убѣдили казаковъ, что идеи большевизма идутъ въ разрѣзъ укладу жизни домовитаго казачества и не гармонируютъ со старо-давними казачьими привичками, обрядами, законами и традиціями.

Когда же появились карательныя экспедиціи, то казаки опредѣленно поняли, какую именно свободу несутъ съ собою большевики и какъ они оберегаютъ чужую собственность.

Обидно и жалко было казакамъ отдавать свое добро, нажитое отцами, дѣдами и прадѣдами и мно-

---

[1] См. сх. NoNo 1—5.

толѣтними собственными трудами и неусыпными, неустанными ихъ заботами.

Скорбѣлъ и мучился офицеръ-казакъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не имѣющій ни кола, ни двора. Ему было тяжело терять доброе и родное званіе казака, т. е. именно то, противъ чего шелъ теперь Ленинъ и его послушные приспѣшники.—«Уже нѣтъ и никогда не будетъ больше казака»—говорили они и ополчились противъ вольностей и привилегій казачества.

Но что по истинѣ могли сдѣлать эти истинные мученики—донскіе офицеры, брошенные Походнымъ Атаманомъ на «милость побѣдителя» въ «осиномъ гнѣздѣ», какъ называли Новочеркасскъ совѣтскіе комиссары. Выходы и выѣзды изъ Новочеркасска для офицера были закрыты. Они ходили уже приговоренными къ смерти отъ руки палача, ждали лишь каждый своего часа. Одни изъ нихъ скрывались по знакомымъ, другіе по оврагамъ, кладбищамъ, брошеннымъ заводамъ, сараямъ и скотнымъ дворамъ. У всѣхъ у нихъ не было самаго дорогого—права на жизнь, ибо не было охраннаго документа и въ прошломъ они не имѣли тюрьмы и каторги.

Всѣ эти ветераны Дона, герои послѣднихъ войнъ и честная, любящая свой край, учащаяся молодежъ, подъ общимъ названіемъ «кадеты»—разбрелись по городамъ, станицамъ и хуторамъ, чтобы тамъ выжидать лучшихъ дней и создавать ниву для новыхъ всходовъ.

Смѣло, громко и утвердительно можно сказать, что много лучше было тѣмъ, кто успѣлъ уйти съ отрядомъ Походнаго Атамана 12 февраля изъ Новочеркасска. Несмотря на полную неопредѣленность и неизвѣстность, на тревогу за свою судьбу и за будущее близкихъ людей, оставленныхъ ими въ Новочеркасскѣ

и въ иныхъ мѣстахъ зараженной Россіи, все же у каждаго участника этого скитанія по чужимъ угламъ, въ боевой обстановкѣ, было сознаніе, что не онъ одинъ въ полѣ воинъ и если не онъ, то его сосѣдъ вооруженъ. При нихъ были пушки, пулеметы, обозъ и казна. Не изъ-за угла и не съ крыши или оконъ дома поразитъ его злодѣйская пуля, а въ открытомъ, быть можетъ и неравномъ, бою сложитъ онъ казачью голову за родной край и вѣру.

И въ этомъ было огромное утѣшеніе рядовому участнику военнаго похода, терпѣвшему несомнѣнно большія лишенія.

Нѣтъ нужды доказывать, что начальство въ степномъ походѣ чувствовало себя прекрасно: переѣзды на отличныхъ очередныхъ тройкахъ, ночлегъ у гостепріимныхъ по-неволѣ коннозаводчиковъ или ихъ управляющихъ, съ полными удобствами, даже комфортомъ, съ сытными ужинами, обѣдвми и завтраками, съ напитками и музыкой—совсѣмъ напоминали бы маневры добраго стараго времени въ хорошихъ условіяхъ, если-бы не боевая обстановка [1].

Зато никакихъ радостей не видали офицеры, оставшіеся среди большевиковъ. Они искали утѣшенія вѣря въ совѣсть, разумъ и сердце казачьи.

Уже къ концу марта мѣсяца почти въ каждой станицѣ появились эти вѣрующіе—будущіе руководители, тайно готовящихся возстаній Донскихъ казаковъ.

Между ними шли тайныя соглашенія.

По мѣрѣ того, какъ ширилась сѣть этихъ самородныхъ и самобытныхъ агентовъ, какъ укрѣплялась и разросталась сила этой организаціи—стали образо-

---

[1] Замѣтки и дневники участниковъ (Гуревнина, Каклюгина, Страхова, Гренова и др.

ваться районы и даже округа обороны, для предстоящей борьбы съ красной нечистью.

Власть большевиковъ на территорiи Дона въ эти дни носила характеръ опредѣленнной незаконченности и даже робости.

Можно было думать, что комиссары или чего то опасались, или еще не доѣхали до удаленныхъ отъ города и желѣзныхъ дорогъ станицъ и хуторовъ Дона.

Это особенно ясно было видно въ раiонахъ прилегающихъ къ Дону, который являлся естественной гранью между влiянiемъ большевиковъ, надвигающихся съ сѣвера Области и влiянiемъ большевиковъ, идущихъ по домамъ съ бывшаго Кавказскаго фронта.

Дни предстоящей весны и разливы Дона какъ-бы пугали комиссаровъ и они боялись выбрасывать свои солдатскiе отряды въ пункты, удаленные отъ центровъ и могущiе быть разобщенными самой природой.

Только этимъ и можно было объяснить, что даже въ крупныхъ пунктахъ (ст. Константиновская, Раздорская) и въ пунктахъ, близко отстоящихъ отъ Новочеркасска (ст. Богаевская, Манычская) находились, правда, весьма скромно проживая, извѣстные казакамъ генералы (ген. Красновъ, Черячукинъ, Поповъ и др.).

Объ этомъ знали казаки и знала станичная власть, но репрессiй надъ ними не производила. Вообще-же массовыхъ убiйствъ офицеровъ по станицамъ Дона (за рѣдкимъ исключенiемъ) мѣста не имѣло[1].

---

[1] Изъ всего числа Донскихъ офицеровъ, погибшихъ на Дону отъ рукъ палачей за 1918 годъ (около 500) приходется на долю погибшихъ по станицамъ и хуторамъ Войска, около 100, остальные---200 погибли въ Новочеркасскѣ, главнымъ образомъ, за февраль и мартъ.

Казачья власть на мѣстахъ, въ это время, почти не подверглась измѣненію по своему существу.

Выборные станичные атаманы (за немногимъ исключеніемъ) остались на своихъ мѣстахъ. Прибавился Станичный Комитетъ (Совѣтъ), въ составѣ котораго можно было видѣть даже и офицеровъ.

Совѣты обороны, главнымъ образомъ, были въ рукахъ у офицеровъ.

Такой аппаратъ власти на мѣстахъ пока повидимому удовлетворялъ совѣтскіе круги, но онъ, конечно. еще болѣе удовлетворялъ тѣхъ будущихъ руководителей, которые подготовляли возстаніе казаковъ.

Словомъ, казаки ждали и искали руководителей; лица, чувствующія въ себѣ силы быть руководителями прозрѣвающихъ казаковъ—искали сами себѣ работу, не выявляя своего лица [1].

Мудрая казачья пословица: «Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья»—скоро оправдалась.

Уже 21 марта поднялась Суворовская станица. Казаки, главнымъ образомъ старики, возмущенные до глубины души издѣвательствами красныхъ бандъ бросились на нихъ съ вилами и топорами, обезоружили насильниковъ и прикончили ихъ.

Получивъ поддержку отъ сосѣднихъ станицъ, Суворовцы двинулись противъ главныхъ очаговъ большевизма, захватили станцію Чиръ и подогрѣли своимъ примѣромъ казаковъ 2 Донского округа, гдѣ подня-

---

[1] В. С. Голубинцевъ (ст. Усть-Медв.), прапорщикъ Дудановъ (ст. Урюпинская), подполк. Разстегаевъ (ст. Суворовская), полк. Поповъ С. С. (ст. Старочеркасская), п.-есаулъ Поповъ Н. И. (Донецкій округъ), полк. Филимоновъ (ст. Мынычская), полк. Денисовъ С. В. (ст. Богаевская), В. Ст. Фитисовъ, сотникъ Озорянскій (ст. Кривянская), полк. Мамонтовъ (2 Донской округъ), хоронжій Чапчиковъ (ст. Цымлянская) и многіе др.

лось всеобщее возстаніе, подъ водительствомъ полковника Мамонтова, извѣстнаго впослѣдствіе генерала.

Успѣхи казаковъ 2 Донского округа окрылили и сосѣдній 1 Донской округъ, и тамъ загорѣлся пожаръ возстанія,—въ станицахъ и юртахъ праваго берега Дона.

Одновременно съ этими возстаніями и на далекомъ сѣверѣ Войска, среди темной ночи и, казалось, безпробуднаго царства тьмы большевизма, вспыхнулъ, какъ зарница, и погасъ—подвигъ прапорщика Дудакова, который, съ горстью храбрецовъ учащейся молодежи, 1-го апрѣля, дерзкимъ налетомъ, захватилъ окружную станицу Урюпинскую. Не будучи поддержаны казаками, они принуждены были оставить ее.

Въ эти-же дни и на западной границѣ Донской Земли, а именно въ Луганскомъ раіонѣ, казаки, при помощи нѣмцевъ, свергли комиссаровъ. Установивъ съ нѣмцами мѣновую торговлю донского хлѣба на нѣмецкое оружіе—казаки упрочили свое положеніе и тамъ росла и ширилась сила казачья.

Къ этому времени и на крайнемъ югѣ Донского Войска въ раіонахъ станицъ Егорлыцкой, Качальницкой и Мечетинской, обнаружилось пламя казачьихъ возстаній. Сперва отдѣльными раіонами, а затѣмъ цѣлымъ округомъ, эти станицы выступили въ открытый, неравный бой съ большевиками.

Наконецъ, около самой столицы Дона, т. е. въ непосредственной близости отъ центральнаго аппарата «красной власти», а именно въ станицѣ Кривянской, поднялось также возстаніе. Казаки этой станицы, поддержанные сосѣдними станицами (Заплавской, Бессергеневской, Раздорской) подъ предводительствомъ В. Ст. Фетисова, 1-го апрѣля, на зарѣ, ворвались въ городъ, имѣя своимъ оружіемъ вилы, грабли, топоры и пр.

инструменты домашняго хозяйства. Жены, матери и дочери, старцы и мальчики, всѣ вышли на борьбу съ комиссарами...

Это неожидинное для обѣихъ сторонъ нападеніе, мало продуманное и совершенно не подготовленное, не могло сулить серьезныхъ результатовъ. Но самый фактъ успѣха окрылилъ всѣхъ.

Снова изъ своихъ норъ выползли, бывшіе при Атаманѣ Калединѣ, члены правительства, ихъ близкая и дальняя родня и прочіе дѣятели, сгубившіе однажды и Донъ и его двухъ Атамановъ.

Совѣтъ обороны, сформировавшійся изъ этихъ казалось, вполнѣ «конченныхъ» уже людей, метался въ паникѣ и смятеніи. Правильно организованной военной власти не существовало. Никто и ничего не зналъ: гдѣ войска, какія, гдѣ фронтъ, гдѣ средства для борьбы, кто начальство и т. д. Довѣрчиваго обывателя и послушнаго воина—казака мазали по губамъ старыми сказками о томъ, что Походный Атаманъ не загорами, а съ нимъ и сильные партизанскіе отряды Семилѣтова.

Обывателя обманывали слухами, что Ростовъ, якобы, занятъ Добровольческой Арміей, которая въ это время, на самомъ дѣлѣ, была въ раіонѣ гор. Екатеринодара.

Въ такомъ положеніи долго оставаться было невозможно и вотъ черезъ три дня, наконецъ, Вр. Правительство Дона назвачило командующаго Донской Арміей [1] (на самомъ дѣлѣ еще не «существующей»), вручивъ ему полную военную власть.

---

[1] Командующимъ Донской арміей былъ назначенъ генералъ-маіоръ К. С. Поляковъ. Донской казакъ До чина полковника служилъ въ Штабѣ Войска Донского. Командовалъ 13 Дон. Каз. пол-

Въ этотъ-же день, утромъ, 4-го апрѣля, былъ назначенъ и начальникъ штаба Донской Арміи [2].

Но врагъ не дремалъ. Его вѣрные агенты донесли ему о томъ хаосѣ въ столицѣ Дона, какой имѣлъ мѣсто 1, 2 и 3 апрѣля...

Съ утра 4-го городъ Новочеркасскъ вновь увидѣлъ цѣпи противника и услышалъ гулъ его орудій...

То шелъ отрядъ для подавленія контръ-революціи...

Съ 10 час. утра окраины города начали уже обстрѣливаться артиллеріей противника и въ городѣ начиналась неописуемая паника.

комъ. На австро-германскую войну выступилъ уже к-ромъ бригады 1 Дон. Каз. дивизіи и вскорѣ получилъ бригаду въ 5 Дон. каз. дивизіи въ каковой должности и закончилъ кампанію. Къ 4 апрѣля находился въ гор. Новочеркасскѣ.

[2] Начальникомъ штаба Донской арміи былъ назначенъ полковникъ С. В. Денисовъ. Донской казакъ, офицеръ ген. штаба, воспитанникъ Дон. Кад. Корпуса, Мих. Арт. Училища. До академіи служилъ въ Донской казачьей артилеріи---семь лѣтъ. Послѣ академіи отбывалъ всѣ цензы въ частяхъ родного Донского Войска. На войну выступилъ капитаномъ ген. штаба, старшими адьютантомъ штаба Уральск. каз. дивиз. Затѣмъ, послѣ очередной штабъ офицерской должности въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ штабѣ 4 арміи, получилъ должность н-ка штаба 2 казачьей сводной дивизіи, начальникомъ коей былъ генералъ Красновъ. Въ должности начальника штаба дивизіи состоялъ около двухъ лѣтъ и получилъ (до революціи) 11 дон. каз. ген. отъ кав. графа Ѳ. П. Денисова полкъ. Въ этой должности окончилъ войну. Большевизмъ засталъ его въ Кіевѣ, откуда онъ, 28 января 1918 года, вышелъ пѣшкомъ на Донъ. Донъ, какъ знаетъ читатель, былъ уже обложенъ. Послѣ двухнедѣльнаго скитанья и ряда арестовъ на границахъ Дона, добрался до Воронежа, гдѣ и ждалъ проѣзда въ Новочеркасскъ. Съ первымъ поѣздомъ выѣхалъ и прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ была уже совѣтская власть. Черезъ нѣсколько дней убѣжалъ въ ст. Богаевскую гдѣ былъ назначенъ н-комъ обороны. По дѣламъ службы, 2-го апрѣля прибылъ въ столицу Дона.

При такихъ обстоятельствахъ новый начальникъ штаба, въ 10 часовъ утра впервые принималъ бразды правленія, несуществующихъ уже средствъ обороны.

Онъ получилъ отъ неизвѣстныхъ ему офицеровъ портфель, оказавшійся пустымъ, и затрепанную карту ближайшихъ окрестностей Новочеркасска. Красивымъ и понятнымъ жестомъ ему указали на пылающую печь, гдѣ жглись всѣ приказы и боевые документы этихъ трехъ дней.

На вопросъ—«гдѣ-же старый штабъ и старое начальство»? — былъ отвѣтъ: — «уѣхали»!—«но куда»?.. Отвѣта не послѣдовало.

Начальникъ штаба вышелъ изъ дворца на площадь и увидѣлъ поѣздъ автомобилей, нагруженныхъ, какъ оказалось, чинами прежняго штаба.

Изъ автомобилей были извлечены нѣсколько офицеровъ и съ ними-то начальникъ штаба, считавшій своимъ долгомъ уйти послѣднимъ изъ Новочеркасска, ободряя публику и возстанавливая порядокъ среди бѣгущихъ защитниковъ, медленно, въ пѣшемъ порядкѣ, направился къ вокзалу. Тамъ считалъ онъ нужнымъ задержаться сколько позволитъ обстановка, если, конечно, онъ тамъ найдетъ казаковъ.

Большое мужество было проявлено чинами полицейской стражи, во главѣ съ ихъ шефомъ генералъ майоромъ Смирновымъ. Только эти чины отстрѣливались, а не убѣгали и только они являлись исполнителями всякого рода порученій и распоряженій, отдаваемыхъ начальникомъ штаба въ столь кошмарной обстановкѣ.

Тревога и безобразіе въ городѣ росли. Арестованные въ тюрьмахъ и на городской гауптвахтѣ взламывали двери, добывая себѣ свободу, зная что всѣ караулы уже самовольно покинули свои посты.

Около трехъ часовъ дня начальникъ штаба прибылъ на ж. д. станцію и нашелъ здѣсь около 200—250 офицеровъ и казаковъ, метавшихся въ полномъ невѣдѣніи. Отдѣливъ офицерскую дружину офицеровъ Черкасскаго округа подъ командой полковника Кирѣева, начальникъ штаба навелъ военный порядокъ и приступилъ къ оборонѣ вокзала.

Городъ къ этому времени былъ уже въ рукахъ большевиковъ, которые занимали его въ страшномъ безпорядкѣ. Показателемъ можетъ служить то, что до 7 час. веч. телефонная центральная станція оставалась ими еще не занятой и начальникъ штаба совершенно безпрепятственно разговаривалъ со своей городской квартирой. Только желѣзно-дорожн. станція и прилегающій непосредственно къ ней раіонъ были въ рукахъ у казаковъ.

Около 6 часовъ веч. число защитниковъ вокзала еще увеличилось партіями тѣхъ казаковъ, которые спѣшно отходили вдоль полотна ж. д. изъ х. Мишкина подъ давленіемъ сронированнаго непріятельскаго поѣзда, шедшаго изъ Ростова.

Казачья батарея поставленная у исторической вокзальной мельницѣ[1] открыла мѣткій и бѣглый огонь по приближающемуся чудовищу, но результаты были незначительны.

Тогда угрозами разстрѣла, начальникъ штаба поднялъ на ноги весь станціонный персоналъ, кото-

[1] У этой мельницы въ теченіи февраля и марта мѣсяцевъ производились разстрѣлы и ея стѣны обагрены кровью невинныхъ жертвъ въ количествѣ до 600, изъ числа которыхъ—до 200 офицеровъ. (300 офицеровъ изъ общаго числа разстрѣляныхъ за февраль и мартъ въ Новочеркасскѣ, о чемъ указывалось выше,—убиты въ иныхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ въ лазаретахъ.

рый началъ уже разбѣгаться, и приказалъ пустить полнымъ ходомъ паровозъ на встрѣчу подходившему поѣзду. Паровозъ врѣзался въ поѣздъ, свалился самъ, но свалилъ подъ откосъ и первые вагоны поѣзда, загромоздивъ т. обр. ж. д. путь. Какъ бы на выручку своего поѣзда вдругъ открылась жестокая пулеметная и ружейная стрѣльба по казакамъ изъ всѣхъ зданій и домовъ, прилегающихъ къ вокзалу.

Мѣстные большевики, выждали часъ своей мести.

Пришлось отходить казачьему отряду на станицу Кривянскую.

Предстояло пройти $1^1/_2$—2 версты совершенно открытымъ займищемъ, въ непролазной грязи, направляясь къ единственной переправѣ у самой станицы.

Жидкой цѣпью стрѣлковъ въ нѣсколько шеренгъ (линій) стали отходить казаки, унося съ собой, кто снаряды, кто патроны, кто замки отъ орудій, кто медикаменты и даже части переводныхъ ж. д. стрѣлокъ.

Несмолкаемый пулеметный и артиллерійскій огонь былъ походнымъ маршемъ для казаковъ, спокойно однако отходящихъ отъ своей милой столицы, гдѣ остались близкіе и дорогіе сердцу, гдѣ остались и враги. Среди отходящихъ были и семидесятилѣтніе генералы (С. А. Балдыревъ), вновь испытавшіе на склонѣ лѣтъ своихъ ощущеніе неравнаго боя.

Но Богъ хранилъ казаковъ. Жертвы наши были черезвычайно скромные. Ранеными оказались два ординарца и казначей, шедшіе при начельникѣ штаба и одинъ офицеръ въ цѣпи.

Къ 8 час. веч. эта группа послѣднихъ защитниковъ, въ количествѣ 250—300 человѣкъ, и состоящая главнымъ образомъ изъ офицеровъ, благополучно и

своевременно переправилась черезъ р. Тузловъ и устроилась на позиціи вдоль западной окраины Кривянской станицы съ приказаніемъ стоять крѣпко и ожидать смѣны.

Такъ скоро окончилось блеснувшее «1-го апрѣля» счастье, но казакъ вѣрилъ, что казачье счастье еще будетъ впереди, а пока убѣдился, что день «традиціонныхъ обмановъ на Руси» и на этотъ разъ оправдалъ людскіе предразсудки.

Глава VI.

Возстаніе Низовыхъ станицъ Дона. — Заплавское сидѣніе. — Зарожденіе Донской Арміи.— Жуткіе дни[1].

Постигшая столицу Дона и ея послѣднихъ защитниковъ, неудача 4-го апрѣля, не печалила сердце Донского казака, такъ какъ все-же общая обстановка предстоящей борьбы на югѣ Россіи начинала складываться весьма благопріятно.

Два мѣсяца, и даже мѣсяцъ, тому назадъ, среди безпросвѣтной мглы произвола и насилія, робко блуждали на далекомъ югѣ только двѣ свѣтлыя точки: одна изъ нихъ—Добровольческая Армія—горсть лучшихъ людей, удалялась на югъ, совершала свой безпримѣрный «Ледяной походъ», отбиваясь каждый день и во всѣ стороны, теряя вѣрныхъ гражданъ Россіи,—другая, группа Донскихъ казаковъ,—горсть борцовъ и случайныхъ людей, подъ начальствомъ Походнаго Атамана, колесила по калмыцкимъ Донскимъ степямъ, совершая свой «Степной походъ», также теряя лучшихъ сыновъ края. Для этихъ свѣтлыхъ точекъ все и всѣ кругомъ были чужіе и даже больше—враги. Тогда эти точки не имѣли спутниковъ себѣ подобныхъ.

---

[1] См. схемы NoNo 2—4.

Нынѣ къ этимъ свѣтящимся точкамъ прибавились уже свѣтлыя пятна и даже площади на Донской Землѣ, озаряя свѣтомъ и блескомъ своимъ пробуждающихся донскихъ казаковъ отъ недолгого, но больного сна.

Уже съ 21 марта, какъ было сказано выше, начали подниматься казаки и сбрасывать съ себя красныя тряпки [1] и къ настоящему дню такихъ новыхъ очаговъ возстанія было шесть. Искры этихъ пожаровъ далеко и быстро разносились и скоро вся Донская Земля всполошилась.

Новое Донское военное командованіе отлично понимало это, равно какъ и уяснило себѣ свою роль: надо было быстро собрать измученныхъ казаковъ, еще быстрѣе надо было объединить всѣхъ разъединенныхъ защитниковъ Дона, немедленно приступить къ правильной и серьезной организаціи вооруженныхъ силъ и къ формированію прочной и только «казачьей арміи».

Легко это сказать, еще легче подумать это, но каково все это и съ кѣмъ выполнить.

Все было расхлябано, все было загажено, опошлено, исковеркано и если не совершенно, то все же достаточно основательно и глубоко [2].

[1] См. главу V.

[2] Отчетливо помнится раннее, еще темное, утро 5 апрѣля, когда Начальникъ Штаба Донской арміи, догоняя Командующаго арміей и штабъ, уѣхавшихъ наканунѣ изъ Новочеркасска, прибылъ въ ст. Заплавскую изъ ст. Кривянской, гдѣ цѣлую ночь налаживалъ порядокъ и боевую службу въ ужасающей обстановкѣ. Дерзкимъ окрыкомъ встрѣтили его пьяные казаки-кривянцы на порогѣ той избы, гдѣ тревожнымъ сномъ спалъ Штабъ.—«Это вы окаянные начальники палите нашу станицу, это вы взяли городъ и снова отдали его врагу, потому что не занимались дѣломъ, а только разговаривали!» – Для Начальника Штаба былъ одинъ вы-

Генералъ забылъ свое старшинство и право своего авторитета. Офицеры не отказывались отъ службы, но начальникомъ быть не хотѣли, а многіе и не могли. Они охотно шли въ цѣпь рядовымъ стрѣлкомъ. Урядники, въ лучшемъ случаѣ вахмистра, являлись на роляхъ начальниковъ.

О погонахъ и иныхъ военныхъ отличіяхъ думать не приходилось.

О чинопочитаніи надо было временно забыть. Слова «приказываю», «наказываю», «ваше благородіе», «ваше превосходительство» — надлежало временно исключить изъ обихода военной жизни.

Тяжело все это было для старыхъ, легко просто и понятно это было для молодыхъ.

Душевная нищета и тѣлесная слабость зіяла отовсюду.

Для малодушныхъ было масса искушеній и оправданій отойти отъ дѣла и отъ зла и сотворить

ходъ: громкимъ голосомъ и твердымъ тономъ онъ обрушился на бушевавшихъ казаковъ. Казаки сразу притихли. Они узнали правду. Они узнали повиненъ-ли кто-либо, кромѣ самихъ казаковъ и если былъ виновный, то кто именно, въ только что происшедшей тяжелой дѣйствительности. Они поняли, что тотъ, кто передъ ними, самъ новый человѣкъ и принимаетъ на свою голову результаты чужихъ грѣховъ. Нѣкоторые казаки, несмотря на полную ночную темному, опознали въ немъ, по его характерному голосу, своего бывшаго начальника, имъ хорошо извѣстнаго за время службы (въ его ранніе годы еще въ рядахъ донскихъ батарей— 20 л. тому назадъ, по 17 Дон. каз. генерала Бакланова полку и по 7 Дон. каз. Войсков. Атамана Денисова полку, гдѣ онъ командовалъ сотнями по окончаніи Академіи, по 16 и 17 полкамъ, входящихъ въ составъ 2 каз. св. дивизіи, гдѣ онъ былъ начальникомъ штаба на войнѣ около двухъ лѣтъ) и здѣсь-же принесли повинную, обратившись въ его вѣрныхъ агентовъ въ дѣлѣ сплоченія казаковъ и приведенія ихъ къ порядку и повиновенію.

благо, избѣжавъ въ будущемъ, безразлично отъ какой стороны, осужденія, а быть можетъ и жестокой расплаты.

Только воспитанные въ суровомъ военномъ режимѣ, серьезной средѣ и долгой военной школѣ, могли продолжать стоически и мужественно творить то, что они почитали своимъ долгомъ, честью и присягой, независимо отъ обстановки.

И такихъ было всетаки порядочно.

Вотъ въ какихъ необычайныхъ условіяхъ новой Донской военной власти пришлось начинать дѣло.

Предстояло избрать раіонъ для сбора отходящихъ, по всѣмъ направленіямъ, казаковъ и партизанъ; надо было придумать приманку и мѣры къ задержанію казаковъ, отходящихъ на широкомъ фронтѣ.

Долго думать не приходилось: мѣстныя условія и топографія раіона вынуждали остановиться въ окрестностяхъ ст. ст. Заплавской, Кривянской, Бессергеневской, съ открытой, степного характера, позиціей по курганамъ, что въ 2 верстахъ къ западу отъ Заплавской станицы, съ весьма выдвинутой впередъ и на флангъ авангардной позиціей у Кривянской станицѣ. Кривянскую станицу надо было удерживать, ибо Кривянскій полкъ этого заслуживалъ и онъ самъ въ теченіе всего времени несъ эту чрезвычайно трудную службу, не пропуская свою очередь службы и на главной позиціи.

Жутко вспоминать участникамъ этихъ прошедшихъ дней и дѣлъ, всю только что описанную, по истинѣ ужасную обстановку, при которой командованію пришлось руководить казаками, еще не желавшими класть передъ врагомъ оружіе и такъ рано сдаваться на милость побѣдителя.

Впереди, передъ глазами казаковъ, вырисовывалась, въ маревѣ тумана, на высотахъ, «милая столица» родного края, занятая большевиками, а рядомъ съ ней, въ заревѣ нескончаемыхъ пожаровъ,—Кривянская станица, гдѣ каждые день и ночь шли уличные бои между грабителями-большевиками и казаками-хозяевами; вправо тянулась приволная Донская степь, по буграмъ и въ разстояніи 25 — 30 верстъ—серьезное гнѣздо большевиковъ — гор. Александровскъ-Грушевскій, подъ главенствомъ Донского казака, бывшаго гвардейца—офицера Дерявяникина; слѣва прилегаетъ рѣка Аксай и за ней заливные, на десятки верстъ непроходимые, луга; въ тылу—изстрадавшееся населеніе трехъ станицъ, [1] рѣка Аксай и также, сколько глазъ видитъ, заливные непроѣзжіе луга.

Если принять во вниманіе, что многіе казаки этихъ именно трехъ станицъ породнились съ обывателями и шахтерами Александро-Грушевскаго района, (въ особенности Мелиховская станица) и что хутора и земли этихъ станицъ находятся въ непосредственной близости къ этому большевистскому гнѣзду, то станетъ понятнымъ, то жуткое настроеніе, которое порой охватывало, и даже захватывало, малодушныхъ или просто усталыхъ казаковъ.

Что тогда, при всѣхъ вышеизложенныхъ условіяхъ, представляетъ собой горсть въ 3—4 тыс. человѣкъ, во образѣ плохо вооруженной толпы, каковой и была по существу группа казаковъ, собиравшаяся нынѣ у Заплавской станицѣ?

Полное отсутствіе денежныхъ средствъ завершаетъ цѣлый столбъ перечисленныхъ только что весьма неприглядныхъ условій. Измученныя души ка-

[1] Заплавской, Мелиховской, Бессергеневской.

зачьи уже не вѣрили больше красивымъ словамъ о подвигахъ, дающихъ счастье з мной жизни, а цѣнили только работу и видимые имъ результаты. Красивыхъ словъ казаки слышали слишкомъ, и слишкомъ много. Теплыя и красивыя рѣчи, даже М. П. Богаевскаго, подогрѣвали казаковъ лишь на пять — десять минутъ. Казаки привыкли поклоняться не красивымъ словамъ, а красивымъ дѣламъ. Ихъ могли вести на смерть только тѣ, кто сами смѣло смотрѣли смерти въ глаза... Казаками могли владѣть только храбрые офицеры, а не краснорѣчивые чиновники, народные учителя и политическіе дѣльцы. Этой истины, къ сожалѣнію, не понимаютъ и до настоящаго дня герои «Союза Возрожденія Казачества», гражданскія души, благополучно спасающіяся три года отъ войны и всѣхъ ея ужасовъ, — нынѣ берущіеся не за свое дѣло[1].

За дѣло взялся донской казачій офицеръ, и съ Божьей помощью работа закипѣла...

---

[1] Объ этихъ «народныхъ герояхъ» авторъ дастъ читателю цѣлую главу въ своей третьей книгѣ.

Глава VII.

Заплавское сидѣніе. – Одинокіе [1].

Незамѣтно, деликатно для казака через три дня многое уже измѣнилось.

Были сформированы части, произведены и повѣрены строевые расчеты. Отсортированы офицеры и казаки [2].

---

[1] См. сх. №№ 1—5.

[2] Въ особенности труднымъ явился офицерскій вопросъ. Въ составѣ защитниковъ Заплавъ оказалось болѣе 500—600 офицеровъ, изъ числа коихъ 100—150 не казаковъ. Это были именно тѣ офицеры, которые не могли уйти 12 февраля съ походнымъ Атаманомъ и нынѣ почитали необходимостью спастись отъ новыхъ гоненій совѣтской власти. Въ числѣ этихъ офицеровъ были и такіе, которые болѣе по принужденію, нежели по желанію, но однако, работали въ спеціальныхъ военныхъ комиссіяхъ въ Новочеркасскѣ подъ бдительнымъ контролемъ и наблюденіемъ комиссаровъ въ періодъ февраля и марта. Пройти мимо этого обстоятельства начальству вновь возрождающейся Донской арміи нельзя было, а потому такого рода офицеры немедленно были изъяты, удалены отъ должностей и взяты подъ наблюденіе, съ тѣмъ, что назначенная спеціальная комиссія должна разобраться въ имѣющихся документахъ или заявленіяхъ и разрѣшить этотъ вопросъ, но все же не окончательно. Пришлось удалить и одного офицера генеральнаго штаба, не взирая на то, что въ штабѣ арміи осталось только три офицера ген. штаба. Рѣчь идетъ о подп. Рытиковѣ. Онъ, въ числѣ пяти лицъ былъ въ комиссіи по разра-

Волей старшаго начальника были назначены начальствующія лица.

Отброшено было въ сторону выборное начало. Слово «приказываю»—вошло въ обиходъ военной жизни. Привились мѣры наказанія. Стали слышны слова «ваше благородіе» и пр. термины военнаго лексикона.

Казачій станъ уже къ вечеру третьяго дня оживился.

Офицеры и казаки искренно стремились забыть, навсегда прошедшій, тяжелый годъ революціи—годъ разврата и развала арміи.

Все это сопутствовалось и боевыми успѣхами. Назойливый и дерзкій врагъ съ перваго-же дня, т. е. съ 5-го апрѣля, не давалъ покоя измученнымъ казакамъ и главнымъ образомъ Кривянцамъ. Онъ побаивался выходить въ открытое поле, и предпочиталъ налетами безпокоить Кривянскую станицу, находящуюся подъ артиллерійскимъ огнемъ батарей противника ближняго боя, маскированно установленныхъ въ городѣ. Противникъ не ожидалъ, что казаки будутъ держать въ авангардѣ, видвинутомъ на 12 верстъ отъ позиціи, батарею—и жестоко за это поплатился.

8-го числа Титовскій полкъ, зарвавшійся въ Кривянку, углубился въ наше расположеніе и потерпѣлъ

боткѣ военной частью комиссаріата плана защиты Новочеркасска отъ казаковъ. Актъ съ его подписью былъ на лицо. Были и несомнѣнныя доказательства его невиновности. Несмотря на то, что подп. Рытиковъ оказался начальн. шт. корпуса Войска, В. Стар. Фетисова, при взятіи Новочеркасска 1 апрѣля—и, такимъ, образомъ, доказалъ свою вѣрность Войску, однако, начальникъ штаба Донск. арміи, признавая, что для новаго дѣла нужны лица съ совершенно незапятнанными именами, и соблюдая правило, что лучше «казнить десять невинныхъ, нежели помиловать одного виноватаго», удалилъ отъ дѣлъ и службы этого офицера.

жестокое пораженіе, потерявши около сотни человѣкъ, а главное,—своего любимаго и вліятельнаго командира [1].

Казаки торжествовали.

Торжественно большевики хоронили въ красномъ гробу, на глазахъ жителей Донской столицы эту жертву казачьяго оружія.

Присмирѣлъ врагъ на нѣкоторое время. Отдохнули и кривянцы. Укрѣпилась позиція казаковъ [2].

Вмѣстѣ съ тѣмъ противникъ, усмотрѣвъ быструю перемѣну въ дѣятельности казаковъ, сталъ отводить и пѣхотныя цѣпи свои (позицію) дальше отъ насъ, ближе къ городу, а на ихъ плечахъ и казаки продвигались впередъ, не теряя съ ними боевую связь.

Врагъ попробовалъ воевать языкомъ и 9-го снаряжаетъ агитаціонный поѣздъ на автомобиляхъ.

По оплошности казаки пропустили главу делегаціи черезъ позицію и доставили а по начальству. Разговоръ былъ коротокъ. «Безчестному» Дон-

---

[1] Съ нашей стороны боевой казачьей цѣпью управлялъ молодой генералъ, произведенный еще въ этотъ чинъ до революціи, Е. И. Балабинъ, гвардейской службы, на войнѣ командовалъ 12 Донск. каз. полк. и окончилъ кампанію бригаднымъ командиромъ — спокойный, опытный въ ратномъ дѣлѣ. Начало гражданской войны на Дону (декабрь 1917 г. и январь 1918 г.) застаетъ его въ должности начальника Макѣевскаго раіона, гдѣ онъ съ честью выдержалъ трудный экзаменъ – и, съ разлагающимися уже казаками, смогъ оградить Родную Землю отъ преждевременныхъ потрясеній.

[2] Укрѣпленіе позиціи и вообше всякаго рода движенія въ казачьемъ лагерѣ могли производиться лишь ночью, ибо все было— какъ на тарелкѣ, подъ хорошимъ наблюденіемъ со стороны противника при полномъ отсутствіи мѣстной маскировки. Только казачье солнце—«луна» какъ и встарь была неизмѣнной помощницей казаку въ его трудной боевой жизни.

скому казаку, измѣннику, служителю сатаны — собачья смерть» — говорили казаки.

Выспросивъ у этого Іуды, казака Лагутина (фельдшера), кое-что, завѣдующій политическимъ дѣломъ, преданный долгу службы генералъ[1], поступилъ по закону, не пытаясь въ своей, хотя и доброй, но стойкой душѣ искать ему оправданія. Лагутина командующій арміей приказалъ повѣсить. И какое могло быть оправданіе или милосердіе такимъ казакамъ!.. Живо встаетъ передъ глазами ужасная бытовая картина, но обыкновенная картина войны, — это когда у приказной избы, у станичнаго дома Заплавской станицы, казачки, своими руками, недопуская своихъ мужей, расправляются съ плѣнными, доставленными съ позиціи, терзаютъ и разрываютъ ихъ живьемъ на части.

Сопротивленіе этому и противодѣйствіе со стороны власти были бы совершенно излишними и даже вредными.

Приходилось за предѣлами станицы производить обычные допросы, ибо въ станицѣ плѣнному красноармейцу, а тѣмъ болѣе казаку, пощады отъ самосуда уже не было.

Случай съ Лагутинымъ озлобилъ нашего противника и онъ рѣшилъ въ великій праздникъ пролетаріата, 18 апрѣля (1 мая по нов. ст.), нанести Заплавскому гнѣзду сокрушающій ударъ, отомстивъ достейно и за «Титовскаго командира» и за Лагутина.

Между тѣмъ Заплавское сидѣніе начинало надоѣдать нѣкоторымъ казакамъ.

Имъ не нравилось видимое превосходство въ силахъ и въ средствахъ борьбы противника, и простая, житейская логика стала убѣждать малодушныхъ въ безполезности защиты.

[1] Генералъ М. Н. Смирновъ.

Въ это время про Добровольческую Армію доходили только печальные слухи: Ген. Корниловъ якобы уже убитъ, а остатки арміи сдались на Кубани.

Мрачные слухи пока неслись и о Походномъ Атаманѣ: говорили, что весь его отрядъ распылился, а самъ Атаманъ плѣненъ. Отчасти къ подобнаго рода слухамъ были и основанія.

Дѣло въ томъ, что 6 и 7 апрѣля въ Заплавы стали прибывать офицеры изъ отряда Атамана Попова, опредѣленно утверждая, что они вынуждены были распыляться и даже по приказу Атамана (сотникъ Страховъ и его братъ). Прибылъ въ Заплавскую станицу и именующій себя полковникомъ Чернушенко, оказавшійся мелкаго чина офицеръ, глупый и пустой типъ украинскаго агитатора-самостійника. Чернушенко былъ арестованъ, несмотря на вороха оградительныхъ грамотъ и даже удостовѣреній штаба Походнаго Атамана.

Освобожденъ онъ былъ только по прибытіи Походнаго Атамана и его распоряженіемъ. Оказалось, что онъ дѣйствительно участникъ Степного Похода. Цѣлый мѣсяцъ онъ былъ въ особой милости у начальства, имѣлъ достаточный удѣльный вѣсъ и даже настолько, что за неласковыя къ нему отношенія офицеры жестоко поплатились (напр. подъесаулъ Каклюгинъ былъ арестованъ и то лишь изъ милости, какъ ему заявило начальство, вмѣсто разстрѣла).

Такимъ образомъ, въ сознаніи многихъ казаковъ, слагается рядъ новыхъ доказательствъ и доводовъ, о безцѣльности дальнѣйшей борьбы, о нашемъ еще долгомъ и печальномъ одиночествѣ. Замутились души казачьи, а въ особенности, когда Богаевцы и Мелиховцы, т. е. казаки тыловыхъ станицъ, отказались по-

могать хлѣбомъ, а затѣмъ отказались выполнить и боевой приказъ.

Съ упрекомъ и укоромъ приходили къ начальству казаки и заявляли, что—«ждать больше некого и нечего, пора расходиться по квартирамъ, а начальство—отправить въ Александровскъ-Грушевскій для заключенія мира и какъ выкупъ казачьей свободы».

Темная, темная, непробудная ночь стала спускаться опять на казачій станъ, какъ вдругъ вѣсти снова подняли духъ: Задонье прислало за патронами и завѣряло, что казачья сила тамъ все растетъ и поднимается (раіонъ станицъ Егорлыцкой, Мечетинской, Кагальницкой).

Долетѣли туманныя, сбивчивыя, отрывочныя, свѣдѣнія о томъ, что какія-то войска, а сколько неизвѣстно, идутъ съ Украйны и приближаются къ Ростову [1].

Докатились загадочныя вѣсти и о томъ, что изъ Луганскаго раіона какія-то войсковыя части продвинулись уже въ Каменскій раіонъ и двигаются далѣе на востокъ, вмѣстѣ съ казаками Луганцами и Гундоровцами [1].

Наконецъ 9-го получены были достовѣрныя свѣдѣнія, что Походный Атаманъ живъ, отрядъ его цѣлъ и подошелъ къ Дону, въ районѣ ст. Нижне-Курмоярской, грузится на пароходы и слѣдуетъ внизъ по Дону, въ расчетѣ прибыть: 9-го къ вечеру въ Константиновскую станицу, а 10-го въ Раздорскую.

Одновременно прибылъ въ Заплавы офицерскій разъѣздъ, въ составѣ котораго былъ донской есаулъ Чебатаревъ, и сообщилъ, что Добровольческая Армія приближается къ границамъ Дона. Отъ нихъ узнали,

[1] Это были нѣмцы и русская бригада полк. Дроздовскаго.

[1] Это тоже оказались нѣмцы и казаки.

что ген. Корниловъ дѣйствительно убитъ, но что армія жива и имѣетъ достойныхъ руководителей.

Конечно всѣ эти свѣдѣнія, а въ особенности послѣднія два—о подходѣ Походнаго Атамана и Добровольческой Арміи, внесли полное успокоеніе и надежду на недалекое, свѣтлое будущее.

Казакъ сталъ веселѣе. Начальство получило въ свои руки своего рода «доппингъ» для казака, и теперь лишь надо было умѣло и умно использовать приподнявшееся настроеніе.

О позорномъ плѣненіи и о выдачи начальства рѣчи уже быть не могло. Смерть-же въ бою казака не пугала.

Кстати сказать, къ этому времени и организація Донской Арміи была закончена и порядокъ службы, смѣна на позиціи, тылъ, связь—все было правильно и опредѣленно налажено. Численность Арміи доходила до 6 тысячъ бойцовъ[1].

Нехватало все-таки патроновъ, снарядовъ, техническихъ средствъ, а главное лошадей. Отсутствіе ло-

[1] Къ этому времени Донская Армія имѣла: пѣхоты 5220 ч. (Новочеркасскій п.—700, Кривянскій п.—1000, Заплавскій п.—900, Бессергеневскій п.—800, Богаевскій п.—900, Мелиховскій п.—500, Раздорскій п.—200, 6 пласт. батальонъ, изъ казаковъ ранѣе въ немъ служившихъ—160. Сводныя сотни Аксайской, Ольгинск. и Грушевск. ст. 60; Конницы—1100 (7 Дон. Каз. полкъ—700 ч., Сводный п.—400 ч.); артиллеріи—6 орудій (исправныхъ только четыре, запряжки всего на два орудія); Пулеметовъ - 30 (распредѣлены по полкамъ не равномѣрно, ибо это были боевыя трофеи). Изъ техническихъ средствъ: два легковыхъ автомобиля, одинъ неисправной грузовой, четыре велосипеда, три версты провода телефоннаго, шесть никуда негодныхъ телеф. аппаратовъ и два телеграфныхъ. Патроновъ—три на каждую винтовку. Артиллер. снар.—по 5 снарядовъ на орудіе.

шадей вынуждало иногда на рукахъ подавать орудія и передвигать ихъ вручную на лямкахъ.

Но все же было чѣмъ, и можно было, блеснуть передъ Походнымъ Атаманомъ: была сила, была дисциплина, были уже побѣды и все это порождало настроеніе, а въ связи съ послѣдними вѣстями,—и укрѣпляло таковое.

Надо было одергивать лишь казаковъ, чтобы не засыпали они, какъ это всегда бываетъ тогда, когда все обстоитъ благополучно. Такова—русская, въ особенности казачья, натура.

Глава VIII.

Заплавское сидѣніе,—Возвращеніе Походнаго Атамана.

Не та обстановка оказалась въ отрядѣ Походнаго Атамана, какую надѣялись видѣть казаки,—и передъ Заплавами ему блеснуть особенно было не чѣмъ, кромѣ, какъ говорили казаки:—«формой, да золотомъ[1].

Его отрядъ, какъ потомъ выяснилось, уменьшился незначительно, но онъ былъ бѣденъ средствами войны. Повозокъ пустыхъ, зарядныхъ ящиковъ было много, да и старыхъ ветерановъ было больше, чѣмъ хотѣлось.

Между тѣмъ казаки всѣ надежды и упованія возлагали на Походнаго Атамана.

— «Онъ»,—говорили казаки, подойдетъ и дастъ намъ пушки, снаряды, патроны и даже золото.

— «Силы наши умножатся, духъ нашъ утвердится»—мечтали вслухъ казаки.

10-го апрѣля, навстрѣчу проближающемуся По-

[1] Самъ Походный Атаманъ и всѣ офицеры были въ погонахъ, а партизаны и казаки въ установленной, прежняго образца, формѣ; казаки считали, что весь золотой запасъ Новочеркасскаго казначейства вывезенъ Походнымъ Атаманомъ 12 февраля.

ходному Атаману [1] была отправлена депутація [2], состоящая изъ Предсѣдателя и одного члена Вр. Правительства [3] и представителя штаба, для привѣтствія и для доклада политической и военной обстановки.

Сухо, съ нескрываемой усмѣшкой, встрѣтила эту делегацію, прибывшая въ ст. Константиновскую, новая власть.

Выслушавъ и хорошія вѣсти, надежды и чаянія казаковъ и прегрѣшенія отдѣльныхъ лицъ, частей и станицъ за эти дни тяжелаго Заплавскаго сидѣнія, когда казаки были «одиноки», Походный Атаманъ видимо былъ разочарованъ неустойчивостью положенія «на мѣстахъ».

---

[1] Походнымъ Атаманомъ состоялъ ген. шт. ген.-маіоръ П. Х. Поповъ, донской казакъ. По окончаніи Новочеркасскаго каз. училища, службу началъ въ 8 Донск. каз. полку. По окончаніи Академіи Ген. Шт. и отбытія установленнаго ценза былъ переведенъ въ Генеральный Штабъ.

Состоя офицеромъ Генеральнаго Штаба и служа въ Штабѣ Московскаго Военнаго Округа, занимался педагогической дѣятельностью (читалъ лекціи по военнымъ наукамъ въ военномъ училищѣ). Въ чинѣ полковника получилъ Новочеркасское казачье военное училище, въ каковой должности и оставался въ продолжение всей войны и до начала гражданской борьбы. Строевыми частями ни въ мирное время, ни на войнѣ—не командовалъ. 4 февраля занялъ должность Походнаго Атамана, т. е. тогда, когда уже не существовало вооруженной силы на Дону.

[2] Депутація состояла изъ есаула Г. П. Янова (предсѣдатель Временнаго Правительства), Горчукова (чл. пр.) и генер. шт. подп. И. А. Полякова (и. д. нач. оперативной части штаба, впослѣдствіи нач. шт. Южной группы Донской арміи, а затѣмъ нач. штаба Донскихъ армій и Всевеликаго Войска Донского).

[3] Правительство временъ Заплавскаго сидѣнія состояло изъ лицъ, причастныхъ къ правящимъ сферамъ и кругамъ при Калединѣ и пополнялось делегатами отъ строевыхъ частей вновь созданной Донской арміи.

Военный докладъ, умѣло сдѣланный талантливымъ офицеромъ Ген. Штаба, произвелъ должное впечатлѣніе, но сокровенныя мысли Атамана разгадать было невозможно. Можно было догадываться, что послѣдуютъ перемены вообще, а главнымъ образомъ въ отношеніи Правительства и главы военной власти.

Не веселый прибылъ обратно военный членъ делигаціи. Его военному, проникновенному взгляду многое не понравилось, и видѣнное имъ не предвѣщало прочнаго пораженія.

12-го числа, Командующій Донской Арміей и начальникъ штаба, отдавъ должныя распоряженія на мѣстѣ, назначивъ старшаго войскового начальника, организовавъ штабъ группы [1], отбыли въ Ставку Походнаго, въ ст. Раздорскую, для полученія послѣднихъ и окончательныхъ распоряженій и для доклада полной обстановки къ послѣднему часу.

Штабъ Походнаго Атамана находился на пароходѣ, почему съ того времени и вошло въ донской словарь выраженіе «Пароходный Атаманъ» вмѣсто «Походный».

Непривѣтливый былъ оказанъ пріемъ тому начальству, которое сдѣлало все возможное, даже больше—поборолo все невозможное и въ полномъ одиночествѣ, въ обстановкѣ кошмарной вела, войну съ совѣтской властью въ раіонѣ низовыхъ станицъ Войска Донского, терпѣливо ожидая откуда-либо помощи и подхода подкрѣпленій.

Затѣмъ послѣдовала аудіенція Походнаго Атама-

---

[1] Начальникомъ отряда былъ назначенъ генералъ Балабинъ, начальникомъ штаба — ген. шт. подп. Поляковъ, уже извѣстные читателю.

на съ начальникомъ штаба Донской Арміи, зародившейся въ Заплавахъ.

«Я долженъ Васъ назначить на должность Командующаго Южной группой, куда Вамъ и надо ѣхать» —сказалъ Походной Атаманъ.

Слово «долженъ» какъ-бы дало право начальнику штаба быть болѣе откровеннымъ и онъ призналъ нужнымъ доложить:

— «Хотя я и являюсь старѣйшимъ послѣ Васъ, офицеромъ генеральнаго штаба изъ числа донскихъ казаковъ,—однако никакихъ претензій по праву старшинства не имѣю и если-бы Вамъ нужны были офицеры ген. штаба для спеціальной работы, а я знаю, что это именно такъ, я къ Вашимъ услугамъ на какую угодно роль и должность»—сказалъ начальникъ штаба.

Затѣмъ начальникъ штаба доложилъ всю тяжелую обстановку, ту организацію власти, которая осталась въ Заплавахъ, далъ аттестацію начальствующимъ лицамъ по праву и достоинству, занявшихъ мѣста тамъ отвѣтственныхъ руководителей и пр...

— «Я все это знаю и вѣрю, но все-же мое рѣшеніе неизмѣнно»—былъ отвѣтъ Походнаго Атамана.

Затѣмъ въ каюту вошелъ В. Ст. Семилѣтовъ (назначенный Командующимъ другой группой—Сѣверной), съ которымъ впервые познакомился начальникъ штаба.

Изъ разговора втеченіе 3 –5 минутъ можно было вынести ясное и опредѣленное заключеніе, что ставка Походнаго Атамана и старшіе войсковые начальники, съ нимъ прибывшіе, не то ожидали найти по возвращеніи на берега Дона [1].

[1] Что именно желали они найти и какія у нихъ были къ этому основанія, сообщено не было. Ясно было, что дальнѣйшіе разговоры становились излишними.

Чтобы кончить дѣловой визитъ, вновь назначенному Командующему Южной группой надлежало зайти къ Начальнику штаба Походнаго Атамана, каковымъ былъ ген. штаба полковникъ Сидоринъ.

Почти сверстники по академіи съ Командующимъ Южной группы, сослуживцы по войнѣ въ рядахъ четвертой арміи Юго-западнаго фронта, эти два лица не видались уже болѣе трехъ лѣтъ.

Вся карьера полк. Сидорина въ дни великой революціи, его участіе въ офицерскихъ организаціяхъ фронта и Петрограда[1], равно какъ и блестящая политическая карьера ген.-шт. полк. Гущина, оказавшагося нынѣ на отвѣтственной должности въ штабѣ Походнаго Атамана, бывшаго въ 1917 г. Предсѣдателемъ Петроградскаго офицерскаго союза и рыдавшаго на плечѣ Керенскаго[2], — достаточно извѣстны. Послѣ войны полк. Сидоринъ[3] — на Дону и начальни-

[1] Записки Винберга - «Въ плѣну у обезьянъ».

[2] Снимки этого историческаго факта имѣются въ иллюстрированныхъ журналахъ того времени.

[3] Полк. ген. шт. Н. И. Сидоринъ, донской казакъ, воспитанникъ Донского Кадетскаго Корпуса и Николаевск. Инженерн. Училища, до Академіи служилъ въ жел. дор. частяхъ въ Сибири. Послѣ Академіи отбывалъ цензъ ротнаго командира въ пѣхотѣ. На войну выступилъ капитаномъ ген. штаба въ штабѣ 3 кавк. корпуса, (командиромъ котораго былъ почтенный и извѣстный герой войны генералъ Ирманъ). Въ свое время былъ начальникомъ штаба пѣхотной дивизіи и въ таковой должности закончилъ войну. Послѣ войны—на Дону, при Атаманѣ Калединѣ, былъ въ штабѣ Походнаго Атаманъ и въ должности нач. штаба выступилъ въ «Степной походъ».

Полк. ген. шт. А. Ѳ. Гущинъ, донской казакъ. Воспитанникъ Донск. Кадетск. Корпуса, Михайловск. Арт. Училища и Академіи ген. штаба, которую окончилъ блестяще. До Академіи служилъ въ рядахъ донской каз. артиллеріи. Послѣ Академіи командовалъ на цензъ въ 1 Уральскомъ казачьемъ полку и въ 12

комъ Штаба Походнаго Атамана въ «Степномъ Походѣ», а полк. Гущинъ—на Дону, и въ станицѣ Константиновской открываетъ кабинетъ «гадалки» и во образѣ переодѣтой женщины дѣлаетъ тоже какое-то дѣло, только, во всякомъ случаѣ, не то почтенное дѣло, какимъ, какъ выше было сказано, занимались офицеры, любящіе Донъ и Россію, а тѣмъ болѣе съ академическимъ образованіемъ.

Несмотря на пріятельскія отношенія эти три лица встрѣтились сдержанно и лишь обращеніе на «ты»—свидѣтельствовало о близкихъ когда-то между ними отношеніяхъ.

— «Я ничего не могу тебѣ добавить къ тому, что тебѣ хорошо извѣстно, какъ начавшему «дѣло и борьбу въ низовьяхъ Дона» — закончилъ Начальникъ Штаба Походнаго Атамана свою бесѣду съ Командующимъ Южной группой.

Тяжелое впечатлѣніе, вынесенное при встрѣчѣ съ полк. Гущинымъ, не могло быть скрыто и самъ Командующій Южной группой доложилъ Походному Атаману свои основательныя огорченія.

— «Что же будешь дѣлать» — сказалъ Атаманъ, если нѣтъ людей! Вотъ и въ Сѣверную группу надо начальника штаба и Вы должны мнѣ прислать офицера ген. штаба изъ Вашей группы»—сказалъ Поход-Атаманъ [1]. Кромѣ того добавилъ:

Донск. каз. полку. На войну вышелъ капитаномъ ген. штаба въ штабѣ Гвардейскаго корпуса. Въ свое время былъ начальникомъ штаба 2 Кубанской каз. див, въ каковой должности и закончилъ. войну. Затѣмъ подвизался на политическомъ поприщѣ въ офицерскихъ организаціяхъ Петрограда. 10 апрѣля присоединился къ Штабу Походнаго Атамана въ ст. Константиновской, гдѣ до этого дня скрывался два мѣсяца.

[1] Изъ Южн. гр. былъ командированъ на эту должность Ген. Шт. подп. Манакинъ.

— «Гущинъ никакой отвѣтственной должности не несетъ, а лишь замѣщаетъ Начальника штаба въ его отсутствіе».

— «Поневолѣ приходится пользоваться способнымъ офицеромъ»—закончилъ непріятный разговоръ Походный Атаманъ.

На другой день (13 го апр.) Походный Атаманъ, въ сопровожденіи полк. Гущина, призналъ необходимымъ поѣхать въ Заплавы и предложилъ вновь назначенному Командующему Южной группой обождать до утра и отправиться вмѣстѣ съ нимъ.

Такимъ образомъ, прибытіе Походнаго Атамана внесло большія перемѣны по внѣшности. Донская власть и Армія была реорганизована. Вся власть полностью, и военная и гражданская, перешла въ руки Походнаго Атамана. Правительство было свободно. Зародившаяся въ Заплавахъ Донская Армія была переименована въ «Южную группу». Прибывшія съ Походнымъ Атаманомъ части составили «Сѣверную группу». Части казаковъ, возставшихъ станицъ Задонья, были объединены и образовали «Задонскую группу». Всѣ три группы составили теперь Донскую Армію, подчиненную Походному Атаману и его Штабу.

Сорганизовавшійся въ Заплавахъ Штабъ Донской Арміи былъ переименованъ въ Штабъ Южной группы и не подвергся сокращеніямъ, въ виду своей малочисленности.

Командующій Донской Арміей, назначенный 4-го апрѣля въ Новочеркасскѣ Правительствомъ, автоматически устранялся. Начальникъ штаба Донской Арміи, тогда же назначенный, былъ теперь назначенъ, не безъ вліянія понудительныхъ причинъ, — Командующимъ южной группой.

Должный почетъ и встрѣча были оказаны сперва въ станицѣ Бессергеневской, а затѣмъ и въ Заплавской войсками Южной гр. своему Походн. Атаману, а нынѣ командующему Донск. Арміей, той Арміей, которая раскинулась уже на сотню верстъ и насчитывала десяти тысячъ бойцовъ, освобождающихъ югъ Донского Войска отъ большевистскаго засилья.

Трогательно и знаменательно было то, что казаки наканунѣ сами приходили и просили у начальства разрѣшенія отвѣтить на привѣтствіе Походнаго Атамана не «господинъ генералъ» и не «господинъ Атаманъ», а «Ваше Превосходительство».

Въ этомъ и была побѣда и заслуга Заплавскаго начальства: казаковъ не принуждали, а создали такую обстановку, что они сами этого пожелали и пожелали крѣпко отъ сердца. Были рѣчи... Говорилъ Атаманъ. Казаки слушали. Многое нравилось, но кой-что было тяжело и обидно слушать казакамъ. Рѣчь шла объ офицерахъ, вновь ставшихъ дорогими для казаковъ. Атаманомъ было ясно подчеркнуто, что всѣ офицеры должны быть подраздѣлены, примѣрно, на три группы, на три категоріи: тѣ, кто выступилъ въ походъ съ Походнымъ Атаманомъ—совершили свой долгъ передъ родиной, кто остался въ Новочеркасскѣ—творятъ передъ краемъ преступленіе и достойны только кары. Среднее положеніе выпало на долю защитниковъ Заплавъ и ушедшихъ, 4-го апрѣля, изъ Новочеркасска съ ген. Поляковымъ.

Точно забылъ Походный Атаманъ, въ какихъ именно условіяхъ, и по чьей винѣ, остались въ Новочеркасскѣ—Войсковой Атаманъ и 2000—3000 честныхъ офицеровъ въ штабахъ, въ офицерскомъ собраніи, въ госпиталяхъ и по квартирамъ. Но если это можно забыть, то какъ-же можетъ забыть Походный Атаманъ

о тѣхъ честныхъ партизанахъ у Персіяновки, 12-го числа отбивающихся отъ большевиковъ и ничего не знающихъ объ уходѣ изъ Новочеркасска Походнаго Атамана, вынужденныхъ съ боемъ проходить свой городъ, а затѣмъ распыляться.

Это всѣ знали и если все-таки положеніе оставшихся не оцѣнено по достоинству, то бросать пятно на нихъ преждевременно, до ихъ исповѣди и до голоса безпристрастной исторіи.

Казаки были обижены за тѣхъ офицеровъ, которыхъ они уже уважали за волю и за умѣніе создать то, что такъ величественно и красиво представилось сегодня Атаману.

Оскорблены были казаки, а въ особенности офицеры, увидавъ въ числѣ приближенныхъ лицъ къ Атаману полк. Гущина. А когда этотъ господинъ, типа Керенскаго, въ странномъ одѣяніи, держалъ порывистую рѣчь и бросалъ свой зимній головной уборъ на землю, въ патетическихъ мѣстахъ своей рѣчи, — казаки невольно вспомнили ненавистный, проклятый, прошедшій «годъ безкровной» революціи, только что уходившій изъ ихъ памяти годъ, когда ораторы на подвижныхъ бочкахъ возвѣщали міру «истины», а вполнѣ «свободной» уже арміи продолжали давать «сверхъ-свободу».

Здѣсь и извѣстный на Дону Семенъ Макаровъ изображалъ изъ себя Минина, хотя сознавалъ, что немного уже опоздалъ.

Рѣчи кончились...

Атаманъ уѣхалъ, но легче ни у кого на душѣ не стало. Всѣ сознавали, что произошла только ломка по внѣшности.

Казаки, такъ долго ждавшіе Походнаго Атамана,

разочаровались въ своихъ ожиданіяхъ. И причинъ къ тому было очень много.

Первой причиной служило то обстоятельство, что, во исполненіе новыхъ плановъ Штаба Походнаго, потребовали изъ состава войскъ Южной группы два полка и два орудія на усиленіе Сѣверной группы, для задуманныхъ операцій противъ Александровскъ-Грушевска.

Это распоряженіе ясно показывало казакамъ, кто сильнѣе: Заплавцы или отрядъ Походнаго Атамана?

Второй причиной было равнодушіе и даже невниманіе, явно проявленное Штабомъ Походнаго, и даже имъ самимъ, къ зародившейся въ Заплавахъ Донской Арміи и неуваженіе къ руководителямъ и защитникамъ, ясно высказанное 13-го апрѣля.

Третьей причиной являлось насмѣшливое, недовѣрчивое отношеніе прибывшей власти къ Вр. Правительству, которое, по свидѣтельству военнаго начальства, съ перваго дня Заплавскаго сидѣнья вело себя достойно и не только не мѣшало дѣлу войны, но помогало борьбѣ съ лютымъ врагомъ, перенося всѣ боевыя невзгоды [1].

Эта обида казаковъ была понятная, ибо у войскъ существовала духовная связь съ Правительствомъ, гдѣ временно пока находились и делегаты отъ частей.

Четвертой причиной служило расхожденіе въ планахъ операціи «Походнаго Штаба» съ планами Командованія Южной группы. Планы послѣдняго были болѣе «любезны» и понятны казакамъ и заключались прежде всего въ отобраніи у большевиковъ столицы Дона. Казаки недоумѣвали, почему штабъ Походнаго Ата-

---

[1] Члены Прав. были даже ранены (Любимовъ).

мана Атамана рѣшилъ атаку Александровскъ-Грушевскаго болѣе важной, нежели захватъ Новочеркасска? Казаки не понимали также, какія данныя давали право думать штабу Походнаго Атамана, что захватъ и разгромъ этого большевистскаго гнѣзда - дѣло для казаковъ легкое?

Казаки стали подозрѣвать, что это есть просто капризы и легкомысліе старшаго штаба. Настроеніе въ Раздорской станицѣ, у пристани коей на пароходѣ продолжалъ находиться Штабъ Походнаго Атамана— позволяло казакамъ думать о желаніи новой власти, рѣзко и преждевременно повернуть къ «генеральскому произволу».

Но долгъ подчиненнаго повелѣвалъ повиноваться. Все было дано и все, какъ требовалъ Штабъ Походнаго Атамана, было выполнено.

Скоро повторные, печальные по жертвамъ, и безрезультатные бои подъ Александровскъ-Грушевскомъ создали высокую стѣну между Южной группой и Штабомъ Походнаго Атамана.

Ропотъ и неудовольствіе стали доноситься до начальства и частямъ дали поводъ къ неповиновенію [1].

А между тѣмъ все это расхлебывать приходилось власти на мѣстахъ.

---

[1] Послѣ одной изъ неудачныхъ атакъ, части изъ состава Южной группы, (Новочеркасскій полкъ) начавши удачный бой подъ Александровскъ-Грушевскомъ, и неподдержанныя, вопреки диспозиціи, войсками Сѣверной группы, прекратили бой и отошли на Заплавы безъ разрѣшенія.

Части Раздорскаго полка дрогнули и отошли на Заплавы, а не въ свой раіонъ —Сѣв. группы, въ составъ коей онъ входилъ. Мелиховцы бросили позицію и нетолько отошли сами, но привели въ свою станицу большевиковъ-фуражировъ.

Командующій южной группой принялъ слѣдующія мѣры 14-го же числа.

1. Настойчиво сталъ просить о присоединеніи къ Южной группѣ всѣхъ ея частей, разновременно откомандированныхъ въ составъ Сѣверной группы для операцій противъ Александровскъ-Грушевскаго, т. к. опредѣленно имѣлись свѣдѣнія о предстоящихъ наступленіяхъ противника противъ Заплавъ.

2. Возобновилъ ходатайство, чтобы Южную группу не ослабляли болѣе въ техническихъ и боевыхъ средствахъ.

3. Салъ настаивать на переѣздѣ штаба Походнаго Атамана въ станацу Бессергеневскую, такъ сказать въ голову своей арміи, дабы этимъ актомъ обласкать Южную группу и совмѣстно обсудить обстановку авангарда арміи, каковымъ по существу была—группа въ Заплавахъ.

4. Просилъ, если п. 3 почему либо не осуществимъ, то во всякомъ случаѣ—оставить «пароходъ» какъ квартиру штаба, ибо у казаковъ укрѣпилась опредѣленная, нехорошая мысль, что это не спроста Походный Атаманъ «стоитъ на парахъ» и плавучій штабъ оставитъ насъ въ тяжелыя минуты боевой обстановки. [1]

— «Зачѣмъ тогда онъ приходилъ къ намъ и мутилъ наши души»,--говорили казаки.

5. Убѣдительно доказывалъ о необходимости занять гарнизономъ станицу Мелиховскую, политически неблагонадежную, находящуюся между группами армій и на единственномъ колесномъ и водномъ путяхъ между районами обороны. По сему вопросу Командующій группой доложилъ, что онъ имѣетъ возможность

---

[1] Это имѣло основаніе, ибо мѣры къ такому отплытію принимались и не одинъ разъ.

назначить лишь начальника гарнизона, но войскъ у него нѣтъ, ибо все занято напряженной службой на позиціи.

И дѣйствительно немедленно начальникомъ гарнизона былъ назначенъ изъ состава частей Южной группы [1], но гарнизона Пох. Ат. не поставили.

6. Отправилъ письмо, приводимое ниже [2].

Невеселые потянулись дни для героевъ Заплавскаго сидѣнія и горькія минуты разочарованія настали и для начальства этихъ защитниковъ.

Начальству приходилось цѣлый день «висѣть на аппаратахъ», разговаривая то съ позиціей, то съ не-

---

[1] Полк. Ѳ. Н. Дубенцевъ.

[2] «М. Г., Петръ Харитоновичъ.—Серьезные дни, переживаемые нынѣ Дономъ, послѣдняя ставка, которую намъ, любящимъ свой край, необходимо выиграть, а такъ же служебное отношеніе Ваше ко мнѣ, заставляютъ меня быть совершенно откровеннымъ и не скрывать передъ Вами то, что меня лично мучитъ.—Неудачи послѣднихъ боевъ подъ Александровскомъ-Грушевскомъ, желаютъ, какъ всегда, видѣть или въ неискусствѣ командованія, или въ предательствѣ лицъ, несущихъ отвѣтственныя должности въ высшихъ штабахъ. Особенно чуткимъ необходимо быть теперь относительно лицъ, находящихся въ штабахъ, дабы за ними не было бы ничего, хоть немного налагающаго на нихъ тѣнь. — До меня уже неоднократно доходили свѣдѣнія крайне неодобрительныя о полковникѣ Гущинѣ; неблагопріятное впечатлѣніе произвелъ онъ такъ же на казаковъ при сопровожденіи Васъ въ поѣздкѣ ко ввѣренной мнѣ группѣ войскъ. — Еще недѣлю назадъ, при представленіи Вамъ въ ст. Раздорской, я Вамъ докладывалъ о полк. Гущинѣ и Вашему начальнику, какъ о лицѣ не могущемъ быть не только въ штабѣ Походнаго Атамана, но даже въ рядахъ Донской арміи.—Теперь же въ силу циркулирующаго неодобрительнаго отзыва казаковъ о дѣятельности полковника Гущина, я, по долгу службы, принужденъ довести объ этомъ вновь до Вашего свѣдѣнія. — Примите увѣреніе въ сов. почт. и пред. Уваж. Васъ и покорный слуга С. Денисовъ. 17 апрѣля 1918 г.».

покорнымъ тыломъ, то съ несговорчивымъ Штабомъ Походнаго Атамана и вести разговоры часами.

По много разъ приходилось докладывать Штабу одно и тоже и приводить доводы, доказательства и добиваться прибытія Походнаго Атамана вновь для ознакомленія на мѣстѣ съ серьезной обстановкой и тревожнымъ настроеніемъ казаковъ.

Командующій группой вынужденъ былъ послать нарочнымъ свой довольно непріятный и невеселый рапортъ, гдѣ все называлъ своими именами и предупреждалъ о могущей имѣть мѣсто катастрофѣ, если не будутъ выполнены немедленно кой-какія просьбы [1]. Не легко было все это дѣлать тому, кого уже опредѣленно въ ставкѣ Походнаго Атамана считали опаснымъ

[1] «Копія.—1918 г. 16/IV. 15 час. 25 мин. No 128. Изъ Заплавской. — Докладываю, что ввѣренная мнѣ группа стала совершенно небоеспособна. Лучшій полкъ: Новочеркасскій, съ тремя сотнями конницы, отвлеченъ для боевыхъ дѣйствій у Ягодина. Богаевскій полкъ самовольно покинудъ раіонъ боевыхъ дѣйствій и направился въ свою станицу. За полнымъ отсутствіемъ свободной вооруженной силы (ввиду того, что отрядъ сегодня ведетъ бой), остановить Богаевскій полкъ отъ побѣга нѣтъ возможнтсти.— Штабъ Богаевской обороны мною извѣщенъ объ этомъ гнустномъ обътоятельствѣ.—Кривянскій полкъ утомленъ безсмѣнной службой въ теченіе трехъ сутокъ. Бессергеневскій и Заплавскій полки въ періодѣ начала разложенія. Конница (оставшаяся) совершенно неспособна по своей трусости къ боевой службѣ. Никакихъ героическихъ мѣръ принять нельзя, такъ какъ надежной войсковой части не имѣю. — Должность моя сводится къ должности комиссара. Докладываю, что въ такомъ состояніи отрядъ неспособенъ защитить даже собственныя хаты. Недовѣріе къ начальству всѣхъ степеней вновь на лицо. Картина вполнѣ безотрадная и требуются новыя части, которыя и могли бы послужить примѣромъ повиновенія и долга. 123.—Подписалъ: Командующій южной группой полковникъ Денисовъ. — Вѣрно: за начальника штаба есаулъ Алексѣевъ».

соперникомъ для нѣкоторыхъ и по праву старшинства и по инымъ причинамъ.

Разговаривать со штабомъ приходилось по жидкому, мирнаго времени, проводу со многими отвѣтвленіями и перехватываемому по пути цѣлой сѣтью аппаратовъ въ неизвѣстныхъ мѣстахъ своей установки.

А между тѣмъ предстояли весьма важные и щепетильные ръзговоры, свидѣтелями которыхъ не могли быть даже люди особо довѣренные.

Пришлось обслѣдовать проводъ, принять мѣры къ полной изоляціи и надежной охранѣ его и только тогда можно было разговаривать не боясь опасныхъ и вредныхъ свидѣтелей—шпіоновъ совѣтской власти, широкой волной наводнившихъ этотъ раіонъ.

Тѣмъ временемъ повторныя неудачи на фронтѣ Сѣверной группы у Александровскъ-Грушевскаго нервили Штабъ Походнаго Атамана и конечно онъ не желалъ оставлять парохода и переходить на сушу, а тѣмъ болѣе переѣзжать въ районъ Заплавъ.

Пароходъ держали дѣйствительно подъ парами и эта нервозность передавалась сперва шутя, а затѣмъ и серьезно въ войска и даже въ далекій авангардъ арміи—въ Заплавы.

Когда же 16-го числа Мелиховцы—измѣнники предали свою станицу большевикамъ, то опредѣленно и утвердительно были отданы распоряженія о подготовкѣ парохода, на которомъ жилъ Штабъ Походнаго Атамана, къ перемѣщенію и лишь только непорядки въ ст. Семикаракорской, что сѣвернѣе ст. Раздорской, и въ непосредственномъ тылу, доказали безполезность этой затѣи, ибо все равно единственный путь пароходу былъ бунтовщиками прегражденъ. Всѣ чины штаба, живущіе на сушѣ уложили свои чемоданы и перебрались въ каюты парохода.

Для усмиренія непокорныхъ станицъ въ тылу Штаба Походнаго Атамана были снаряжены карательныя экспедиціи. Нужны были крѣпкіе люди и опять призвали извѣстнаго читателю генерала[1], который безропотно, толково, быстро и умѣло усмирялъ непокорныхъ, не проявляя излишней, ненужной жестокости и сберегая казачью кровь.

Мелиховская станица была 16-го числа занята большевиками не съ боя, а при любезномъ содѣйствіи измѣнниковъ-казаковъ, которые бросили фронтъ и привели съ собой, въ знакъ полной покорности и дружбы, отрядъ большевиковъ въ 100 человѣкъ за провіантомъ и фуражемъ. Тамъ не было гарнизона и возможность захвата большевиками станицы обратилась теперь въ печальный фактъ. Карательный отрядъ изъ Заплавской группы настигъ хвостъ большевистскаго обоза, уходящаго изъ станицы Мелиховской къ себѣ въ Ал.-Грушевскъ, отбилъ часть повозокъ съ добычей, которыя вмѣстѣ съ двѣнадцатью казаками-хлѣбосолами, Мелиховцами, были 17-го доставлены въ Заплавы.

Въ эти дни на фронтѣ Южной группы было временное затишье.

Начальство отгадывало планъ совѣтскихъ главковерховъ...

Большевики, зная что Заплавская группа (Южная) продолжаетъ еще быть ослабленной на одну треть своего состава, за выдѣленіемъ частей въ Сѣверную группу, готовятъ свой ударъ на 18-е апрѣля (1 мая н. ст.).

Усиливъ бдительность и службу на позиціи, Юж-

---

[1] Генералъ М. Н. Смирновъ.

ная группа ждала дерзкаго противника, именно въ этотъ день, 18 апр. (1 мая н. ст.).

И дѣйствительно, съ ранняго утра обнаружено было шевеленіе на окраинахъ города Новочеркасска и въ Хотункѣ (предместье города).

Скоро показались два легковыхъ автомобиля, — то—самъ Главковерхъ, Донской измѣнникъ—Антоновъ театрально продѣлывалъ всѣ пріемы развѣдчика и рекогносцера.

Къ восьми часамъ было ясно уже продвиженіе цѣпей противника съ фронта и обходная колонна (пѣхота съ 2-мя батареями), въ обходъ нашего праваго фланга.

Эта колонна заняла на буграхъ фланговую позицію и стала громить наши цѣпи и глубокій тылъ, содѣйствуя продвиженію съ фронта своимъ жидкимъ пѣхотнымъ цѣпямъ. Скоро на фронтѣ показались четыре непріятельскихъ автомобиля, грузового типа, замаскированныхъ подъ броню, обогнавшихъ свою залегшую пѣхоту.

Казаки замялись отъ появленія этихъ машинъ и принявши ихъ за броневики стали подаваться назадъ, отстрѣливаясь на очередныхъ остановкахъ. Автомобили врѣзались въ нашу авангардную цѣпь и открыли безрезультатный огонь по жидкой казачьей цѣпи.

Бой принялъ безпорядочный и затяжной характеръ.

Автомобили удалились подъ ружейнымъ огнемъ казаковъ и ясное наблюденіе убѣдило руководителя боемъ [1] въ томъ, что ударъ противникомъ будетъ вновь повторенъ.

---

[1] Боемъ съ ранняго утра руководилъ самъ командующій южной группой, оставаясь все время на позиціи.

Ободривъ части, приведя въ порядокъ замѣшавшихся казаковъ, установивъ на новыхъ, болѣе близкихъ позиціяхъ артиллерію, старшій начальникъ рѣшилъ выждать удобныя и выгодныя цѣли.

Огонь въ цѣпи продолжался. Это была перестрѣлка между залегшими цѣпями, терпѣливо ожидающихъ знака, сигнала или повода для движенія впередъ.

Къ 4 часамъ дня обозначилось движеніе со стороны противника, главнымъ образомъ противъ нашего праваго фланга. Подготовленныя уже части для конной атаки зарвавшихся, противъ нашего праваго фланга частей противника, получили окончательную, опредѣленную задачу и перекрестившись, двинулись выполнять ее.

Полчаса томительнаго ожиданія вознаграждены были полнымъ успѣхомъ...

Къ 5 час. веч. на большомъ пространствѣ боевого поля были уже полными хозяевами казаки.

Потянулись нескончаемыя трофеи.

Конная атака сводной сотни, подъ командой подъесаула Сафронова, почти безъ потерь, вырвала бой и побѣду изъ рукъ противника.

Трофеи наши были: восемь исправныхъ съ запряжками орудій и до 5.000 снарядовъ, около 200.000 патроновъ, болѣе 50 лошадей (главнымъ образомъ артиллерійскихъ), четыре автомобиля.

Быстро откатилась пѣхота противника, неожидавшая такого быстраго поворота боя. Артиллерія не успѣла взяться въ передки, а ничтожное число всадниковъ поторопились, какъ это всегда бываетъ, удрать подъ предлогомъ «везти донесенія». Казаки преслѣдовали до самой желѣзной дороги и съ темнотой

отошли на свои новыя позиціи, еще болѣе выдвинутыя впередъ.

Пополнивъ свои запасы, подкрѣпивъ Сѣверную группу и отпустивъ въ Задонскую группу патроны и снаряды, казаки Южной группы весело глядѣли на Божій свѣтъ и гордились тѣмъ, что своими, и только своими, подвигами обогатили они Донскую армію столь необходимыми средствами вооруженной борьбы.

Свершались радости, были и печали. Помимо ст. Мелиховской и Богаевской, о которыхъ было сказано въ своемъ мѣстѣ, еще и другія станицы начинали шалить и проявлять явное неповиновеніе. Настойчивость начальства вызывали вспышки и Походному Атаману приходилось посылать отряды для усмиренія и даже снаряжать повторныя карательныя экспедиціи.

Такъ, съ 14 по 22 включительно разъѣзжалъ вооруженный пароходъ по непокорнымъ станицамъ: 18 и 19 въ Семикаракорской, т. е. въ непосредственной близости Штаба Походнаго Атамана, въ тылу у него.

Нѣсколько раньше приходилось разоружать пришедшія дружины Кочетовской станицы. 21—усмирять Мелиховскую, 22—Богаевскую [1].

---

[1] Эту тяжелую обязанность выполнялъ все тотъ же генералъ Смирновъ и весьма успѣшно.

Глава IX.

Желанное свершилось[1].

Теперь казаки рвались, и не безъ причинъ, въ свою столицу.

Начальство Южной группы разработало, еще 10-го апрѣля, подробный планъ атаки гор. Новочеркасска и нынѣ признавало возможнымъ настаивать передъ Походнымъ Атаманомъ на его выполненіи.

Раньше можно было только мечтать объ этомъ, ибо осуществить это рѣшеніе было не подъ силу. Убѣдительнымъ доказательствомъ служили печальные и памятные дни 1—4 апрѣля.

Теперь-же обстановка складывалась много лучше и убѣждала Командующаго Южной группой въ необходимости торопиться съ исполненіемъ этого плана, чтобы использовать настроеніе казаковъ и закончить, наконецъ, скучное «Заплавское сидѣніе».

Вотъ какова обстановка была въ эти дни:

1. были свѣдѣнія о томъ, что, подъ давленіемъ какой-то живой силы, большевики изъ Александровскъ-Грушевскаго раіона бросились на югъ и непрерывными эшелонами перебрасываются спѣшно въ южномъ направленіи, не высаживаясь, и даже не задерживаясь, въ Ростовѣ;

---

[1] См. сх. № 1—8.

2. порой былъ слышенъ несмолкаемый гулъ далекой орудiйной стрѣльбы въ направленiи ж. д: ст. Лихая—станица Каменская;

3. наша развѣдка опредѣленно установила непрерывное, въ южномъ направленiи, передвиженiе по ночамъ жел. дор. воинскихъ эшелоновъ противника, и слѣдованiе днемъ подвижныхъ составовъ, порожнихъ вагоновъ, обратно на сѣверъ;

4. все упорнѣе и упорнѣе распускался слухъ о томъ, что гор. Таганрогъ занятъ уже какими-то войсками—не большевистскими, и что эти войска наступаютъ на г. Ростовъ;

5. опредѣленно стало извѣстно, что Добровольческая Армiя уже вошла въ предѣлы Донской Земли и разъѣздами своими уже связалась съ казаками Задонскихъ станицъ (Егорлыцкой, Мечетинской, Кагальницкой);

6. доносились свѣдѣнiя о разростающихся возстанiяхъ казаковъ 1-го Донского Округа, въ раiонѣ ж. дороги, и объ окрѣпнувшемъ уже положенiи, поднявшихся съ оружiемъ, казаковъ 2 Донского Округа, подъ руководствомъ полковника Мамонтова [1];

7. докатились извѣстiя и о начавшихся возстанiяхъ казаковъ и учащейся молодежи въ сѣверныхъ округахъ Войска (Верхне-Донскомъ и Усть-Медвѣдицкомъ);

8, развѣдчики и лазутчики опредѣлили, что въ Новочеркасскѣ, уже послѣ казачьей побѣды 18 апрѣля, отъѣздъ комиссаровъ и главарей, начавшiйся еще до этого дня, принялъ теперь опредѣленно характеръ поголовнаго и спѣшнаго бѣгства, съ награбленнымъ казачьимъ добромъ;

---

[1] Извѣстнаго впослѣдствiи генерала.

9. офицеры-развѣдчики вывѣдали, что и ростовскіе комиссары укладываютъ чемоданы «сматываютъ удочки» и удираютъ на югъ — на Батайскъ, Кущевку и далѣе на Кавказъ, либо—на Торговую и Царицынъ.

Обстановка была сложная, но понятная.

Вполнѣ было ясно, что нѣмцы и возставшіе казаки Донецкаго Округа захватили Каменскій раіонъ и ж. д. узлы Лихая—Звѣрево.

Разрѣзавши, такимъ образомъ большевиковъ, нажимая на нихъ и не давая имъ возможности удрать на сѣверъ[1], они тѣмъ самымъ заставили ихъ искать выхода на югъ, въ сторону пока наименьшаго сопротивленія—къ Ростову.

Этотъ пунктъ большевики желали проскочить до подхода туда нѣмцевъ, двигающихся твердымъ шагомъ изъ Таганрога.

Заметалась красная гвардія...

Это чувствовалось по безконечнымъ гудкамъ, свисткамъ паровозовъ, по суматохѣ на ж. д. станціяхъ и по движенію въ городѣ.

Сила казачья ихъ тоже начала не на шутку тревожить.

Но почему-же большевики бѣжали изъ Ростова на югъ, какъ-бы навстрѣчу Добровольческой Арміи, идущей съ Кубани?

Это была для большевиковъ печальная необходимость и движеніе въ этомъ направленіи для нихъ было все-таки болѣе безопаснымъ. Надо думать, что силы Добровольческой Арміи и ея средства борьбы послѣ «Ледяного похода» были точно извѣстны большевикамъ и врядъ-ли могли ихъ пугать.

Всѣ эти данныя развѣдки, наблюденія и выводы

---

[1] Оттуда также тѣснили нѣмцы, шедшіе изъ Бахмута.

Командующаго Южной группой были незамедлительно сообщены въ Штабъ Походнаго Атамана.

Именно теперь начальство Южной группы признавало исключительно благопріятный моментъ для наступательныхъ операцій на Новочеркасскъ...

Казаки также и вполнѣ опредѣленно заявляли:

— «Мы желаемъ итти въ Новочеркасскъ теперь, или никогда».

— «Вѣдь не ожидать-же намъ «у моря погоды» и того дня, когда къ намъ явятся изъ Новочеркасска жены наши и дѣти и будутъ просить насъ сдвинуться съ мѣста и итти въ городъ, свободный уже отъ комиссаровъ и совѣтскихъ войскъ» — такъ говорили не стѣсняясь офицеры и казаки Южной группы.

Однако, Ставка Походнаго Атамана медлила съ этимъ вопросомъ и вновь соблазнялась очередной атакой Александровскъ-Грушевскаго, подъ тѣмъ предлогомъ, что на этотъ разъ успѣхъ уже обезпеченъ, т. к. число защитниковъ этого гнѣзда сильно уменьшилось.

Когда для Командующаго Южной группой стало совершенно яснымъ, что его доводы мало убѣдительны, то 19 апрѣля онъ счелъ необходимымъ снова и еще разъ повторить все, изложивъ свою точку зрѣнія по вопросу очередной операціи. Въ концѣ доклада онъ заявилъ Походному Атаману:

— «Обстановка ясна до очевидности, и капризамъ Вашего Штаба мѣста быть не можетъ. Если надо «другому лицу» быть во главѣ войскъ, побѣдоносно входящихъ въ столицу Дона,—я отойду въ сторону, уступлю мѣсто достойному—но нельзя губить и проваливать вѣрное и «святое» дѣло. Если Ставка по прежнему будетъ упорствовать, несмотря на ясную обстановку, срывать вѣрную операцію на Новочеркасскъ и до-

биваться выполненія только своего плана (четвертый разъ атаковать Александровскъ-Грушевскъ),—то Южная группа, убѣдившись вполнѣ, что наши дороги разныя, пойдетъ одна на Новочеркасскъ и, въ случаѣ неудачи, будетъ пробиваться на востокъ, для соединенія съ тѣми войсками, которыя подходятъ отъ Таганрога къ Ростову и отъ которыхъ уходятъ большевики.

Сейчасъ всѣ, кто работаетъ противъ большевиковъ—наши друзья и соединеніе съ ними выводитъ насъ изъ ужаснаго положенія—«одинокихъ».

Если мнѣ будутъ мѣшать это выполнить, тогда я долженъ буду уйти совсѣмъ отъ дѣлъ и власти, чтобы не нести отвѣтственность за судьбу 6000 защитниковъ мнѣ подчиненныхъ[1].

Если такую обстановку, закончилъ Командующій Южной группой, въ штабѣ Походнаго Атамана не понимаютъ, то только потому, что не желаютъ».

Однако, надо думать, смѣлыя и рѣшительныя заявленія возымѣли должное дѣйствіе и Походный Атаманъ въ полдень 20-го апрѣля, прибылъ въ Заплавскую станицу въ сопровожденіи личныхъ адъютантовъ: полк. Кучерова и полк. Тарарина.

По пути, въ раіонѣ ст. Мелиховской, катеръ По-

---

[1] Къ этому времени и относится ниже прилагаемый рапортъ, поданный послѣ того, когда Походный Атаманъ 19 вечеромъ потребовалъ, какъ бы въ отвѣтъ на всѣ доводы, изъ Южной группы еще одинъ полкъ на усиленіе войскъ Сѣверной группы.—«Походному Атаману Войска Донского.—Рапортъ.—Состояніе моего здоровья и иныя обстоятельства, о которыхъ я доложу Вамъ лично, обязываютъ меня ходатайствовать объ освобожденіи меня отъ занимаемой мною должности.—Командующій войсками Южной группы Генеральнаго Штаба полковникъ Денисовъ.—1918 г. 19 апр.—N. 14

ходнаго Атамана попалъ подъ огонь непріятельской батареи того отряда противника, который выдвинулся на значительное разстояніе впередъ, дабы надежно прикрыть Александровскъ-Грушевскій, гдѣ совершалась перегруппировка, т. е. по просту сказать,—бѣгство большевиковъ подъ вліяніемъ тѣхъ именно причинъ, о которыхъ читатель уже знаетъ.

Походный Атаманъ, ознакомившись на мѣстѣ съ обстановкой, вполнѣ согласился съ планомъ дѣйствій Командующаго Южной группой и, утвердивъ его планъ, собрался въ обратный путь.

Но обратный отъѣздъ Атамана не входилъ въ планы Командующаго Южной группой, ибо это опять предвѣщало откладываніе всѣхъ вопросовъ и новые, безконечные разговоры. Это и было высказано съ полной откровенностью.

Послѣ этого Походный Атаманъ обратился къ своимъ адъютантамъ и сказалъ:

— «Ѣзжайте и скажите Начальнику штаба, что Походнаго Атамана «арестовалъ» Командующій Южной группой и я не протестую. Быть можетъ и штабу придется переѣхать сюда же, а пока будемъ сноситься почтой, въ виду ненадежности телефоннаго сообщенія.

Само собой разумѣется, это была послѣдняя капля, переполнившая чашу негодованія Штаба къ Командующему Южной группой, котораго считали въ Штабѣ опаснымъ соперникомъ.

Вечеромъ 20-го, тревожнымъ звонкомъ, Командующій Южной группой былъ вызванъ къ телефону Штабомъ Походнаго Атамана, и, удаливъ изъ аппаратной всѣхъ присутствующихъ, имѣлъ весьма непродолжительный, но знаменательный разговоръ.

— «У телефона Начальникъ Штаба Походнаго Атамана».

— «Комвойскъ Южной группы слушаетъ».

— «Скажи что произошло? Почему Атаманъ измѣнилъ свое рѣшеніе, мнѣ извѣстное, не посовѣтывавшись со мной, и одобрилъ твой планъ? Кто теперь начальникъ Штаба, я или уже ты? Вѣроятно мнѣ и штабу дѣлать больше нечего? Я кончилъ. Сидоринъ».

«Вѣроятно адъютанты доложили тебѣ его рѣшеніе остаться у меня, а также и причины этого.

Почему онъ принялъ рѣшеніе не посовѣтывавшись съ тобой—мнѣ неизвѣстно. Полагаю, что начальникомъ штаба состоишь, ты, а не я, что могутъ подтвердить тебѣ и адъютанты. Что дѣлать тебѣ и Штабу не мое дѣло указывать. Я кончилъ. Денисовъ».

Этими короткими фразами закончились безполезные разговоры, имѣвшіе мѣсто на протяженіи десяти дней.

Этотъ разговоръ доподлинно и дословно былъ доложенъ Походному Атаману, который выразилъ удивленіе и отправился успокаивать, какъ онъ сказалъ, Начальника своего Штаба.

О чемъ разговаривали они мнѣ неизвѣстно, но короткіе по телефону вопросы Начальника Штаба въ родѣ:—«почему надо торопиться?»—«почему не обождать»?—«почему его планъ, а не мой» и т. д. были слышны многимъ лицамъ изъ чиновъ штаба Походнаго Атамана, находившихся по сосѣдству съ аппаратной комнатой.

Въ конечномъ результатѣ всѣхъ долгихъ разговоровъ по телефону, Походный Атаманъ остался и былъ невольнымъ свидѣтелемъ всей подготовки къ предстоящей операціи.

Теперь онъ самъ видѣлъ, кто былъ правъ «мѣстный» или «дальній»?

Атака была подготовлена къ вечеру Великой суб-

боты, 21 апрѣля, но обстоятельства религіознаго порядка заставили отложить атаку на сутки.

— «Это лучше»—говорили казаки.—«Пусть пьяная нечисть пображничаетъ Первый День, чтобы хмѣльными ихъ скорѣе и побольше истребить... Не надо и православнымъ людямъ мѣшать въ такое ужасное время молиться подъ Великій день Св. Пасхи».

Какъ была подготовлена операція, какъ были разучены роли всѣми, включительно до «стрѣлочниковъ» хорошо помнятъ участники этого памятнаго событія.

Каждая войсковая часть основательно изучила особую, только для нея, инструкцію и усвоила твердо свою задачу...

Каждый человѣкъ отчетливо зналъ свою роль и мѣсто.

Городъ былъ раздѣленъ на семь раіоновъ.

Каждый раіонный комендантъ имѣлъ рабочую офицерскую команду и кромѣ того вооруженную силу (взводъ, полусотню).

Карты, планы, схемы—были въ изобиліи и на рукахъ у всѣхъ.

Всѣ боевыя и административныя распоряженія были предусмотрѣны и отданы съ такой полнотой, что добавлять было нечего въ послѣдующіе три дня; такъ же не приходилось измѣнять или дополнять ранѣе отданныя приказанія; не надо было отдавать и новыхъ распоряженій.

До такой степени внимательно и точно было все, относящееся къ этой операціи, разработано.

И свидѣтелями всего этого—всѣ участники этого «славнаго дѣла».

Всѣ чувствовали «побѣду» и вѣрили въ то, что сама судьба посылаетъ казакамъ Святого Георгія По-

бѣдоносца, Покровителя Русскаго воинства, и 23-го апрѣля—въ свой день Онъ не оставитъ Донскихъ казаковъ.

Осторожная казачья развѣдка, высланная наканунѣ (21-го апрѣля) и дошедшая до окраинъ города, убѣдила всѣхъ, что успѣхъ обезпеченъ [1].

Для предстоящей атаки были назначены всѣ, безъ остатка, силы Южной группы. Каждый человѣкъ, не вошедшій въ составъ строевой части, былъ въ полной мѣрѣ использованъ для другого дѣла.

Свидѣтелей, не участвующихъ въ общей работѣ, —не существовало.

Для обезпеченія этой опереціи требовалось перемѣщеніе большей части силъ Сѣверной группы, къ вечеру 22-го, въ раіонъ станицъ Мелиховской—Бессергеневской, съ тѣмъ, чтобы меньшая часть силъ Сѣверной группы, въ видѣ заслона, была оставлена противъ Александровскъ-Грушевскаго.

Для гарнизонной службы при складахъ и въ тылу —въ ст. Заплавскую должны были прибыть къ этому-же времени дружины Золотовской и Кочетовской [2] станицъ и смѣнить части Южной группы, предназначавшіяся для боевой цѣли—для атаки Новочеркасска.

Повидимому, лавры предстоящей славы не дава-

---

[1] Во главѣ этой развѣдки былъ извѣстный герой Кривянской борьбы (5-22 апрѣля) сотникъ Озорянскій — лихой, безстрашный, отважный и умный развѣдчикъ. Въ этой развѣдкѣ участвовалъ и извѣстный, неугомонный сотникъ Гавриленко, который, несмотря на ампутированныя конечности, съ протезами, всегда участвовалъ въ бояхъ и былъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Его приходилось силой и обманомъ удерживать иногда, что бы дать ему передохнуть и вновь набраться силъ для новыхъ подвиговъ.

[2] Эти дружины были только что приведены въ порядокъ и повиновеніе карательнымъ отрядомъ ген. М. Смирнова.

ли «кому-то» спать спокойно и, только поэтому, въ составъ войскъ Южной группы совершенно неожиданно былъ включенъ Сводный конный полкъ есаула Климова (шесть сотенъ) изъ состава войскъ Сѣверной группы.

Однако, войска Сѣверной группы не выполнили полностью имъ указаннаго и это тѣмъ болѣе странно, что при этихъ войскахъ находился и Штабъ Походнаго Атамана, т. е. главный распорядительный органъ, отдавшій всѣ эти приказанія.

Оказалось, что: 1) вмѣсто шести сотенъ полка Климова прибыло только три и тѣ съ опозданіемъ на шесть часовъ, чѣмъ нарушили порядокъ разворачиванія боевыхъ колоннъ и даже задержали выходъ резервныхъ частей; 2) части Сѣверной группы, вопреки приказанія, не думали совершать перемѣщеніе къ югу, въ раіонъ ст. ст. Мелиховской и Бессергеневской и заблаговременно, объ этомъ нарушеніи общаго плана,—не увѣдомили Командующаго Южной группой, который все могъ ожидать, но срыва операціи самимъ Штабомъ Походнаго Атамана, утвердившимъ ее,—конечно, ожидать не могъ.

«Свой» портилъ дѣло, но Господь выручилъ казаковъ.

Къ двумъ часамъ ночи съ 22 на 23 апрѣля--всѣ части заняли, съ соблюденіемъ глубокой тишины и порядка,—исходныя положенія и ожидали знака для начала атаки.

Зажженная вѣха, въ 3 часа утра 23-го апрѣля, подняла на ноги казаковъ и по всему фронту, протяженіемъ до шести верстъ, загремѣло «ура».

Красиво, быстро и въ точности разыгранная кольцевая атака, въ расплохъ заставшая сонную красную гвардію, - увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ 5 часовъ

утра Новочеркасскій и Кривянскій полки заняли окраины города, а къ 6 час. утра казачьи цѣпи всѣхъ полковъ уже наводнили городъ и преслѣдовали бѣгущихъ въ полномъ безпорядкѣ красногвардейцевъ.

Къ семи часамъ утра были выброшены авангарды къ югу отъ города, въ направленіи на Ростовъ, куда еще наканунѣ выступила изъ Заплавъ конница полк. Туровѣрова (изъ состава войскъ Южной группы), но оттуда еще не было ни хорошихъ, ни плохихъ вѣстей.

Въ $7^1/_2$ часовъ утра прибылъ въ городъ Новочеркасскъ Походный Атаманъ, встрѣченный благодарнымъ населеніемъ столицы Дона за избавленіе отъ гнета «краснаго режиа».

Дѣйствительно, праздникъ Св. Пасхи былъ «Праздниковъ Праздникъ» и «Торжество изъ Торжествъ», ибо обратился въ сплошное ликованіе измученнаго, нынѣ освобожденнаго, обывателя.

Можно думать, что никогда такъ величаво, мощно и зычно не гудѣлъ еще Соборный колоколъ, никогда еще такъ дружно не вторили ему перезвоны церквей столицы и никогда такъ радостно и задушевно не пѣлось и не произносилось казаками — «Христосъ Воскресе»!

Желанное свершилось!..

Казаки—хозяева въ своемъ стольномъ городѣ— Новочеркасскѣ.

Глава X.

Тревога и покой.

Желанное свершилось!.. Столица Дона избавлена отъ комиссаровъ и очищена отъ красногвардейскихъ бандъ[1].

Тяжелая работа выпала на долю военнаго начальства, которому пришлось налаживать и мирную жизнь въ городѣ и оберегать его отъ новыхъ ужасовъ, отъ новыхъ возможныхъ нападенiй со стороны совѣтскихъ войскъ, во много разъ превосходившихъ, своею численностью, казаковъ.

Трудно было власти... Миловать не приходилось... Каждое распоряженiе несло, если не наказанiе, то предупрежденiе о немъ... Лицъ, уличенныхъ въ сотрудничествѣ большевикамъ, надо было, безъ всякаго милосердiя, истреблять.

Временно надо было исповѣдывать правило: «лучше наказать десять невинныхъ, нежели оправдать одного виновнаго».

Только твердость и жестокость могли дать необходимые и скорые результаты.

---

[1] Теперь, надо думать, читатель будетъ знать когда, кѣмъ и какъ освобожденъ Новочеркасскъ и кто помогъ закрѣпить его за казаками.

Походный Атаманъ отошелъ отъ этихъ «грязныхъ» дѣлъ.

Мы не станемъ догадываться почему: потому-ли, что онъ былъ безъ своего штаба и безъ Начальника штаба [1], или по какимъ-либо инымъ соображеніямъ?

Несомнѣнно только одно, что для того, кто не вѣрилъ въ прочность и твердость казачьяго положенія, кому грезились еще возможныя неудачи, — было выгоднѣе и удобнѣе смотрѣть на все это издали, со стороны, дабы не отвѣчать за совершаемое казаками и ихъ властью.

Ясно и то, что стоять у власти при такихъ условіяхъ могъ лишь тотъ, кто привыкъ не задумываться надъ могущими быть послѣдствіями и тотъ, кто твердо вѣрилъ въ казачью побѣду, и кто могъ быть «жестокимъ».

Въ роли временнаго «диктатора» [2] очутился Командующій Южной группой и вся работа по оперативнымъ и инымъ дѣламъ взвалилась на плечи его Штаба [3].

Цѣлый день 23-го, до глубокой ночи, въ городѣ было тревожно: серьезныя и крѣпко свитыя гнѣзда большевиковъ, въ зданіяхъ Епархіальнаго училища и Политехническаго Института, трудно было одолѣть

---

[1] Щтабъ Походнаго Атамана продолжалъ все еще оставаться въ Раздорской станицѣ—въ 40 верстахъ отъ гор. Новочеркасска.

[2] Ибо власть его была неограниченная.

[3] Начальникомъ штаба былъ талантливый офицеръ ген. Штаба, донской казакъ, подполк. И. А. Поляковъ. Блестяще окончилъ Донской Кадетскій Корпусъ, Николаевское инж. учил, и Императорскую Николаевскую Военную Академію. Астро-германскую войну провелъ на должности офицера ген. штаба въ Штабѣ 9-й арміи. Послѣ войны былъ на Дону въ Штабѣ Походнаго Атамана и въ числѣ многихъ офицеровъ былъ «забытъ» Походнымъ Атаманомъ при его выходѣ изъ гор. Новочеркасска 12 февраля 1918 г.

казакамъ, не проявляя жестокости, каковую они, по свойственному имъ душевному укладу, примѣнять пока не желали. Пришлось вмѣшаться начальству и приказать истребить эти партіи. Только послѣ этого и послѣ тщательнаго осмотра Краснокутской рощи и прилегающихъ къ ней кладбища и Ботаническаго сада, населеніе столицы получило давно заслуженный покой, а войска—передышку.

Утомленіе казаковъ было чрезмѣрное, послѣ высокаго душевнаго подъема, послѣ безсонной ночи и непомѣрной физической работы.

Силы казаковъ временно уменьшились: два полка, наилучшіе по составу и наибольшіе по численности, съ мужественными командирами, временно не могли быть использованы для очередной работы.

Одинъ изъ нихъ,—Новочеркасскій полкъ,—краса и гордость Южной группы (какъ его называли «гвардія»), имѣлъ своимъ командиромъ полковника А. П. Фицхелаурова, въ котораго, по заслугамъ, вѣрило и начальство, выше его стоящее, и казакъ, ему подчиненный.

Этотъ полкъ первымъ ворвался, 23 апрѣля, въ кварталы родной станицы [1], сломилъ сразу сопротивленіе большевиковъ и «открылъ побѣду». Командиръ полка вынужденъ былъ уступить казакамъ, выполнившимъ блестяще свою задачу, и разрѣшилъ имъ навѣстить свои родные очаги, чтобы узнать судьбу, близкихъ и дорогихъ лицъ, покинутыхъ ими 4-го апрѣля въ кошмарной и извѣстной читателю обстановкѣ.

Другой полкъ, не менѣе доблестный, Кривянскій, съ мужественнымъ командиромъ—полковникомъ Зу-

---

[1] Сѣверо-восточная часть города является Новочеркасской станицей.

бовымъ, все еще продолжалъ истреблять мѣстныхъ большевиковъ (привокзальной части) за то, что они 18 дней (съ 4 по 22 апрѣля) громили, жгли и разоряли ихъ родную станицу.

Кривянцы, кромѣ того желали отплатить жителямъ этого раіона за тотъ «пулеметный дождь», которымъ они осыпали послѣднихъ защитниковъ города, отходившихъ 4 апрѣля отъ вокзала. Такая месть со стороны казаковъ, являлась понятной.

Кромѣ того, два полка,—Бессергеневскій и Заплавскій, были высланы на югъ, за городъ въ направленіи на Ростовъ (оттуда еще не было вѣстей), для выясненія обстановки и непосредственнаго обезпеченія Новочеркасска.

Оставался одинъ непрочный Богаевскій полкъ, но и тотъ пришлось выслать на сѣверъ, на смѣну 6-му Пластунскому батальону, т. к. это опасное направленіе оставалось обнаженнымъ, послѣ того, когда 6-й Пластунскій батальонъ свою задачу выполнилъ неправильно. Богаевскому полку было поручено связаться съ частями Сѣверной группы, какъ только таковыя подойдутъ къ раіону города.

Для непосредственной связи со Штабомъ Походнаго Атамана (въ ст. Раздорскую) былъ высланъ офицерскій разъѣздъ, которому было поручено выяснить причины замедленія передвиженія Сѣверной группы въ раіонъ Заплавской станицы и ускорить таковое.

Такимъ образомъ не только свободныхъ, но даже и свѣжихъ войскъ не было.

Пришлось, для усиленія вооруженной силы, привлечь всѣхъ офицеровъ, военныхъ чиновниковъ, партизанъ, оказавшихся на лицо въ городѣ.

Благодаря этой мѣрѣ, явилась возможностъ сформировать отрядъ силою около 1000 человѣкъ.

Три сотни этого отряда[1] были направлены въ Хотунокъ, для образованія тамъ постояннаго гарнизона, имѣющаго цѣлью обезпечить непосредственно городъ съ сѣверной стороны и для связи съ гарнизонами, оставленными въ Заплавской и Бессергеневской станицахъ[2].

Всю ночь съ 23 на 24-е, гарнизонъ Хотунка провелъ въ тревогѣ: его непрерывно безпокоили непріятельскія партіи развѣдчиковъ.

Чувствовалось, что еще предстоятъ атаки со стороны противника, который будетъ пробивать себѣ путь къ г. Ростову и далѣе, для присоединенія къ своимъ счастливцамъ, проскочившимъ уже эти раіоны.

Если бы Сѣверная группа, даже не выполняя основного приказа, — не передвигалась въ Заплавы, а хотя-бы оставалась на мѣстѣ,—въ раіонѣ ст. Раздорской и безпокоила бы противника, находящагося въ

---

[1] Въ этихъ сотняхъ оказались волей-не-волей и такіе офицеры, которые не готовили себя къ войнѣ, воспитатели Дон. Кад. Корпуса и имъ подобные.

[2] Здѣсь является интереснымъ обратить вниманіе читателя на трудность положенія, въ которомъ находилось начальство, соображая свой планъ сперва для атаки города 23 апрѣля, а затѣмъ, изворачиваясь при дальнѣйшей группировкѣ силъ: такъ, при атакѣ города, помимо тактическихъ и боевыхъ соображеній, приходилось повиноваться еще и инымъ обстоятельствамъ; вотъ почему пришлось на флангахъ атаки пустить крѣпкія колонны—полки Новочеркасскій и Кривянскій, направивъ Новочеркасскій полкъ, для захвата и освобожденія своей родной станицы (сѣв.-вост. окраина города), Кривянскому полку предоставить для атаки ненавистный ему привокзальный раіонъ; болѣе слабые по духу полки (Бессергеневскій и Заплавскій) пришлось направить для атаки въ центрѣ, и нѣсколько позже фланговыхъ колоннъ, а по овладѣніи городомъ—выбросить въ направленіи, удаляющемъ эти полки отъ ихъ станицъ, дабы исключить возможность для малодушныхъ заглянуть домой.

Ал.-Грушевскомъ,—то несомнѣнно врагъ не осмѣлился-бы, какъ мы увидимъ ниже, 24 и 25 вести дерзкія атаки на Новочеркасскъ.

Но противникъ и на этотъ разъ зналъ, что Южная группа «одинока»...

Съ утра 24-го врагъ обозначилъ со стороны Персіяновки, восточнѣе ж. д., наступленіе жидкими цѣпями.

При малѣйшемъ нажимѣ командиръ Богаевскаго полка полк. Желтухинъ [1] бросилъ свой полкъ и подъ предлогомъ «личнаго доклада» явился къ Командующему Южной группой. Полкъ, оставленный своимъ командиромъ сталъ отходить на востокъ и оголилъ подступы къ городу.

Послѣ обслѣдованія обстановки на мѣстѣ, Командующему группой удалось возстановить порядокъ въ Хотункѣ, наладить службу и усилить бдительность.

25-го утромъ (8 часовъ) непріятель со стороны сѣвера возобновилъ наступленіе.

На югѣ было тихо.

Это послѣднееe обстоятельство давало возможность снять части съ южнаго направленія и подготовиться къ отраженію натиска съ сѣвера.

Командующаго группой тревожило бездѣйствіе Сѣверной группы... А между тѣмъ одно только появленіе ея на флангѣ противника, уже измѣнило-бы всѣ послѣдующія событія этого дня.

---

[1] Полковникъ Желтухинъ (командовавшій въ концѣ войны въ 1917 году—33 донскимъ каз. полкомъ), въ описываемый день, бросивъ полкъ, отправился на свою городскую квартиру и сталъ укладывать свое имущество, чтобы выѣхать изъ города. Поднятая имъ паника заразила хозяевъ его квартиры и покатилась по всему кварталу.

Къ 10 час. утра 25 апрѣля ясно обнаружилось наступленіе непріятеля на широкомъ фронтѣ (около 5—6 верстъ) и глубокими порядками.

Положеніе становилось грознымъ: лобовымъ ударомъ сдержать натискъ казакамъ было не подъ силу.

Городъ снова объятъ былъ паникой, ибо «Желтухиныхъ» оказалось много.

Въ ожиданіи окончанія перегруппировки нашихъ частей, пришлось усилить оборону артиллерійскимъ огнемъ.

Два, а затѣмъ четыре, казачьихъ орудія, съ прислугой изъ офицеровъ, открыли жестокій, по скорости и результатамъ, огонь.

Артиллерія, поставленная у самой церковной ограды Троицкой церкви, на открытой позиціи, съ огромнымъ кругозоромъ, обильно снабженная снарядами изъ арсенала, находящагося въ 100 шагахъ отъ батареи,—сдѣлала свое дѣло,—задержала цѣпи противника.

Несмолкаемый гулъ нашихъ орудій и отвѣтный огонь противника встревожилъ населеніе города, и безъ того охваченное паникой [1].

Жуткіе наступали минуты...

Но кто понималъ музыку боя, тотъ бодро глядѣлъ на творившееся.

Около 11 час. дня конная сотня кривянскихъ казаковъ, пробираясь гуськомъ, укрываясь за городскими зданіями, спустилась рысью къ рѣкѣ, перешла мостъ и развернулась для атаки въ правый флангъ цѣпей противника, подходившаго къ Хотунку.

Одновременно и наша пѣхота развернулась между дорогами и двинулась впередъ.

Противникъ пріостановился...

[1] Въ этотъ день и куполъ Донского Собора получилъ пробоину отъ непріятельскаго снаряда.

Чувство близкой побѣды охватило казаковъ... Наступило временное затишье, точно передъ бурей... «Но кого эта буря повалитъ»?—вотъ былъ мучительный вопросъ на душѣ у всѣхъ.

Въ этотъ тяжелый моментъ Походный Атаманъ, находившійся на батареѣ вмѣстѣ съ Командующимъ группой,—получилъ извѣстіе, что Сѣверная группа только утромъ выступила изъ Раздорской станицы [1].

— «Значитъ помошь будетъ не скоро,—къ вечеру''—вывелъ, заключеніе руководившій боемъ...

Но Господь вознаградилъ казаковъ за ихъ мужество...

Шумъ, приближающагося сзади, мотоциклета остановилъ и приковалъ вниманіе.

На имя старшаго начальника поступило донесеніе:—«Я съ отрядомъ подхожу къ Каменному Броду. Отдаю себя и мой отрядъ въ Ваше распоряженіе, и если обстановка требуетъ, могу выслать немедленно двѣ горныя батареи съ коннымъ прыкрытіемъ. Задачу для артиллеріи и проводника высылайте [2].

Полковникъ Дроздовскій».

---

[1] Эти свѣдѣнія случайно привезъ личный адъютантъ Командующаго Сѣверной группой, прибывшій въ гор. Новочеркасскъ по «домашнимъ дѣламъ». Офицеръ этотъ былъ крайне смущенъ, увидѣвъ серьезную и даже грозную обстановку. Самъ читатель найдетъ подходящее слово для опредѣленія поведенія Штаба Походнаго Атамана и Командующаго Сѣв. группой въ эти дни. Развязный, и даже не трезвый офицеръ, имѣлъ видъ скорѣе красногвардейца, ибо былъ увѣшенъ всевозможными атрибутами и украшеніями, столь милыми сердцу этихъ людей. Только блестящіе погоны убѣждали въ обратномъ.

[2] Вотъ точный смыслъ того рапорта и доклада, который былъ сдѣланъ офицеромъ мотоциклистомъ.

Свершилось чудо! Свой, родной, донской не выручалъ, хотя имѣлъ приказъ!.. Выручилъ свой, родной, русскій,—и безъ приказа!..

Такъ можетъ дѣлать только истинно военный, любящій и знающій свое дѣло, не искушенный политикой и интригами и не боящійся потерять свое мѣсто, которое по достоинству и праву занимаетъ.

Это сдѣлалъ полковникъ Дроздовскій, отецъ того отряда, который двинулся еще въ январѣ мѣсяцѣ на теплый, милый, Тихій Донъ, на свѣтъ яркихъ, и намъ извѣстныхъ уже, звѣздъ (Каледина, Корнилова, Алексѣева).

Тихій Донъ никогда не забудитъ 25 апрѣля и Михаила Гордѣевича Дроздовскаго.

Черезъ часъ могучія батареи отряда Дроздовскаго, занявъ позицію у Скакового круга, открыли мѣткій огонь во флангъ залегшей пѣхоты противника и по эскадрону конницы, двигающемуся вдоль полотна ж. д. въ обходъ нашего лѣваго фланга у Хотунка и во флангъ нашей развернувшейся конной сотни.

Врагъ учелъ всю обстановку и понялъ, что ему надо торопиться, т. к. у казаковъ происходитъ наростаніе силъ...

Пѣхота противника, несмотря на губительный огонь, съ фланга (батареи Дроздовскаго) и съ фронта (казачьи орудія)—поднялась и двинулась несокрушимою стѣною впередъ.

Защитники Хотунка замялись, подавая признаки неизбѣжнаго отхода въ городъ.

Посланное во время подкрѣпленіе задержало отходящихъ, но Хотунокъ уже былъ занятъ противникомъ.

Сосредоточенный огонь «по Хотунку» — зажегъ его въ шести мѣстахъ.

Подъ прикрытіемъ мглы и дыма, казаки стали накапливаться въ долинѣ рѣки на сѣверной окраинѣ города.

Тревога вновь наростала...

Въ это время неожиданно прибылъ новый дорогой подарокъ отъ полковника Дроздовскаго—«Броневикъ», который, не спрашивая, ясную для военнаго, обстановку боя, быстро помчался внизъ на выручку казаковъ.

— «Дорого яичко во Христовъ День»!..

Столь неожиданное появленіе новаго и могучаго средства борьбы, ободрило казаковъ и они бросились впередъ.

Противникъ, ошеломленный такимъ сюрпризомъ, дрогнулъ и обратился въ бѣгство.

Черезъ 10 минутъ глазу наблюдателя представилась ясная картина боя и поворотъ его въ нашу пользу.

Броневикъ, обгоняя цѣпи противника и врѣзываясь въ его резервы, истреблялъ большевиковъ бѣгущихъ на всемъ полѣ боя и во всѣхъ направленіяхъ.

Въ это время наблюдатель замѣтилъ на востокѣ «лаву»...

Сердце дрогнуло...

То оказались наши... Передовыя конныя части Сѣверной группы...

«Лучше поздно, чѣмъ никогда» и честь спасенія столицы по праву досталась также и имъ.

Черезъ полчаса большія группы плѣнныхъ тянулись уже по городу...

Конныя казачьи сотни преслѣдовали противника на 12—15 верстъ, а подошедшая слѣдомъ пѣхота, не теряя связи съ противникомъ, надежно обезпечила Новочеркасскъ съ сѣвернаго направленія.

Столица спасена...

Наступили дни укрѣпленія положенія и созданія должнаго и окончательнаго порядка въ городѣ и его окрестностяхъ.

Къ общей радости присоединились добрыя вѣсти: утромъ конница наша, подъ начальствомъ полковника Туровѣрова, заняла гор. Ростовъ.

Были и печальныя свѣдѣнія: въ гор. Ростовъ съ западной стороны, утромъ, т. е. одновременно съ казаками, вошла, тяжелымъ и увѣреннымъ шагомъ, германская пѣхота 1-го армейскаго корпуса.

Въ Ростовѣ появилось два коменданта—казачій и нѣмецкій, другъ другу не подчиненные, сразу вступившіе въ дѣловыя сношенія.

Нѣмцы, войдя въ городъ, выбросили свои авангарды къ г. Батайску, тѣсня большевиковъ къ югу.

Казаки выбросили свои авангарды къ хут. Злодѣйскому, что на юго-вост. отъ Батайска и въ 10 верстахъ отъ него.

Лѣвѣе казаковъ, вела наблюденіе и развѣдку Баварская кавалерія, эскадроны которой, къ вечеру 25-го апрѣля, заняли станицы Ольгинскую и Аксайскую.

Такимъ образомъ, Донскую святыню, Аксайскую икону Божьей Матери, охранять стали нѣмцы.

Какая получилась злая иронія!...

Враги Россіи и ея казаковъ—нѣмцы, послѣ взаимной, жестокой, трехлѣтней войны,—нынѣ, плечо къ плечу, защищаютъ Донскую землю отъ совѣтскихъ войскъ.

Съ другой стороны, эти новые соратники не забыли навести свои пушки на столицу Дона и въ разстояніи 11-ти верстъ отъ города, полукольцомъ съ юга, разставили свои аванпосты, съ пулеметами, какъ-бы желая показать свою силу, свое право дѣлать то,

что имъ будетъ угодно, а не то, что будетъ желать капризная власть Дона, не обладающая военной силой.

Вотъ при какихъ, по истинѣ ужасныхъ, обстоятельствахъ пришлось работать Донской военной власти и рѣшать вопросы неожиданной политической обстановки текущаго дня.

Надо было немедленно собрать Кругъ, надо было спѣшно завязать сношенія съ Кіевомъ, центромъ германской военной власти, распространившей свое вліяніе на всю Украину и на западную часть Донской Области.

29-го собрался Кругъ «Спасенія Дона», по справедливости, такъ названный, ибо этотъ «Кругъ» спасъ Донъ, и если бы не свершались трагедіи въ послѣдующіе годы, то этотъ «Кругъ» спасъ бы и Россію[1].

30-го уже выѣхали агенты въ Кіевъ.

Тѣмъ временемъ, городъ оказалъ должную, теплую встрѣчу всему отряду полковника Дроздовскаго.

26-го апрѣля, послѣ парада у Краснокутской рощи, отрядъ полковника Дроздовскаго, по просьбѣ Командующаго группой, совершилъ военную прогулку по городу, показавши себя въ полномъ порядкѣ и даже блескѣ.

Радости новочеркасскаго обывателя не было границъ: отрядъ забрасывали цѣтами и подарками.

Всѣ поняли, насколько во время и кого, въ лицѣ «Дроздовцевъ» получилъ выздоравливающій Донъ...

Вновь въ сердцахъ и умахъ казаковъ явилась потребность и въ формѣ одежды и въ красотѣ военныхъ артикуловъ.

---

[1] Кругъ состоялъ изъ 130 депутатовъ отъ станицъ и частей. Предсѣдателемъ былъ избранъ Есаулъ Г. П. Яновъ, умѣло поведшій работу.

27-го состоялся общій парадъ Войскамъ, взявшимъ и удержавшимъ Новочеркасскъ.

Передъ самымъ парадомъ прибыли въ Новочеркасскъ всѣ части Сѣверной группы; наканунѣ собрался въ Новочеркасскѣ и Штабъ Походнаго Атамана.

Парадомъ командовалъ Командующій Южной группой. Принималъ парадъ Походный Атаманъ.

Послѣ парада былъ прочитанъ приказъ о производствѣ за боевые подвиги лицъ высшаго командного состава [1].

Такъ щедро были награждены, и не по заслугамъ, старшіе начальники.

Тѣ-же, кто больше всего были достойны награды,—командиры частей, офицеры и казаки,—таковыхъ не получили. Этихъ героевъ не обласкали даже и добрымъ словомъ...

Такъ понимала дѣло и обстановку временная власть на Дону. Такъ отблагодарила власть тѣхъ, кто жизнь свою не щадилъ за родину и край. Заслуженный укоръ эта власть получила отъ того, кто видѣлъ явную несправедливость, невниманіе и ясную нелюбовь власти къ офицеру и казаку.

29-го открылъ свои дѣловыя засѣданія Кругъ Спасенія Дона.

---

[1] Копія. «Приказъ. - Войску Донскому No 211.—Апрѣль 27 дня 1918 г.—За боевыя отличія производятся:—Въ генералъ-маіоры: —По генеральному штабу · Начальникъ Штаба Походнаго Атамана полковникъ Сидоринъ и Командующій Южной группой полковникъ Денисовъ, оба съ оставленіемъ въ спискахъ Генеральнаго Штаба и командующій Сѣверной группой полковникъ Семилѣтовъ. Въ полковники: войсковой старшина Фетисовъ (Михаилъ) и начальникъ штаба Южной группы подполковникъ Поляковъ, послѣдній съ оставленіемъ въ спискахъ Генеральнаго Штаба.—Подлинный подписалъ:—Походный Атаманъ генералъ Поповъ».

Планомѣрно проходили часы и дни его занятій [1].

Кругъ узаконилъ посылку агентовъ въ Кіевъ, возстановилъ прежнюю форму одежды въ арміи, прежнія выборныя власти на мѣстахъ, старый стилъ и объявилъ мобилизацію 5 возрастовъ. Кругъ постановилъ принять всѣхъ защитниковъ Дона въ донскіе казаки.

Былъ организованъ «Судъ Защиты Дона» — высшее судилище, впредь до возстановленія судебной власти [2].

Но наипаче Кругъ былъ озабоченъ выборами Атамана, ибо понималъ, что безъ единой, твердой власти жить и воевать нельзя.

Всѣ взоры были устремлены на извѣстнаго Донского боевого генерала П. Н. Краснова, который, по справедливости, послѣ Каледина, былъ единственнымъ кандидатомъ на этотъ высокій постъ.

Генер. Красновъ 2 мая возвратился въ Новочеркасскъ изъ ст. Константиновской и 3 мая получилъ приглашеніе пожаловать на Кругъ Спасенія Дона для того, чтобы дать мудрый свой совѣтъ и разъяснить сложную, мало кому понятную, политическую обстановку.

Дѣловой, мудрой и теплой рѣчью ген. Красновъ опредѣлилъ себя, сверхъ своего ожиданія, въ Донскіе Атаманы и 5-го мая онъ былъ, подаваляющимъ большинствомъ (107 противъ 13, при 10 воздержавшихся) избранъ на должность Донского Атамана, получивъ въ свои руки полную власть, съ наказомъ спасти Донъ

---

[1] Только газетный сотрудникъ—С. П. Черевковъ пытался, но безъ результатно, нарушить ходъ работъ и мысли круга.

[2] Предсѣдателемъ этого судебнаго органа былъ назначенъ полк. К. М. Грековъ, вполнѣ оправдавшій всѣ надежды на него возлагаемыя.

отъ гибели и тогда собрать Большой Войсковой Кругъ.

Кругъ разобрался и въ заслугахъ главныхъ дѣятелей...

Походный Атаманъ ушелъ отъ власти въ отставку съ производствомъ въ гененераль-лейтенанты.

Новая Донская власть по новому повела дѣла Дона и скоро не только спасла Донъ, но и возвеличила его.

Объ этомъ читатель узнаетъ изъ слѣдующей книги.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Первая книга кончилась... Листы ея закрылись...

Вопросы, на которые эта, книга дала отвѣты, слѣдующіе:

Кто, когда и какъ подкрашивалъ въ красный цвѣтъ казака, находившагося на фронтѣ въ 1917 г.?

Кто сгубилъ Атамана Каледина и, вмѣстѣ съ Ленинымъ, выкрасилъ Донъ не густой, но все же красной, краской, весной 1918 года?

Кѣмъ, когда и при какихъ, необычайно трудныхъ условіяхъ, создавалась Добровольческая Армія и что сдѣлала она въ 1918 году на Дону и для Дона?

Какія обстоятельства пробудили Донскихъ казаковъ отъ больного недолгаго сна и избавили отъ «проказы» и какую благородную роль сыгралъ скромный Донской казачій офицеръ въ этомъ начальномъ, но могучемъ актѣ движенія?

Какую жерву принесли Донской казакъ и Донской калмыкъ для защиты родного края?

Кто смирно сидѣлъ по своимъ норамъ, когда шла война, не проливая не только крови, но и слезъ и сталъ наглымъ лишь тогда, когда офицеръ и казакъ своими трудами, подвигами и кровью, дали ему возможность свободно жить и разговаривать[1].

Каково моральное и матеріальное значеніе «Степного Похода» и что его участники и вожди сдѣлали для Дона?

---

[1] Списокъ и поведеніе всѣхъ этихъ прятавшихся во время и благополучно эвакуировавшихся, читатель будетъ имѣть въ 5 книгѣ.

Кто, когда и при какихъ условіяхъ создалъ Донскую Армію и что эта Армія сдѣлала на зарѣ своей жизни?

Какую именно роль сыграли въ актѣ начальной борьбы на Дону «Кругъ Спасенія Дона» и его руководители?

Кому вѣрилъ Донской казакъ и голосу кого онъ подчинялся [1]?

Отошли отъ насъ дни подвиговъ тѣхъ защитниковъ, которые либо смертью храбрыхъ окончили свою жизнь, либо являются нынѣ свидѣтелями современныхъ событій.

«Должное» надо отдать «должнымъ», т. е. тѣмъ людямъ, которые среди мрака тьмы отдавали свою жизнь, поддерживали пламя казачьяго возстанія, не боялись быть отвѣтственными начальниками, цѣлителями душъ казачьихъ, создавали ту Донскую армію, которая самостоятельно въ 1918 году освободила Донъ отъ большевиковъ, и подчиняясь мудрому Атаману, укрѣпила и возвеличила Тихій Донъ. Исторія потребуетъ ихъ имена и она ихъ получитъ [2]. Эти имена будутъ знать и послѣдующія поколѣнья...

Слава живымъ! Вѣчная память погибшимъ!..

---

[1] Читатель въ слѣдующей книгѣ будетъ видѣть на графическихъ таблицахъ численный составъ и движеніе офицеровъ и казаковъ вооруженныхъ силъ Дона и узнаетъ о тѣхъ почтенныхъ жертвахъ и неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя понесло, только за первый годъ борьбы, (за 1918 годъ) донское казачество.

[2] Нынѣ по обстоятельствамъ понятнымъ (особаго порядка) не можетъ быть отпечатанъ списокъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе по защитѣ Дона, а также и списокъ старшихъ войсковыхъ начальниковъ до командировъ отдѣльныхъ частей включительно и лицъ равнымъ имъ по власти и тѣхъ героевъ-казаковъ, подвиги и заслуги коиха безсмертны.

Нѣсколько мыслей о книгѣ полк. Добрынина.

Появившаяся на книжномъ рынкѣ книга полк. Добрынина: «Борьба съ большевизмомъ на югѣ Россіи, Участіе въ борьбѣ Донского Казачества. Февраль 1917 г.—Мартъ 1920 г.», требуетъ разъясненій.

Авторъ весьма добросовѣстно использовалъ документальный матеріалъ и тѣ источники, на которые онъ ссылается.

Авторъ самъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ честно сознается въ своемъ «невѣдѣніи сокровенныхъ для него вопросовъ военныхъ и вопросовъ политики» (стр. 67 и др.), что весьма цѣнно въ настоящій «безцеремонный вѣкъ».

Очеркъ, какъ называетъ его самъ авторъ, а я бы назвалъ его конспектомъ событій Донской жизни, —изложенъ въ общемъ правдиво.

Только тѣ вопросы, по которымъ автору не удалось очевидно имѣть документовъ и тѣ событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ не былъ, изложены неправильно. Къ числу таковыхъ вопросовъ относится и весьма важный вопросъ: — «состояніе Донского казака на фронтѣ въ 1917 году и положеніе на Дону въ этомъ же году[1]», т. е. тотъ вопросъ, которымъ начинаются мои «Записки».

[1] По нѣкоторымъ вопросамъ неправильно освѣщеннымъ полк. Добрынинымъ въ его книгѣ, я дамъ разъясненіе въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ послѣдующихъ книгъ моихъ «Записокъ».

Онъ пишетъ: 1) «...Къ іюню мѣсяцу фронтъ былъ въ полномъ разложеніи и несмотря на это фронтовые представители на Большомъ Войсковомъ Кругѣ (въ числѣ 200) подаютъ голосъ, при выборѣ атамана, за заслуженнаго генерала Каледина...» (стр. 30, примѣч.).

2) «...Въ августѣ мѣсяцѣ, когда Донскіе казаки на фронтѣ узнали о состоявшемся соглашеніи Малаго Круга съ партіей «Народной Свободы» въ вопросѣ выборовъ въ Учредительное Собраніе—то увидали въ этомъ «контръ-революцію...» (стр. 31).

3) «...Казаки продолжали сражаться на фронтѣ и ядъ большевистской пропаганды все глубже и глубже проникалъ въ ихъ ряды, и въ то время, когда живщіе на Дону казаки продолжаютъ твердо сохранять враждебную большевикамъ позицію, фронтовое казачество начинаетъ колебаться...» (стр. 35).

Но самъ же авторъ пишетъ и обратное:

1) На стр. 35, онъ обращаетъ вниманіе на то, что когда разложившійся фронтъ дезертировалъ [1], генералъ Калединъ признавалъ невозможнымъ отозвать на Донъ казачьи полки, въ чемъ и убѣждалъ фронтовыхъ представителей.

2) На стр. 33 авторъ уже пишетъ о твердости казачества на фронтѣ.

3) На стр. 40 авторъ знакомитъ: «Донъ остался безъ милиціи. Попытки Донского Правительства организовать свою милицію не увѣнчались успѣхомъ—осталось поставить въ раіоны Донскихъ рудниковъ казачьи части»... и т. д.

---

[1] Полагаю, что если бы въ это время и казачьи части были бы уже разложившимися, несомнѣнно ихъ задерживать на фронтѣ не было бы необходимости. Т. к. казаки не знали слова «дезертиръ», то, очевидно, рѣчь идетъ о солдатахъ-дезертирахъ русской арміи.

Читатель изъ первой главы моихъ «Записокъ» видѣлъ факты, свидѣтельствующіе лишь о томъ, что въ огромномномъ большинствѣ случаевъ, казачьи части на фронтѣ были въ полномъ порядкѣ до сентября мѣсяца 1917 года, а многія части сохранили дисциплину и «старый режимъ» вплоть до прихода въ свои родныя станицы, т. е. и послѣ прохода или проѣзда по Россійскимъ губерніямъ, уже зараженныхъ ядомъ большевизма.

Я признавалъ излишнимъ утруждать читателя, а потому въ главѣ первой, не приводилъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ фактовъ, и даже весьма выпуклыхъ, свидѣтельствующихъ о мужествѣ, стойкости казачьихъ частей и казачьихъ офицеровъ, какъ напримѣръ:

Въ августѣ мѣсяцѣ прибыли въ тор. Бердичевъ, гдѣ засѣдалъ Казачій Сввѣтъ Юго-Зап. фронта, представители Лейбъ-гвардіи Сводно-казачьяго полка (того полка, гдѣ служили казаки восьми казачьихъ войскъ) и просили «Совѣтъ» оказать всѣ мѣры, чтобы убрать изъ полка вреднаго и противнаго для казаковъ агитатора урядника Подтелкова (извѣстнаго читателю), т. к. всѣ казаки настроены бодро и ихъ не увлекаютъ прелести большевистской пропаганды.

Я не упоминалъ въ своемъ мѣстѣ и о стойкости Забайкальскихъ казаковъ, которые прошли съ боемъ всю Европейскую Россію и громили г. Пензу и др. ж. д. станціи, гдѣ имъ большевики оказывали сопротивленіе послѣ того, когда совѣтскіе агитаторы были изгнаны изъ казачьихъ эшелоновъ—вагоновъ.

Я не говорилъ и о томъ, какъ отбивался 6 Дон. каз. полкъ отъ большевиковъ, пока не достигъ гор. Новочеркасска и о многихъ другихъ Дон. каз. полкахъ дѣлавшихъ это же.

Пусть читатель знаетъ, что, Уссурійскіе, Уральскіе и Сибирскіе казаки шли въ свой край черезъ всю Россію только съ боемъ, только винтовкой прокладывали себѣ дорогу на родину и только шашкою отбивались отъ навязываемыхъ имъ «свободъ» и пр. «завоеваній революцій».

А сколько фактовъ я еще не знаю!..

Думаю, что стойкость казаковъ и наличіе порядка въ казачьихъ частяхъ сомнѣнію не подлежатъ и достаточно доказаны, въ особенности, если добавить еще о томъ, что многіе войсковые начальники въ августѣ мѣсяцѣ 1917 г. просили у высшей власти не перемѣщать казачьи части, стоящія по сосѣдству съ ними, т. к. одно присутствіе казаковъ вблизи, благотворно сказывается на поддержаніи порядка и пр. жизни ихъ частей.

Но можетъ быть на Дону былъ порядокъ и казаки были крѣпкіе духомъ, какъ утверждаетъ полк. Добрынинъ?

Порядокъ былъ, но недолго и относительный.

Пришлось, какъ и самъ авторъ пишетъ, скоро въ Донецкіе рудники поставить казачьи части (очевидно не разложившіяся).

Если-бы въ тылу было-бы все благополучно, то надо думать вопросъ съ милиціей былъ-бы рѣшенъ быстро и просто, ибо на Дону къ 1 апрѣля 1917 года имѣлся кадръ молодыхъ, обученныхъ казаковъ въ количествѣ болѣе 10.000,—это очередныя команды пополненія въ полки, батареи и сотни, неотправленныя въ силу какихъ-то темныхъ причинъ (нѣкоторымъ частямъ даже нѣсколько командъ пополненія [1]).

[1] Эти данныя взяты на основаніи строевыхъ отчетовъ 37-ми Донскихъ казачьихъ полковъ, 14 батарей и 41 – отдѣльныхъ и особыхъ Донскихъ казачьихъ сотенъ.

Это составило-бы около 3 конныхъ дивизій прекрасной молодежи.

Но бѣда была въ томъ, что на Дону съ іюня— пошли разговоры, а не работа, и эта молодежь стала подгнивать на томъ Дону, который, по описанія полк. Добрынина, былъ тверже фронта.

Я въ августѣ мѣсяцѣ командовалъ полкомъ и самъ читалъ полку свѣдѣнія о состоявшемся соглашеніи Малаго Круга съ партіей нар. свободы въ вопросѣ выборовъ въ Учредительное Собраніе. Это извѣстіе не вызвало даже и разговоровъ среди казаковъ.

18-го мая Донской полкъ, которымъ я командовалъ, единогласно намѣтилъ въ Атаманы и только одного генерала Каледина, и съ такимъ наказомъ отправилъ своего представителя на Кругъ.

Это явленіе имѣло мѣсто во всѣхъ почти полкахъ Донского войска и потому я совершенно не могу и не хочу понять, о какихъ разложившихся къ іюню мѣсяцу казачьихъ частяхъ, говоритъ полк. Добрынинъ, и почему онъ удивляется тому, что фронтовики выставили опредѣленную кандидатуру въ Атаманы, только ген. Каледина. Можно утверждать, что полк. Добрыкину не попались подъ руки полковые архивы и документы строевыхъ частей Донского войска, ибо тогда бы и выводы его были бы несомнѣнно иными.

Мнѣ доподлинно извѣстно, что до начала 1919 г. несмотря на принятыя военной властью мѣры, все же архивы строевыхъ Донскихъ частей оставались въ тѣхъ станицахъ, гдѣ полки, батареи и сотни, заканчивали свою жизнь. Въ Новочеркасскѣ имѣлось архивовъ всего лишь 13-ти строевыхъ частей (всѣхъ строевыхъ частей Войско Донское выставило 178).

Полк. Добрынинъ съ августа 1918 г. до начала 1919 г. работалъ не выѣзжая изъ Новочеркасска. Съ января 1919 года архивы на мѣстахъ предавались уже огню и, такимъ образомъ, погибли для изслѣдователя.

Самъ полковникъ Добрынинъ не былъ въ 1917 году на фронтѣ. Онъ не былъ и въ тылу на Дону. Онъ въ эти интересные дни въ жизни Россіи, уже третій годъ, томился въ германскомъ плѣну, откуда онъ только въ августѣ мѣсяцѣ 1918 года, вмѣстѣ съ первой партіей донскихъ казаковъ прибылъ на Донъ, въ силу настойчивыхъ требованій Донского Атамана генерала Краснова передъ Императоромъ Вильгельмомъ. Быть можетъ, въ силу этихъ обстоятельствъ, полковнику Добрынину и неизвѣстны тѣ факты, которыя я здѣсь проводилъ. Остается, такимъ образомъ, предположить и полажѣть о томъ, что полковникъ Добрынина неправильно информировали или «тыловые герои» или быть можетъ тѣ «представители фронтовыхъ частей», которые уѣхали съ фронта въ апрѣлѣ 1917 года и благополучно болтались по тыламъ (по союзамъ, совѣтамъ, комитетамъ, кругамъ) до ноября 1917 года, къ общей радости и для себя и для своихъ частей, гдѣ ихъ давно и по справедливости считали «лишними людьми».

С. Денисовъ.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
17	св. 5	1921	1917
32	св. 1	возвратился	возвращался
33	св. 15	Донецкая	Донецкаго
38	сн. 2	28 марта	31 марта
38	сн. 5	Бессергеневскій	Заплавскій
43	сн. 1	Греновъ	Грековъ
44	сн. 4	(около 500)	(около 300)
61	св. 18	а по начальству	ее по начальству
45	св. 19	21	19
51	сн. 9	Балдыревъ	Болдыревъ
54	св. 6	21	19
67	сн. 1	2 февраля	12 февраля
69	св. 10	пораженія	положенія
71	сн. 16	Н. И. Сидоринъ	В. И. Сидоринъ
75	сн. 8	Семенъ Макаровъ	Дмитрій Макаровъ
79	св. 6	поставили	поставилъ
79	сн. 7	Вашему начальнику	Вашему начальнику Штаба

Цѣна 1 лира.

Типографія Издат. Т-ва «ПРЕССА». Константинополь.

Генералъ Денисовъ

ЗАПИСКИ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГѢ РОССІИ 1918—1920 г.г.

(Въ семи книгахъ, съ приложеніемъ 70 картъ-схемъ, исполненныхъ въ цвѣтныхъ краскахъ).

КАРТЫ-СХЕМЫ

Приложеніе къ I-й книгѣ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
1921.

Схема
№1
карта Донского войска
Поворино
Елань
Округъ
Урюпинская
Калачъ
Хоперскій
Богучары
Р. Хоперъ
Себряково
Михайловка
Медвѣдица
Округъ
Округъ
Вешенская
Р. Донъ
Чертково
Верхне-Донской
Усть
Усть-Медвѣдицкая
Медвѣдицкій
Округъ
Донецкій
Чиръ
Округъ
ЛугансКъ
Луганская
Митякинъ
Царицынъ
Каменская
Нижне-Чирская
Лихая
Усть-Бѣлокалитвенская
Второй-Донской
Округъ
Округъ
Макѣевка
Сулинъ
Жутово
Грушевъ
Первый-Донской
Таганрогскій
Округъ
Персіановка
Раздорская
Новочеркасскъ
Р. Донъ
Константиновская
Округъ
Кривянская
Задонье
Ростовъ
Бессергеевская
Богаевская
Калміусъ
Таганрогъ
Р. Сал
Батайскъ
Манычская
Округъ
Азовъ
Азовское море
Черкасскій
Кагальницкая
Маничъ
Ростовскій
Мечетинская
Сальскій
Р. Ея
Великокняжеская
Егорлыцкая
Торговля
Вер. 60 48 36 24 12 0 60 120 верстъ

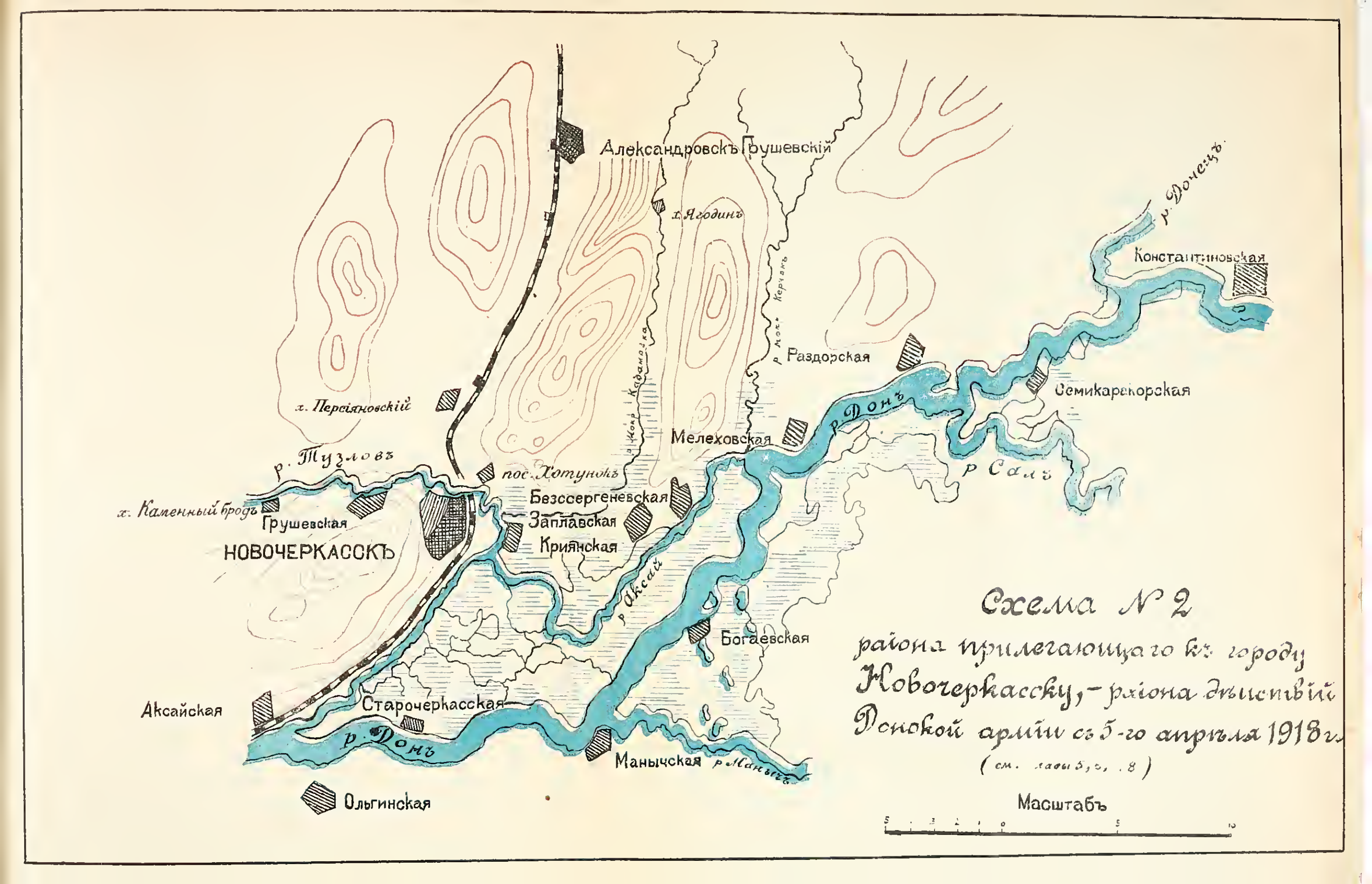

Схема № 2
района прилегающаго къ городу Новочеркасску, — района дѣйствій Донской арміи съ 5-го апрѣля 1918 г.
Александровскъ Грушевскій
х. Ягодинъ
р. Донецъ
Константиновская
Раздорская
Семикаракорская
р. Донъ
р. Салъ
Мелеховская
р. мокр. Кадамовка
х. Персіяновскій
р. Тузловъ
пос. Хотунокъ
Безсергеневская
Заплавская
Кривянская
х. Каменный бродъ
Грушевская
НОВОЧЕРКАССКЪ
р. Аксай
Богаевская
Аксайская
Старочеркасская
р. Донъ
Манычская
р. Манычъ
Ольгинская
Масштабъ
5 0 5 10

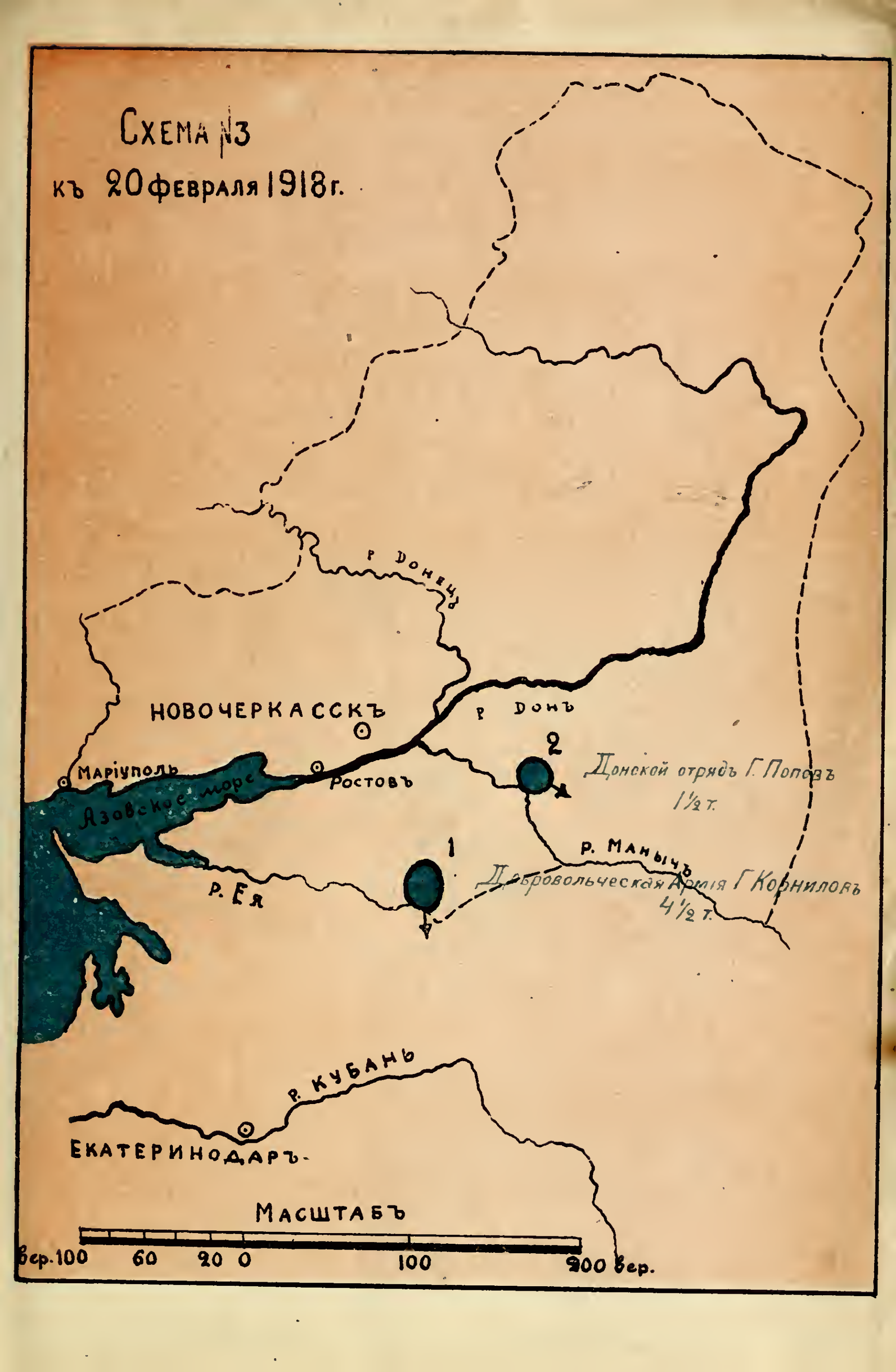

Схема №3
къ 20 февраля 1918 г.
р. Донецъ
НОВОЧЕРКАССКЪ
р. Донъ
2
Донской отрядъ Г. Поповъ
1½ т.
Маріуполь
Ростовъ
Азовское море
1
р. Манычъ
Добровольческая Армія Г. Корниловъ
4½ т.
р. Ея
р. Кубань
ЕКАТЕРИНОДАРЪ
МАСШТАБЪ
вер. 100
60
20
0
100
200 вер.

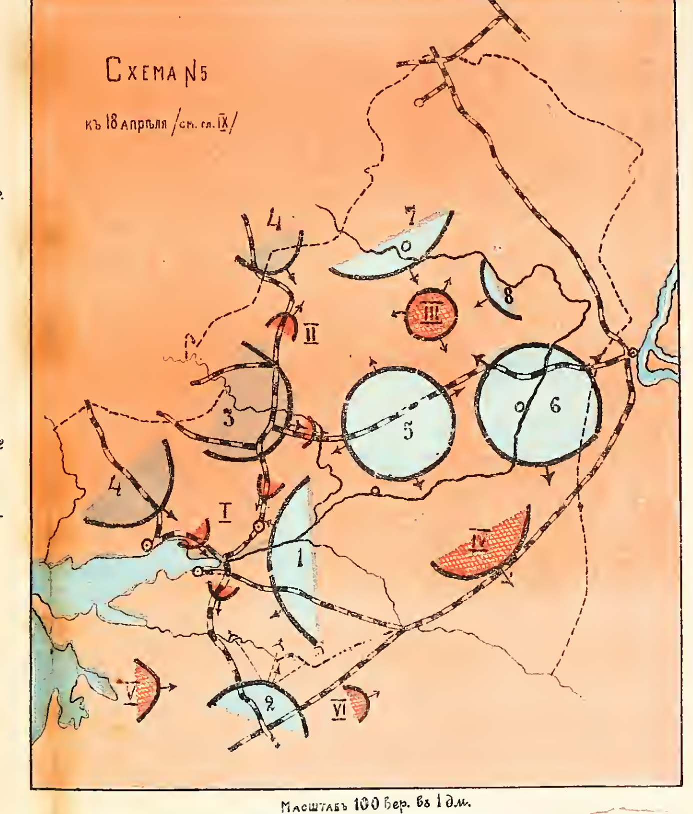

Схема № 4
къ 5 апрѣля 1918 г.
Ст. Урюпинская
5 Отрядъ партизанъ
100 ч.
Р. Хоперъ
Казаки
ст-цъ Луг., Мит. и
Гундоровск.
2-3 тыс.
Ст. Луганская
Ст. Митякинская
Ст. Гундоровская
Р. Донецъ
Сборные отряды
2 Дон. округа
Полк. Мамантовъ
5 т.
Ст. Ниж.-Чирская
Ст. Суворовская
Казаки 1 Дон. окр.
Ст. Н-Курмоярская
Донской Отрядъ
Ген. Поповъ
1 1/2 т.
Ст. Константиновская
Донъ
НОВОЧЕРКАССКЪ
Ст. Кривянская
Запл. и Бессергеневская
Багаевская
Манычская
Формирующаяся
Донская Армія
Ген. Полякова - 3 тыс.
Задонскія ст-цы
Ген. Семеновъ 3 тыс.
Азовское море
Ст. Кагальницкая
Ст. Мечетинская
Р. Манычъ
Ст. Егорлыкская
Р. Ея
1 Добровольческая Армія
Ген. Деникинъ
МАСШТАБЪ
Вер. 100 20 40 0 100 200 ве
ЕКАТЕРИНОДАРЪ

Къ Сх. N5.

1. Донская Армія (Южн. гр. 6т. Полк. Денисова и Сѣв. гр. Ген. Попова) 2½т. гр. Полк. Семилѣтова, Задонская гр. Ген. Семенова 5½т. —— 14т.
2. Добровольческая Армія Ген. Деникина — 1½т.
3. Нѣмцы и казаки Донецк. окр. – казаковъ – 3т.
4. Части 1го Арм. Корп. Германск. Арміи —
5. Казаки 1го Донского окр. —— 1т.
6. Отр. Полк. Мамонтова 2го Дон. окр. — 5т.
7. Казаки (Мигулинцы) В-Дон. окр. — 2т.
8. Отр. Полк. Грекова (атаманцы, офицеры) — ½т.

Противникъ:

I гр. большев., отходящихъ къ Ростову и дальше въ южн. напр.
II. " " проскочившихъ на сѣверъ.
III " " мѣстныхъ, быстро растворившаяся (въ этой гр. были Подтелковъ и Кривошлыковъ опознанные казаками и ими повѣшенные).
IV " " отходящихъ на ж.д. къ Царицыну
V " " преслѣдующая Добровольч. Армію
VI " " бѣгущихъ отъ Добровольч. Арміи.

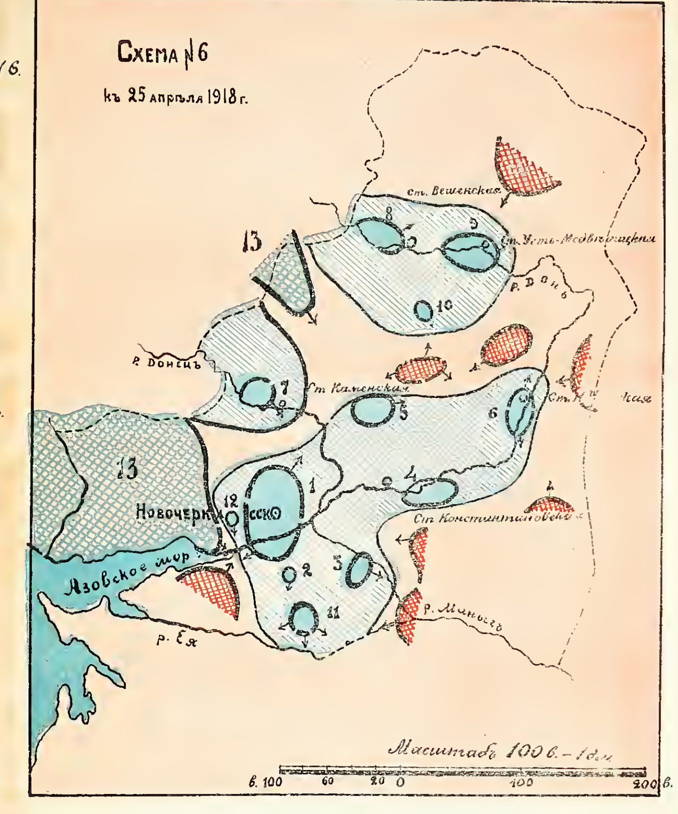
Сх N 6.

1.
2.
3. } Донская Армія Полк. Денисовъ - 14 т.
4.

5. Отрядъ Ермаковско-Екатерининскій Полк. Быкадорова - 1 т.
6. Казаки 2го Донского окр. Полк. Мамонтова - 5 т.
7. Казаки Донецкаго окр., дѣйствующіе при помощи Нѣмцевъ - 5 т.
8. Казаки Усть-Медвѣдицкаго и Верх-Донского окр., дѣйстве-
9. ющіе вначалѣ самостоятельно, а потомъ вмѣстѣ
10. подъ общимъ руководствомъ В. Ст. Голубинцева - 10 т.
11. Добровольческая Армія Ген. Деникина - 1½ т.
12. Отрядъ Полк. Дроздовскаго въ распор. Донск. власти 1½ т.

Итого 38 т.

13. Нѣмцы - I Арм. Корпусъ.

путь конницы высланной въ Ростовъ 22го вечеромъ
мѣсто сбора отряда и расхожденія колонъ
Новочер. п. и два орудія
линіи резервъ и 4 орудія
полки второй
пос. Хотунокъ
Грушевская
НОВОЧЕРКАССКЪ
мѣсто наблюденія за боемъ
Бессерг. п.
Безсергеневская
инт.
Заплавская
Кривян. п. и два оруд.
Кривянская
Партія охотниковъ для наблюденія фланга
Богаевская
хл.
Схема № 7
Заплавской позиціи Донскихъ казаковъ съ 5 по 2 апрѣля 1918 года.
Масштабъ

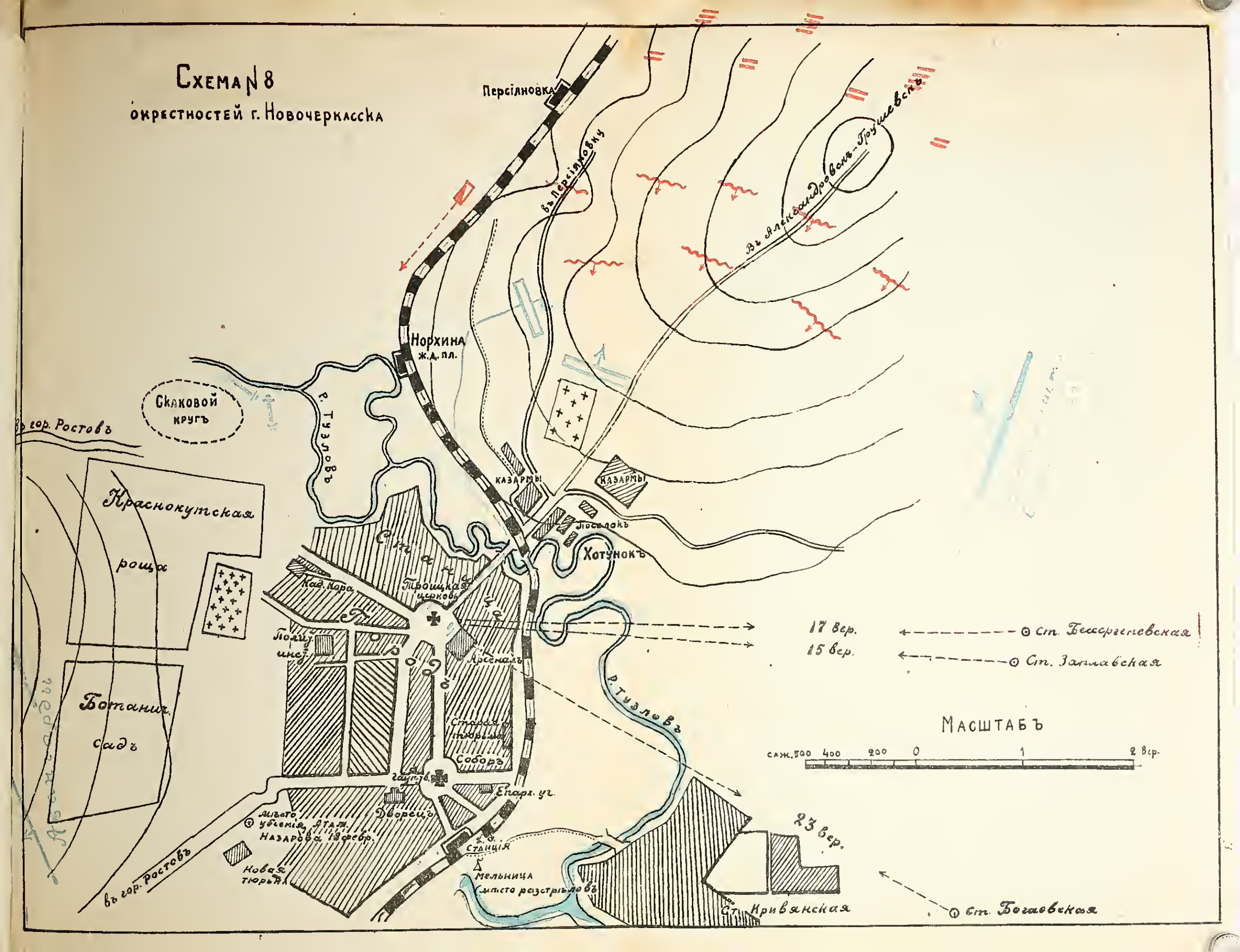

Схема N 8
окрестностей г. Новочеркасска
Персіановка
въ Персіяновку
въ Александровскъ-Грушевскъ
Норхина
ж.д. пл.
Скаковой кругъ
въ гор. Ростовъ
р. Тузловъ
Краснокутская
роща
Ботанич.
садъ
Казармы
Казармы
Поселокъ
Хотунокъ
Кад. корп.
Троицкая церковь
Полиц. инст.
Арсеналъ
Старая тюрьма
Соборъ
Гаупт.
Епарх. уч.
Дворецъ
Мѣсто убіенія Атам. Назарова 18 февр.
Новая тюрьма
въ гор. Ростовъ
Станція
Мельница
(мѣсто разстрѣловъ)
р. Тузловъ
17 вер.
15 вер.
Ст. Бессергеневская
Ст. Заплавская
Масштабъ
саж. 500 400 200 0 1 2 вер.
23 вер.
Ст. Кривянская
Ст. Богаевская

Константинополь.

Типографія «ПРЕССА».

Асмали-Месджидъ 35.